
ЛЕТО'04
< 7=8 >
где-то так

Информационно-развлекательный
журнал "НАШ"
#7-8(июль-август)2004 года
Издатель и учредитель:
ООО независимая издательская
организация "Дива"
Адрес редакции и издателя:
49038 Днепропетровск,
пр-кт Карла Маркса, 98,
80562.32-25-80, 8056.370-42-68
Журнал отпечатан в типографии
"Украина":
Днепропетровск, ул.комиссара
Крылова,7а, 0562.347711
Главный редактор - А.В.Бухман
Тираж[25000]экз.
Цена договорная
Индекс подписки в УКРПОЧТЕ:
22927
Свидетельство о регистрации
кв#3605 от 24.12.1998

фрагмент рубашки макса шевцова
фрагмент картины сандро боттичелли.

04
голодная смерть
Организации, занимающиеся реализацией журнала "НАШ" по Украине.

Днепропетровск:
ООО "СВ", т. 323993;
ООО "Реал –Собор", т. 321661; ЧП Тишкина , т. 7786642; ЧП Чуйкова, т. 361195;
ЧП Голубницкая, т. 342244;
Харьков: Книжный рынок "Райский уголок", ЧП Погорелая, т. (0572)942374;
Крым: ООО "Крымторгпресс", т. (0652)248073;
СПД Василевич, т. (0652)277832; ЧП Бучко, т. (0652) 517055;
Одесса: ЧП "Пресслужба Одессы", т. (0482) 344600;
Запорожье: КП "Пресса", т. (0612) 637473;
Львов: "Пресса Плюс", (0322) 634163
Донецк: ЧП Лобачева, т. (062) 3384137, 3811765;
Кременчуг: Агентство подписки "Приватна доставка", т. (05366) 25 833;

Ивано-Франковск: ООО "ЗПС", т. (0342) 556514, 552181.
Представитель в Киеве: т. (044) 5673644.
Представитель в Одессе: т. (0482) 614137.

фото:саша сердцеед,<kodak67@mail.ru>
боди-арт:геннадий гутгарц,<gutgarts@ukr.net>
EDIT:
От редакции

красивая жизнь

анхесен антоновна кессельман (жоржык),фрагмент проекта фотографа генриха гофмана-младшего [житие анхесен-ба-атон и ба-атона в клеймах],
8067.4400294,<horoshilov@fm.com.ua>

издатель и главный редактор антон бухман соиздатель геннадий корбан коммерческий директор виктория никитина редактор макс шевцов редактор владушка оладушка менеджер по распространению виктория заворотняя цветоделение и pre-press андрей давыдов сканирование и цветокоррекция сергей кошевой дизайнер вадим ганненко арт-директор-дизайнер-и-всё-такое игорь николаенко

Благодарим за помощь в подготовке номера 7–8'2004(в беспорядке): Егора Ковальчука, Игоря Гусева, Рея Тибериуса Нормана Сизара, Джейсона Вебли и клуб ГАНДЖУБАС, группу СТУП(Е)НИ, Александра Мильштейна, Алексея Цветкова, Владимира Козлова, Геннадия Гутгарца и его сильно накрашенных девушек, Митю Кравцова, Николая Троха, Наталью Филоненко, Галерею Гельмана В Киеве, Адольфыча, Пашу Белика, Дмитрия Десятерика, Александра Соловьева, Сергея Жадана и его домочадцев, весёлого польского парня Михала, харьковский "Союз Писателей", АЛЮМИНИЕВЫЙ ОГУРЕЦ, Свету Герасимову, Таню Замировскую, Диму Прибытько, Олю Полищук(и с днем рождения), Нобра-Нобра-Нобра, Брэка, Лилю, ПиДжейХарви, Лени Рифеншталь, Аришу за убежище, украинских таможенников за 200 русских рублей, Женю Белентьева и его попутчицу, фанаток группы ОКЕАН ЭЛЬЗЫ, бомжа Женю с автовокзала, всех, кого мы любим, и многих других хороших людей. Спасибо всем читателям журнала.

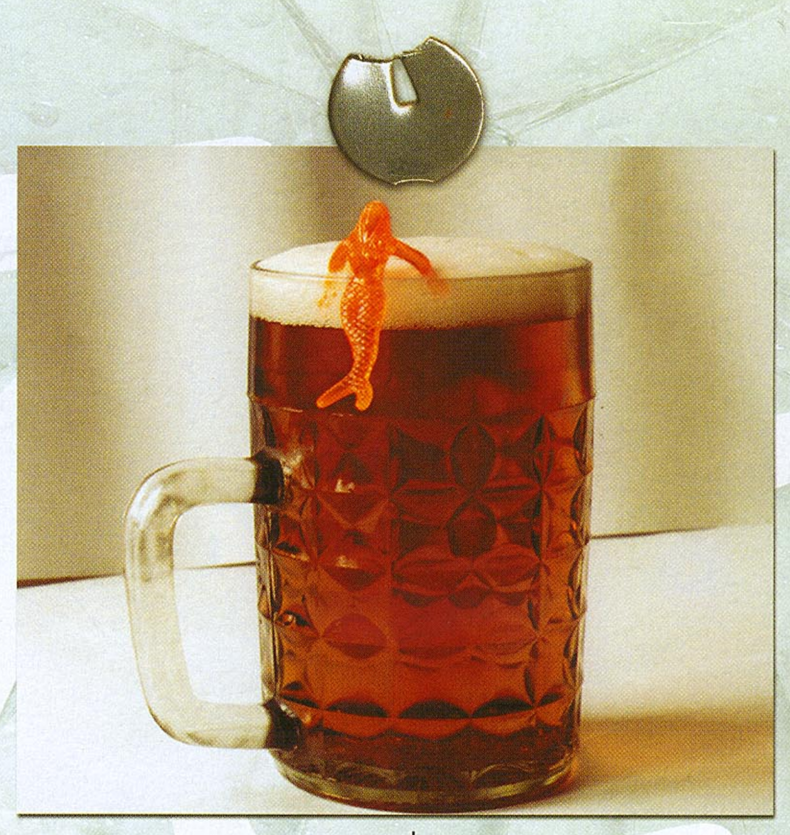

фото:валик

Журнал НА!!! всегда рад откликнуться на предложения о творческом сотрудничестве. Главным критерием при отборе работ служат извращённые вкусы редакции. Публикации интервью, фото- и арт-проектов, информация о концертах, выставках и других культурных событиях не носят коммерческого характера; благодарности в особо крупных размерах приветствуются и поощряются. Для девушек вход бесплатный.

art@nash.ru
text@nash.ru
money@nash.ru

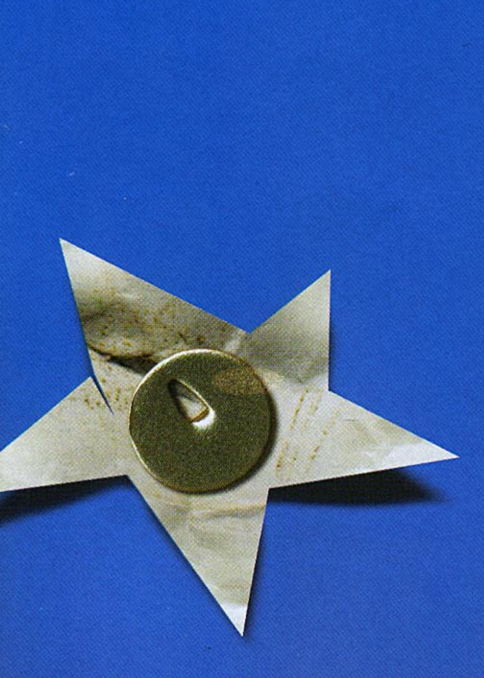
*арт- и фотопроекты – Игорь Николаенко, арт-директор
E-mail:art@nash.ru
T.(056)3704268

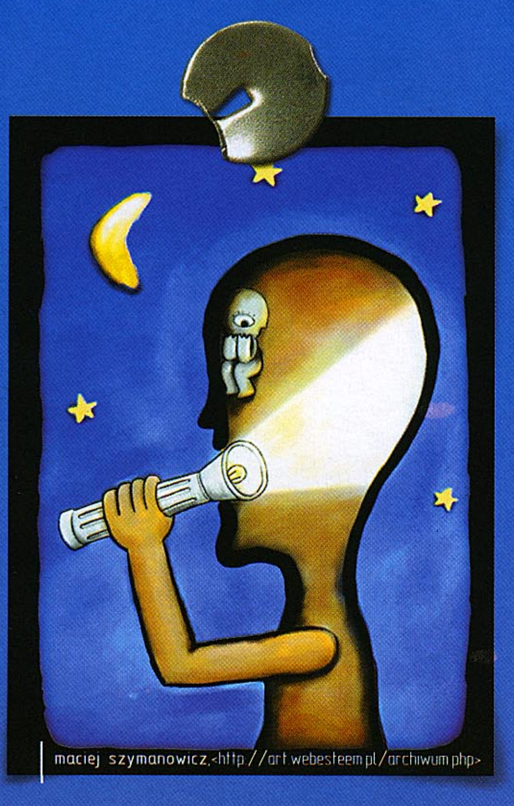
**тексты – Макс Шевцов, редактор
E-mail:text@nash.ru;
T.(056)3704268

***реклама – Виктория Никитина, коммерческий директор
E-mail:money@nash.ru
T.(0562)322580

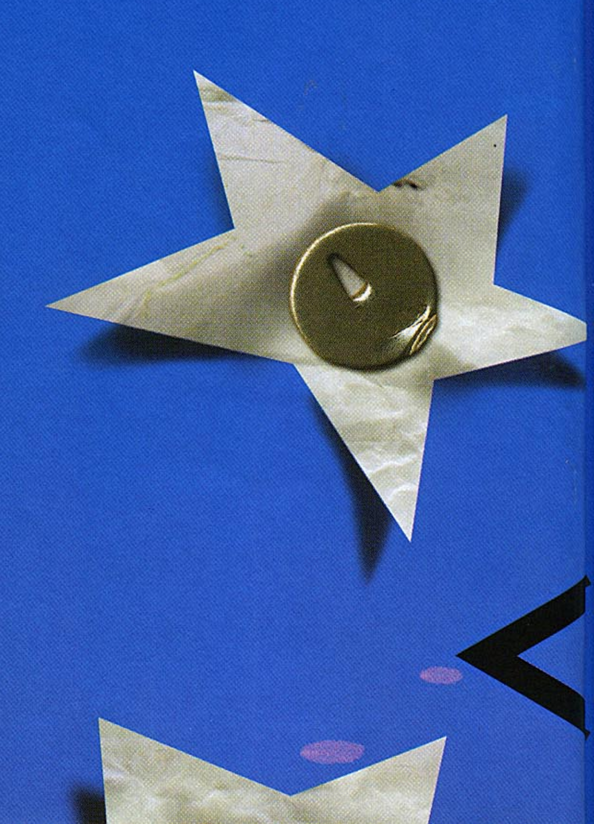
фото:александр вход,<kodak67@mail.ru>

Техническая информация: Так как это уже 52-й номер журнала, все старые обложки на одном развороте просто не помещаются. Так что верьте на слово: все они были нечеловечески красивы, за каждой скрывалось дофигища страниц с чудовищно талантливыми фотографиями и иллюстрациями и нереально умными и ироничными текстами. Уже пять с половиной лет мы перетираем с вами за жизнь (см.фото вверху), за доброе прогрессивное искусство (тоже смотри, только внизу) и про уродов-глобалистов (вот они справа). Van ondertekening naar bekrachtiging Het ondertekenen van de Europese Grondwet door de regeringsleiders en staatshooden is de eerste stap op weg naar de bekrachtiging. Na 29 oktober hebben de parlementen van de lidstaten een termijn van twee jaar om hun akkoord te geven aan het verdrag. In zeven landen zal de parlementaire goedkeuring vooraf worden gegaan door een referendum i. De landen die een referendum houden zijn voorlopig. И так будет с каждым. Форэвэ.

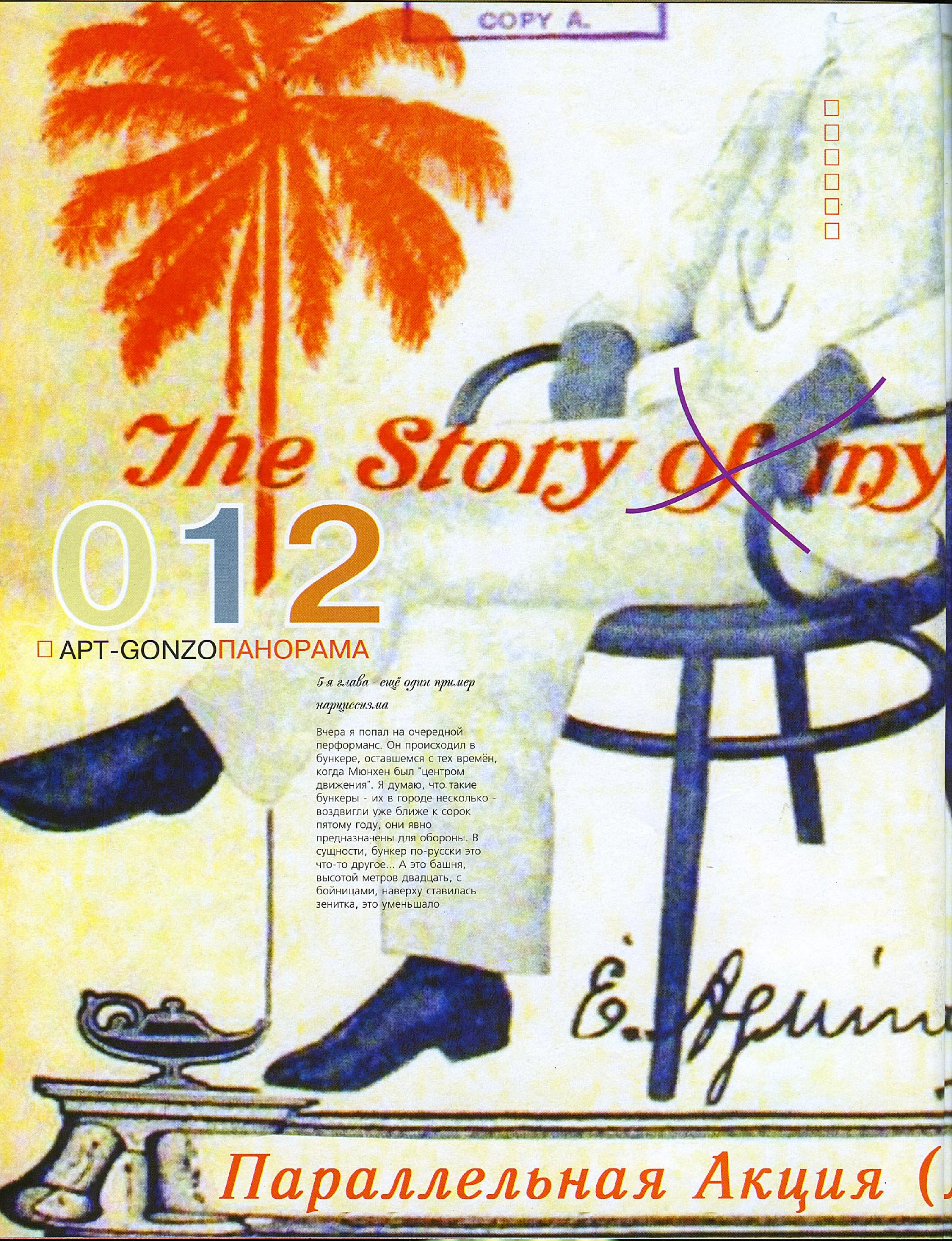
maciej szymanowicz,<http://art.webesteem.pl/archiwum.php>

конспиративная квартира в киеве:
ул. красноармейская, 28 т. 2281149, рома новиков

СССР
011
о главном
Мы не призываем вас подписываться на журнал НА!!!,
но сделать это – просто, как кошку побрить.
Подписные агентства, принимающие подписку на журнал "НАШ":
Агентство "KSS" , т. (044) 464 02 20
"Деловая пресса", т. (0322) 70 34 68, 70 54 82
"Меркурий", т. (0562) 744 16 61
"ЗПС – Информ", т. (0342) 50 20 20
А также во всех отделениях УГППС "Укрпочта". Подписной индекс в каталоге отечественных изданий – 22927
А заполучить несколько старых номеров
совсем уж легко.
Это можно сделать, позвонив в редакцию по т.0562/322580, 056/3704268, или заглянув на книжный рынок "Петровка" в Киеве, 35 ряд, 5 место; или вступив в Общество Юных Помощниц редакции НА!!!его.
Короче, несите нам ваши денежки.
А мы вас за это крепко взлюбим.
фото саша самовар,<kodak67@mail.ru>

012

□ АРТ-GONZOПАНОРАМА

5-я глава - ещё один пример нарциссизма

Вчера я попал на очередной перформанс. Он происходил в бункере, оставшемся с тех времён, когда Мюнхен был "центром движения". Я думаю, что такие бункеры - их в городе несколько - воздвигли уже ближе к сорок пятому году, они явно предназначены для обороны. В сущности, бункер по-русски это что-то другое... А это башня, высотой метров двадцать, с бойницами, наверху ставилась зенитка, это уменьшало

Параллельная Акция (

пятнадцать, мы собрались в небольшую кучку на первом этаже и стали думать, куда бы двинуться дальше. Решение, которое в итоге приняло большинство, мне понравилось - ехать на парти, устраиваемое киношколой в Муфатхалле. Идея была - выдать себя за каких-то таинственных режиссёров и познакомиться таким образом с хорошенькими актрисами. Вход оказался не то что даже платным, нас вообще не пускали, это было закрытое парти. Мы отошли в сторонку, и тут Бернду в голову пришла идея. Он попросил незнакомую девушку, только что вышедшую из зала, показать ему руку. Она показала руку, он взял её и поднёс к глазам, внимательно рассмотрел и сказал "Ага!". После этого он предложил нам свои услуги. Бесплатные, разумеется. Бернд нарисовал каждому из нас точно такой же штамп, как у той девушки. И мы пошли ко входу. Краем глаза я успел заметить, что к Бернду уже выстроилась очередь из незнакомых людей, которые тоже хотели попасть таким образом на парти. Бернд - душа-человек - никому не отказывал и всем рисовал печати. Кончилось это тем, что мы все прошли, а Бернда не пустили - в качестве наказания, что ли, или он устал и себе - последнему - нарисовал плохую печать. Мне стало жаль Бернда, но когда я увидел это кислое парти, где не было ни одной красивой актрисы, я понял, что ещё неизвестно, кто кого должен жалеть. (...)

Сальваторе - кутюрье, он придумал революционную коллекцию под названием "Нарцисс", а потом решил сопроводить её помимо лэйбла ещё каким-то поэтическим комментарием. Да и лэйбла тогда ещё у него не было, мы пошли с ним в Баварскую библиотеку и разыскали в ботанических атласах изображения цветка, Сальваторе сделал копии, потом мы ещё разыскали несколько вариаций на тему нарцисса в мировой литературе, и Сальваторе их тоже скопировал. Томас визуализировал его идеи, Томас прекрасный график, и вот уже у них была чудесная папка, посмотрев которую, один денежный мешок, уже не раз осуществлявший проекты в сферах высокой моды, дал Сальваторе и Томасу зелёный свет, удвоив при этом семизначную цифру, которую они запросили на реализацию своих планов. Сальваторе рассказывал нам об аудиенции у денежного мешка два часа, хотя длилась она в реальном времени минут сорок. А потом денежный мешок передумал. Может быть, он и с самого начала не думал давать никаких миллионов, а просто решил подарить парню два месяца счастья. Мы непрерывно пили за успех Сальваторе, Сальваторе рассказывал, как он нас всех осчастливит, для каждого должно было найтись место в этом "нарциссическом" проекте. С трудом могу представить, что бы я мог там делать, но кто знает, может быть, Сальваторе не шутил, и одним безработным стало бы меньше. Но через два месяца денежный мешок передумал. Сослался при этом на войну в Ираке, падение каких-то акций, всё это произошло не вчера, но какое-то время его отказ от своих слов не был таким однозначным, и Сальваторе ещё во что-то верил, и только накануне он осознал, что это на самом деле полный пи*дец. Жёлтый цветок сыграл очередную свою злую шутку. Сальваторе стал впадать в депрессию. А когда он вышел из основного зала Муфатхалле в бар, там ему стало совсем уже не по себе. На всех стенах были приклеены нарциссы, то ли живые, то ли искуственные, просто скотчем приклеены к стене, ко всем четырём стенам, они окружали маленького Сальваторе со всех сторон, и, сделав полный оборот в центре бара, он вышел в ночь, поймал такси и поехал...

вероятность попадания в неё осколков. Стены метровые, по меньшей мере, винтовая лестница, на каждом уровне мрачные кельи, лучшего места для акционистов не найти. Они задействовали все четыре этажа башни, то есть действия, которые они совершали, происходили во многих местах одновременно, а связи между действительностями были разными, иногда кто-то заходил, читал какой-то текст из книги, потом шёл по лестнице на другой этаж, продолжая читать, я распознал в бормотании девушки стихи Гёте, а в комнате пожилой лысый акционист читал рассказ Кафки "Деревенский врач": "Нет-нет, мальчик болен, очень болен..." За его спиной на стенку проецировался какой-то подводный мир, а другой человек с лэптопом подкручивал тихонько булькающее музыкальное сопровождение. Тут вошёл ещё один участник, взял гаечный ключ и ударил им по батарее отопления, это был знак, по которому на всех этажах что-то поменялось, как-то все быстрее забегали. Или не все, а только участники, которых, однако, нелегко было отличить от зрителей. Среди зрителей было несколько моих знакомых, и, поблуждав так по этажам ещё минут десять-

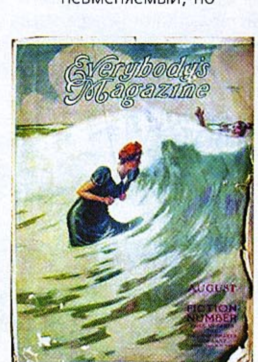
6. Истоки параллельной акции

Со многими я впервые познакомился лет шесть назад на искромётном парти,

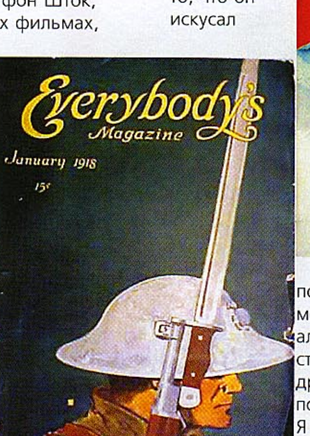

которое происходило в квартире Манфреда. С Манфредом мы учились на одних компьютерных курсах, оба были там белыми воронами, оба честно пытались начать новую жизнь в бравом мире, но с каждым месяцем занятий становилось всё очевиднее, что эти планы были утопией. В перерывах мы ходили по Терезиен-визе и говорили о литературе, о философии, отец Манфреда был специалистом по Фихте, конечно, услышав об этом, я не мог не вспомнить о параллельной акции. Манфред помогал отцу в работе с различными манускриптами и пытался стать программистом. Потом отец Манфреда ни с того ни с сего попытался покончить с собой, неудачно, но после этого Манфред полностью забросил курс, а я отсидел до конца, с Манфредом мы теперь общались в неурочное время. Вскоре после того, как он бросил учёбу, Манфред пригласил меня на импровизированное парти. Оно было посвящено прилёту к Земле крупной кометы... Галлея? Кажется. Комета видна была в открытом окне. В небе над Мюнхеном той ночью не было ни звёзд, ни Луны, только комета. Перед этим я читал в газете, что какая-то секта, проповедовавшая конец света, вся, до единого её члена, а это было примерно 20 человек, покончила с собой. Основание: они прознали (из надёжных источников), что за кометой, прикрываясь её пушистым хвостом, к Земле подлетел корабль каких-то гавриков, готовых взять к себе на борт тех, кто к этому готов. Кто созрел. После этого известия все члены секты приняли яд и, надо верить в лучшее, улетели от нас на корабле. Я прочёл это накануне и, попав на комета-парти к Манфреду, я, оглядывая окружающих людей(?), подумал: а не произошёл ли там обмен? 20 улетели, а другие 20 - с корабля - остались на Земле. На диване сидела девушка, похожая на одну из героинь "Жидкого неба", и рассказывала о том, как в тот же день увидела аварию. Человек попал под машину. Она рассказывала очень подробно, в таких деталях, что казалось, самое поразительное для неё во всём этом было то, что земные люди оказались такими хрупкими, хотя с виду... Позже я узнал, что М. делает инсталляции из поролона, куски которого она так обрабатывает паяльной лампой и красной краской, что они выглядят как открытые раны... Какие-то стигматы вещей, в этом было что-то жуткое, в этих её поролоновых инсталляциях, увидев их, я вспомнил тот первый вечер, её рассказ о несчастном случае, слёзы, которые были при этом у неё в глазах. Эти поролоновые раны поэтому казались совершенно неожиданными... но, наверно, не надо было их воспринимать как изнанку души М., может быть, в гораздо большей степени это была попытка переработать слишком сильные впечатления. Пара-лоновые параллели... Не только для меня, для всей нашей компании эта инсталляция М. была полной неожиданностью. Теперь М. делает какие-то комнаты, более сложные параллельные пространства. Но, чтобы писать о М. и др., по идее надо уехать, если не на другую планету, то в другую страну. Не потому, что я боюсь, что прочитав эти записки, они устроят мне "тёмную". Просто нужна дистанция, лицом лица не увидать... И я ведь по-прежнему не знаю, что это, мемуары, или фильм-нуар... Что касается узнаваемости... Недавно супруги Черешневские прочитали мою книгу и сказали следующее: "За последнее время в наш дом попали две книги. Одна - твоя, другая N. После того, как мы прочли книгу N., у нас пропало всякое желание с ней общаться. Почему? Да потому что мы узнали в её персонажах своих знакомых, и даже близких друзей, и то, что N о них написала, и то, как она это сделала, вызвало у нас глубокое возмущение. А после того, как мы прочли твою книгу, мы тоже там узнали массу знакомых, но нам после этого захотелось с тобой общаться". Услышав это, я подумал, чёрт возьми, N пишет лучше, мне не хватает злободневности... В то же время я вспомнил, что мне очень понравилось, как N меня описала... Правда, в конце рассказа она меня замочила, но это уже, наверно, законы жанра, тут уж ничего не поделаешь. В общем, я пока не знаю, надо ли менять имена и фамилии, тем более, если они так красивы, как у Мити, который взял себе фамилию первой или второй своей немецкой жены, и фамилия у него теперь звучит так: фон Шток. Возвращаясь на Feuerball-Ball (комета всё ещё видна в окне, как небольшая светлая расщелина в чёрном монолите), я вижу фон Штока, распластавшегося на паркете посередине комнаты в позе бегуна на короткие дистанции, его никто не замечает, если надо, через него спокойно переступают с бокалом в руке... Мне объяснили, что это известный русский актёр фон Шток, который снялся во многих фильмах, кроме того он пишет картины и делает инсталляции. В какой-то момент фон Шток поднялся с пола, снял рубашку и стал крутить ею над головой. Казалось, что он совершенно невменяемый, но

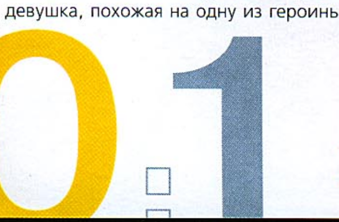
Манфред заверил меня, что это не так. В самом деле, фон Шток вскочил вдруг на стул и стал декламировать стихи Анны Ахматовой, в немецком переводе, разумеется. На лице у фон Штока были шрамы, Манфред объяснил мне, что тот недавно ездил в Москву. По его (самого фон Штока) словам, ему там не съездили по физиономии, а просто он упал во время богослужения в какой-то церкви, так упал, что разбил лицо. Скажи дураку молиться... - начал было я, но Манфред сказал, что фон Шток может быть и не молился, а благодарил. Я в этом не очень разбираюсь, - сказал я, - разве это не одно и то же? Нет, - сказал Манфред, - фон Шток благодарил церковь. Она дала ему деньги на билет в Москву, понимаешь? Ну, то есть Мюнхенская миссия русской православной церкви. Что касается шрамов... Мы всё-таки думаем, что его там избили, зная Митин характер... Он застрял в Москве надолго, улетел на неделю, а вернулся через год. На обратный билет мы ему передавали деньги, и не раз, он их тратил, и опять пропадал, но потом опять кому-то звонил, в общем, в конце концов, мы снарядили экспедицию, Стэфи поехала в Москву, вон та девушка у окна, и привезла наконец Митю. Без него никак нельзя, Митя - душа нашей компании".

Душа компании подошёл ко мне и сказал "говорят, ты из России". Я сказал, что из Украины. Спросил, в свою очередь, в каких фильмах он играл. Он назвал несколько фильмов, я ни один из них не видел. Оказалось, что это довольно старые фильмы, потому что Митя попал в кино ещё ребёнком, и пик его кинокарьеры пришёлся на юность. А что теперь? Теперь он стал художником, хотя от предложений в кино не отказывается. Ему предлагают сыграть главную роль в каком-то русско-немецком роуд-муви... С тех пор прошло уже пять или шесть лет, ни в каком кино с тех пор фон Шток не снялся, периодически нам всем становилось страшно за него, он пропадал надолго, его искали и здесь и в Москве, кто-то видел его в городе, в компании явных клошаров, его сажали в тюрьму за то, что он искусал

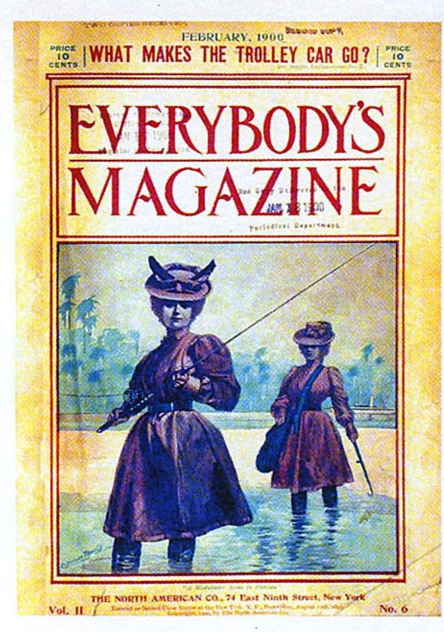

полицейского, потом он месяц лечился от алкоголизма, после чего стал на время совершенно другим человеком, у него появлялись какие-то идеи... Я помню одну - он рассказал мне её в "Акасаке"... При этом в стакане у него была чистая вода из-под крана. Его идея состояла в том, чтобы сделать Царь-колокол из дерева, в натуральную величину. Я пожал плечами - па und? Ну и что? "Ты не понимаешь, - сказал фон Шток, - ты не понимаешь. Царь-колокол из дерева, это же просто пи*дец, ты не понимаешь..." Конечно, он не осуществил этот проект, через неделю он снова стал пить, и в следующий раз, когда я встретил его в "Акасаке", он полуголый, что твой Игги Поп, скакал у стойки, размахивая рукой у себя над головой, как будто и в самом деле звонил в колокол, даже не бесшумный из дерева, а вообще невидимый... Потом он стал бить стаканы, и Торо выгнал его из бара. А начинали они вместе, Торо, бывший актёр театра Кабуки, и фон Шток, артист погорелого кино, уговорили владельца ресторана "Акасака" открыть этот красный уголок, где целый год собиралась наша компания, почти забыв на это время про Holly Home и другие замечательные места. Вряд ли фон Шток ещё помнит о деревянном колоколе, вряд ли я когда-нибудь пойму, что он хотел этим сказать. (...)

Честно говоря, я давно уже не видел фон Штока, но надеюсь, он ещё всплывёт, я в этом уверен. Тогда, года три назад, он под завязку своего трезвенного периода, сильно удивил меня и ещё нескольких своих знакомых, каждый из которых, по чистой случайности, включил телевизор в одно и то же время, на одном и том же канале. Время было уже довольно

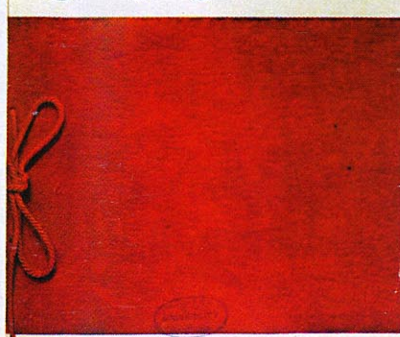

позднее, и следующей кнопкой, которую я собирался нажать, была красная, выключавшая ящик. До этого я машинально переключал каналы, я уже засыпал... И вдруг увидел на экране фон Штока в белом халате и колпаке. Когда он к тому же закричал на русском: "Тревога! Ядерная опасность! Тревога! Всем срочно перейти в убежища!", я перехотел спать, и стал смотреть, что будет. Дальше стало понятно, что это передача, посвящённая годовщине Чернобыльской аварии, и фон Штока взяли на роль статиста, наверно, он всё ещё числится в какой-нибудь агентуре, или агентстве, и ему иногда звонят оттуда, когда нужно прокричать что-то по-русски.

7. Ирония судьбы, или?

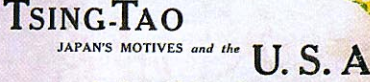
Новый 2002-й год мы с друзьями отмечали в "Акасаке". Есть стихотворение Вольфганга, описывающее эту ночь, вечером я позвоню ему и, когда он пришлёт мне e-mail, попробую перевести стихотворение на русский. (...)
Вольфганг работает в Seuddeutsche Zeitung редактором, попутно выпускает книги своих стихов и годами пишет какой-то

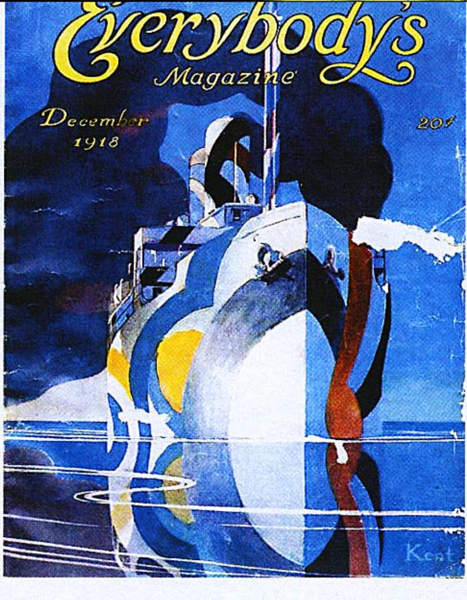
роман. Я знаю только, что герой романа - учёный-ихтиолог, а Leitmotiv - изменчивость нашего мира, это Вольфганг мне рассказал, пока мы с ним переплывали Пильзензее.
Кроме того Вольфганг научил *правильно* писать Сорокина. Более десяти лет назад Вольфганг принимал участие в какой-то совместной русско-немецкой акции, и там (всё это происходило в специальном поезде - своего рода poetry in motion) познакомился с совершенно неизвестным ему до этого писателем и, выпив с ним на брудершафт очень много водки, стал вдруг его учить: "Писать, Wolodja, следует о сексе и крови. Тогда будет успех, огромный успех... Надо побольше писать о сексе, поверь моему опыту... Es wird dann grosser Erfolg!"
Вольфганг всё это вспомнил, когда у себя же в газете прочёл, что Сорокина хотят судить за порнографию. С одной стороны, Вольфганг был рад, что его ученик оказался таким прилежным... Но если бы Сорокин оказался за решёткой, Вольфганга, конечно,

замучили бы угрызения совести... В общем, не одного Ленина завезли в Росиию из Германии в бронированном вагоне.
И число "2002" и слово "АКАСАКА" - палиндромы. И как встретишь Новый год, так и проведёшь. Я встретил

Новый год в японском ресторане, в результате весь год у меня получился японским, и даже на книге моей цитата из японского критика, потому что издательство ОЛМА-пресс "позиционировало" меня как "русский ответ Мураками". Чуть не пропал в японских лагерях... (...)
2003 год наша компания снова собиралась встречать в "Акасаке", тогда ресторан ещё был открыт, и даже "My bar" Торо ещё существовал... Меня несколько насторожила такая перспектива. Год предстояло теперь встречать несимметричный, но... Если прочесть 2003 справа налево, то, во-первых, попадаешь в 02 год, то есть в тот же самый, но уже в другом тысячелетии. Я боялся таких скачков по временной оси, к тому же слово-то "АкасакА" за год не перестало быть палиндромом... В общем, не вдаваясь в эти подробности (стоячие волны, симметричные краевые условия), скажу, что у меня были опасения. Какие-то суеверные представления о комплиментарности тела и текста, чёрт знает что, конечно, и всё-таки я был рад, что в последний момент мы передумали и пошли встречать Новый год не в "Акасаку", а на квартиру к П. и Б.
Сильвестр - это прежде всего ракеты, хлопушки, шутихи, петарды. Это существо праздника, в двенадцать часов всё должно взрываться, небо должно быть в алмазах... Вот именно небо, но почему-то в ночь с 02 на 03-й мы запускали ракеты в соседнюю башню. За окном квартиры П. и Б. оказался каменный колпачок, на котором легко разместился взвод миномётчиков и штабеля боеприпасов. Целью служили часы на соседней церкви. Не надо

видеть в этом какое-то особо злостное святотатство, церковь вообще была недействующая, там разместились клубы, оттуда всегда доносилась техно-музыка. (...) Я был мертвецки пьян и заснул в комнате, где у П. и Б. ничего нет, кроме лежащего на полу кожаного мешка, похожего на боксёрскую грушу. Но побольше, и когда на него ложишься, мешок моментально подстраивается под твою форму, и если в комнате тихо, ты слышишь у себя в изголовье тихий приятный звук, потому что там, внутри мешка, ещё долго продолжают осыпаться песчинки... просыпаюсь - это мысль песка о себе в часах... Проснулся я от того, что кто-то облил меня водой. Того, кто это сделал, я не видел, японка, сидевшая на полу в другом углу комнаты, вряд ли могла отколоть такой номер, это было на неё непохоже... Я видел её в "Акасаке", я даже вспомнил, что её зовут А. "Кто это сделал?" - спросил я. "Это неважно", - сказала А. "Und was ist denn wichtig? А что тогда важно?" - спросил я, выжимая на себе мокрый свитер.
"Важно, чтобы ты меня слушался. Ты должен делать в точности то, что я тебе скажу". Я был очень пьян, по-моему, мы ещё и ходили куда-то, на соседние парти, и везде были эти братания в окопах, море шампанского, что после всей выпитой водки... Я ничего не ответил, только изумлённо уставился на японку. Мне показалось, что у неё белое лицо, что оно выкрашено краской. По идее, этого не могло быть, это было в прошлом году, в "Акасаке", японки тогда были в традиционных костюмах, потому что так захотел их шеф... Торо был тогда наряжен гейшей, он был в особом кимоно, он был накрашен. Just for fun, you know... Я вспомнил о своих палиндромных страхах, о ракетодроме за окном... Вокруг была явно не "Акасака", а квартира П. и Б., и год был уже 2003, хотя, как оказалось, в четыре утра почти вся "Акасака" пришла к нам... "Ты должен снять с себя одежду", - сказала А. Что-то в ней было жуткое. Лицо напоминало маску смерти. Но я подчинился. Остался в трусах. Она взяла мою одежду и вышла из комнаты. Это был какой-то абсурд. Я побежал за ней, восклицая: "Что ты хочешь с ней делать?" А. пришла на кухню, там было ещё с десяток японцев и японок, увидев меня в таком виде, они радостно заулыбались. Наши все куда-то подевались, квартира П. и Б. была огромна, в ней легко можно было затеряться, кроме того по соседству были другие парти... Я увидел, что А. подошла к большой микроволновой печке и засунула туда мои джинсы, свитер, рубашку... Я пробовал протестовать: в квартире не так холодно, зачем это нужно, высохнет и так... "Ты сказал, что будешь меня слушаться", - сказала она. (...)

8. Ещё несколько слов об "Акасаке"

Никакой "Акасаки" давно уже нет, хозяин закрыл ресторан и вернулся в Японию, но никому ведь не надо объяснять, как в поисках потерянного времени вдруг обретаешь пространство, как надпись над дверью меняется с итальянской на японскую, внутри всё по-прежнему, странная смесь предметов, мягкий кожаный уголок, над ним на полке стоит большая деревянная лошадь, у которой то и дело отваливается хвост. Несколько деревянных фигур индейцев, плюс голова вождя, стоящая прямо на стойке, рядом с ней прожжённый в нескольких местах

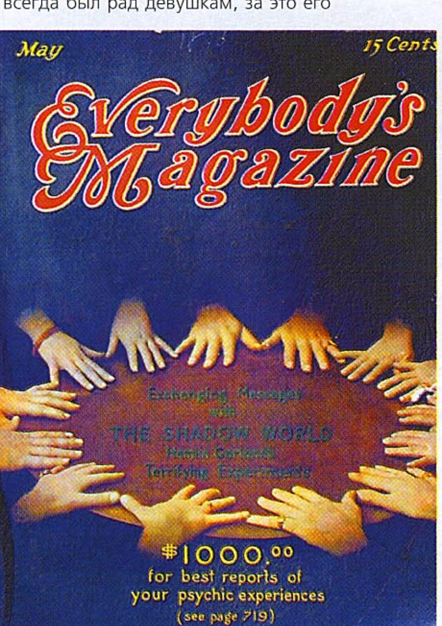
глобус. На стене один из Лёшиных коллажей. Другая стена из чёрного стекла, на ней мелом написаны названия коктейлей... Я помню, что там был и "Пёрл Харбор", который Торо сам изобрёл, или с фон Штоком они вместе замутили, вкуса не помню... Над стойкой появляется Торо. "И это нормально? - говорит он, - скажи мне, Алик, это нормально, да?" Он показывает мне новую ссадину на лице, или на шее, или он поворачивается спиной и задирает футболку. Его подруга его побивает, он говорит об этом с таким смешным удивлением, "Нет, это нормально?" Я говорю, что до свадьбы заживёт, Торо смеётся и наливает мне в деревянную коробочку сакэ температуры человеческого тела. Я пью тёплую солоноватую жидкость, Торо ставит диск Цоя, который я ему подарил, потом какую-то металлическую японскую хренотень. "Торо, - говорю я, - скажи мне, харакири и сепука, это одно и то же?"
Торо, прохаживавшийся за стойкой своей кошачьей походкой, останавливается, как вкопанный. Поворачивается ко мне. "Откуда ты знаешь?" "Что знаешь? - говорю я, - я-то

как-раз и не знаю, я же поэтому тебя спрашиваю, мне нужно для перевода, просто в рассказе Крахта, который я переводил..." "Осио вчера сделал сепуку. Сепука и харакири - одно и тоже, да..." "Кто такой Осио?" "Он работал в ресторане, ты его видел. Не помнишь?" "Нет. А почему, из-за чего?" "Никто не знает. Кто-то нашёл его утром, соседи, вызвали скорую, но его не спасли. А почему ты спрашивал про сепуку?" "Я переводил рассказ с немецкого, там было это слово, но в России понятнее "харакири".

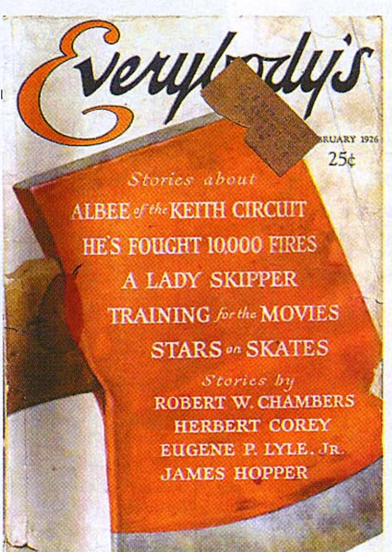
В какой-то момент, примерно через полгода после открытия бара, Торо стало казаться, что там завелись привидения. Он приглашал для их изгнания особых индусов, я не знаю, почему индусов, собственно, ему казалось, что привидения живут только в одной комнате, внизу, а он хотел сделать там что-то вроде комнаты отдыха, поставить пару кроватей... Иногда за весь вечер у него не было ни одного посетителя, иногда была полна горница гостей, но всё равно в итоге он ничего не зарабатывал. Это было странное заведение. Я просто хотел вспомнить несколько моментов. Один - это когда мы провели в "Акасаке" всю ночь вчетвером, Торо, я и две маленькие девушки-пони, одна из них была в очках.

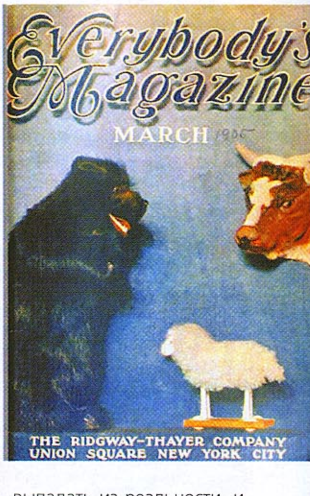
Торо, кстати говоря, был совсем не маленького роста, прекрасно сложен, в движениях его чувствовалась избыточная энергия... С подругой своей он к тому моменту расстался, а с новой, которая сначала привила ему массу комплексов (она училась на искусствоведа и поминутно напоминала Торо о его невежестве), а потом вообще сдала его в полицию. За то, что он пытался выбить дверь, когда она его выставила и не хотела впускать, так вот с ней он тогда ещё не познакомился, поэтому девушкам он был рад. Хотя на самом деле, Торо всегда был рад девушкам, за это его

первая подруга и поколачивала, а вот за что вторая выставила, я не знаю, я тогда был на Украине. Он случайно мне позвонил туда, он не знал, что я не в Мюнхене. Я лежал с гриппом в чужой квартире с очень тонкими стенами, к тому же частично дырявыми, непонятно, как там ещё держалась розетка над кроватью, сквозь неё я слышал все разговоры соседей, а когда я громко звал Т., мне каждый раз первой отвечала из-за стенки её тёзка. Когда кто-то в Мюнхене набирал мой телефон и попадал в Харьков, я сразу говорил, что я в Харькове, что говорить будем в Мюнхене, потому что звонить мне просто (не надо никакого кода, виртуально я как бы по-прежнему в Мюнхене), но дорого. То же самое я сказал Торо, только не на немецком, а на английском, Торо не знал немецкий. А потом, когда я вернулся в Мюнхен, я узнал, что Торо побывал в полиции, и что он переехал в Дюссельдорф, где собирается начать новую жизнь в роли какого-то менеджера, что-то связанное с торговлей. С тех пор мы с ним не виделись, кажется последним был вечер с двумя девочками, мы накурились, и стали происходить немного странные вещи, мы находили друг друга в самых разных местах "Акасаки", мы с С. поднимались наверх и видели такую картину: Торо лежал на стойке бара, рядом, у его головы, стояла К. и что-то шептала ему на ухо, и мы, захватив по бутылочке пива "бекс" снова спускались вниз, в зал с караоке, и там о чём-то

мы с С. говорили всю ночь, и, как говорили в студенческие годы, занимались глупостями. Потом С. поднялась наверх сама, её долго не было, и я пошёл следом, но когда я был на ступеньках лестницы, которая вела прямо в бар, С. сделала руками жесты, означавшие, что Торо и К. не надо сейчас трогать. Позже они пришли к нам вниз, мы курили. Мы стали

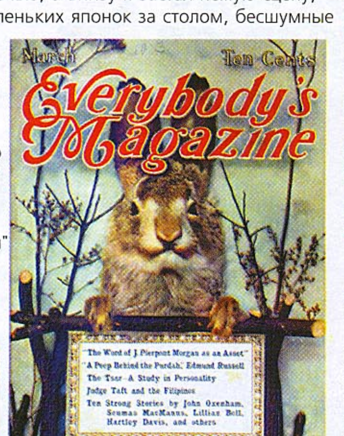

выпадать из реальности, и хорошо ещё, что не все вместе, а порознь, и, что касается меня, так я-то как раз и не очень чтоб... Но Торо я никогда таким не видел. Торо был очень странным, а может быть, и я был странным, кто знает... Картинки стали дискретными, как будто работал невидимый стробоскоп, хоп, и мы видим голого Торо, ползущего по-пластунски, или это К. его тянет, как сестра с поля боя, хоп, и снова он лежит на стойке, и она тоже лежит, но не рядом, а там, где начинается его голова, кончаются её ноги, а потом его голова лежит у неё на коленях, а она сидит на мягкой скамейке внизу, возле женского туалета... А потом Торо начал показывать фокусы, и это уже был совсем дохлый номер, потому что предметы, которые он использовал в своих фокусах, исчезли навсегда. Хуже всего было то, что это произошло с очками С., Торо вежливо и как-то вдруг трезво попросил померить её очки, и когда они переместились с носа С. на нос Торо, они просто исчезли. Бедная С. так никогда их и не увидела, я помню, что мы очень долго их искали, и Торо вместе с нами, мы его не винили, как-то в этом состоянии мы видели, что он не виноват, что он так же точно не знает, где они теперь...

Хозяин "Акасаки" не часто заходил на сторону Торо. Всего пару раз я видел его на этой половине, в компании двух или трёх друзей. Торо говорил, что все они - бывшие борцы. Я не уточнял, какой борьбы это были борцы, судя по их виду, это могли быть немного отощавшие борцы сумо, или, наоборот, разжиревшие дзюдоисты. Выглядели они, впрочем, всё ещё довольно грозно. Хозяин был совсем другой, высокий, подтянутый, всегда в строгом костюме. Когда мы встречали в "Акасаке" Новый год и после фейерверка, шампанского и целования на мосту через Изар, снова вернулись в бар, я спустился вниз, прошёл по узкому коридору в караоке-раум и увидел там картину, которая теперь всегда будет всплывать у меня в памяти в Новогоднюю ночь. Не знаю, жив ли ещё хозяин, через год он закроет ресторан, узнав, что смертельно болен, и вернётся в Токио... За длинным столом в караоке-раум он сидел в чёрном костюме, в галстуке, и пять или шесть японских девочек, все в голубых кимоно, у одной из них в руках микрофон, но она ничего не пела, было тихо, это был какой-то другой способ перехода из года в год, потайной шлюз, наверху невозможно было протолкнуться, кого только не было в "Акасаке" той ночью, а внизу я застал немую сцену, хозяин и несколько маленьких японок за столом, бесшумные караоке, бледные фрески на розовых стенах с изображением площадей Вечного Города... Я стою на Тирштрассе и вижу, что вывеска над "Акасакой" снова становится итальянской, и что никакой такой "Акасаки" нет. It's only in your head, you know?

01

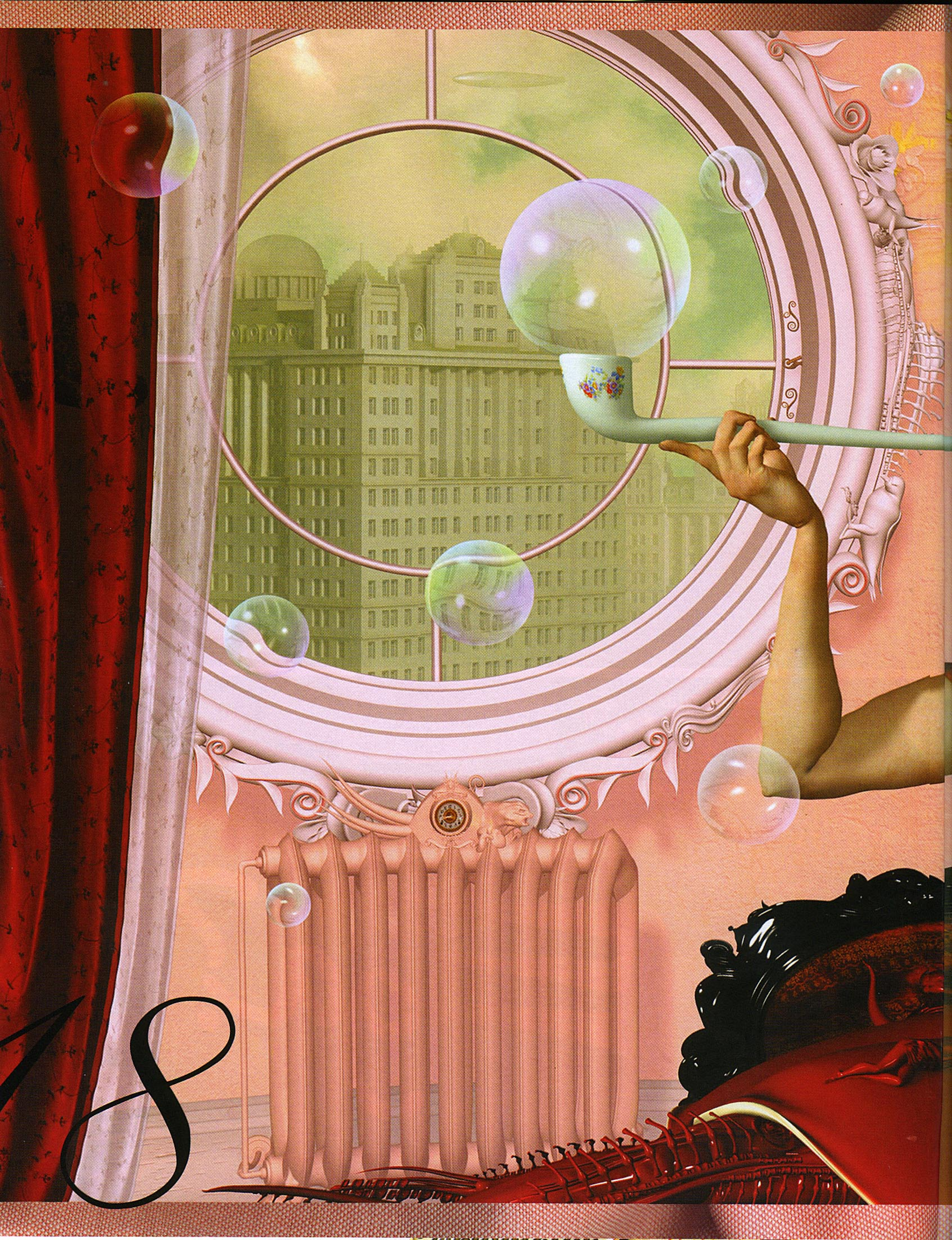
Александр Мильштейн,
Мюнхен

Материал оформлен обложками журнала EVERYBODY'S MAGAZINE 1900–1920-х годов (спасибо Нобру)

Киевский фестиваль рекламы приятен чем? Буфетом Дома кино - раз. Девушками, выпрашивающими пригласительный - два. Непредсказуемо маразматичными работами - тричетырепять. А в общем - всё очень красиво, умно, со вкусом и ненавязчиво. Как вообще вся реклама.

Вверху – работа **Александра Литвиненко** (когда-то появлявшегося в журнале с плакатом "Мне, солдату, СПИД не страшен, я же Родину люблю"), внизу – минского агентства "**Белая карона**"; остальное – народное.

Материал сопровождается детскими и юношескими фотопортретами художника

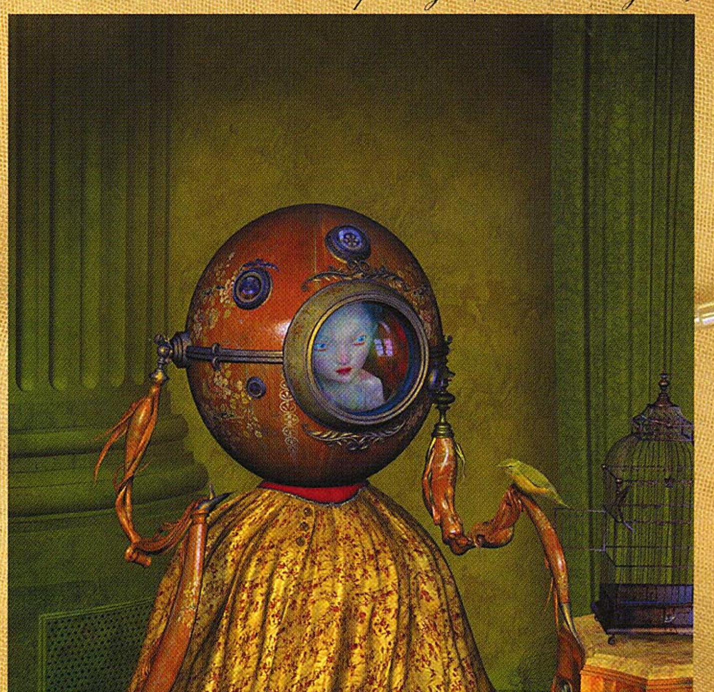
"Bubbles" ("Мыльные пузыри")

"The Healing Light" ("Исцеляющий свет")

"First of Days" ("В начале дней")

ternal Secrets" ("Родительские секреты")

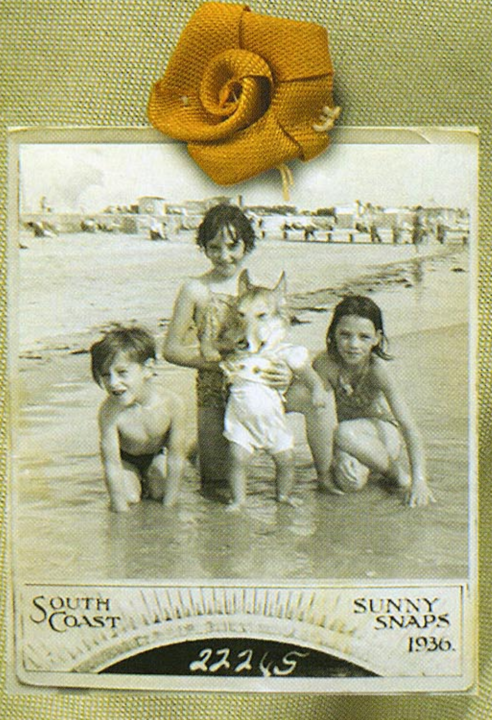

"Messenger" ("Вестник")

"Merchant of Dreams" ("Торговка снами")

Компаньон")

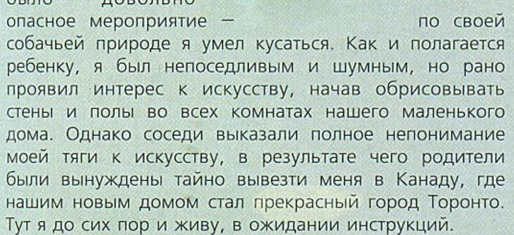
"Prince of Truth" ("Принц Истины")

«Иногда я думаю, что когда мы умрем, зажгутся театральные рампы, и мы наконец-то увидим зрителей... И если мы прожили жизнь достойно и честно, нам будут аплодировать стоя... И все, кого мы любили при жизни, будут там и от всей души с благодарностью подарят нам глубокий честный поклон за хорошо сыгранную роль...»

Халтурный синопсис: моя жизнь, мои привычки и несколько поступков, за которые мне до сих пор стыдно

Зовут меня Рэй Тибериус Норман Сизар. Я родился в Армпите, Южный Лондон, в 1958 (год Собаки) в огромном госпитале, который был частично разбомблен во время войны. На момент моего рождения одна из его стен все еще отсутствовала. Мой отец говорил, что там можно было положить шарик на пол, и он покатился бы по наклонной — такое это было разрушенное здание... Я был младшим из 4-х детей в семье и, к удивлению родителей, родился собакой. В семье с этим вскоре смирились, но упоминать об этом в приличной компании по-прежнему считалось неуместным. Еще среди соседских детей я был известен как владелец самой длинной бумажной дороги на всей планете Земля. Потом я ее продал одному парню, который через несколько лет застрелил из ружья двоих человек...

В 6 лет мне начали сниться весьма странные сны, вследствие которых иногда я спал под кроватью. Я был уличён в склонности к неряшливости, иногда требовалось несколько человек, чтобы привести меня в более-менее пристойный вид. Для них это было довольно опасное мероприятие — по своей собачьей природе я умел кусаться. Как и полагается ребенку, я был непоседливым и шумным, но рано проявил интерес к искусству, начав обрисовывать стены и полы во всех комнатах нашего маленького дома. Однако соседи выказали полное непонимание моей тяги к искусству, в результате чего родители были вынуждены тайно вывезти меня в Канаду, где нашим новым домом стал прекрасный город Торонто. Тут я до сих пор и живу, в ожидании инструкций.

К сожалению для родителей мои склонности к изобразительному искусству стали принимать нетипичные для щенят моего возраста отклонения, после чего мне долго объясняли, почему мои художества не стоит демонстрировать посторонним людям. Летом 1969 года я был наказан за то, что изобразил шариковой ручкой на собственном животе мерзких фашистских лидеров вверх ногами. Чтобы я не отчаивался, мне разрешили продолжать рисовать на собственных ногтях Одинокого Рейнджера и его верного друга Индейца Тонто, но строго запретили разговаривать с ними по ночам, как это бывало раньше.

В жизни каждой собаки и тем более человека происходят вещи, которые можно назвать «судьбоносными». В моем случае это был подарок в виде 30-сантиметровой куклы, наряженной в аляповатые тряпки, которые должны были символизировать военный мундир. Куклу по магазинному прейскуранту звали «солдат Джозеф», однако я переименовал его в «Стэнли Малвера» и немедленно уволил в запас. Моя мать помогла мне нарядить его в гражданское, перешив некоторые наряды со старых рождественских игрушек. С тех пор Стэнли щеголял в деловых костюмах, в выходных фраках и даже в сногсшибательном наряде «для сафари», изготовленном из темно-синей вискозы, которая на солнце гордо отливала кобальтом. Вскоре после этого я научился делать парики из мастики, которые позднее украшались натуральными волосками, извлеченными из различных частей моего собственного тела. После такого тщательного тримминга мой отец даже разрешил мне играть с другими детьми, хотя особых иллюзий на этот счет он не питал. В конце концов, Стэнли превратился для меня в тот недосягаемый идеал, с которым мне хотелось бы себя отождествлять, но который, в то же время, был для моего естества недосягаемо далек. Невзирая на насмешки, я гордо носил Стэнли на шее, как бы давая окружающим понять, что вот, мол, глядите, в будущем я буду таким, как он — красивым и добрым человеком!.. Помимо Стэнли я не обделял вниманием и кукол моей сестры. Моей любимой игрой была тогда трансформация их тел: я отрывал им головы и конечности и прикреплял к другим куклам, после этого усаживал их вокруг себя и подолгу любовался полученным результатом. Такая себе эстетическая вивисекция! Сегодня, оглядываясь на все мои происки на ниве искусства, я везде нахожу кукол и диарамы — то, с чего я начинал в глубоком детстве.

В 10 лет мне приснился старина Дин Мартин (американский актер и певец, популярный в 1950-60 гг. – Прим. ред.) Он стоял возле моей кровати в сопровождении трех высоких женщин ангельской наружности, одетых в усыпанные блестками платья. У них были головы с огромными черепами, похожие на пчелиные ульи, и, как мне показалось, они помогали Дину Мартину стоять. Думаю, он пил мартини... Я закричал от страха, потому что это был первый случай из тех, которые я впоследствии стал называть «снами наяву»: когда ночью видишь разные странные штуки и вдруг понимаешь, что это не сон, что ты уже давно не спишь. Я пулей вылетел из своей спальни и остаток ночи проспал под кроватью своего брата. Я до сих пор помню, как стучали тогда мои зубы. Точно как в мультфильмах. Еще в ту ночь я понял смысл фразы «стучать зубами от страха».

В 15 лет я встретил японскую девочку, и у меня появилась мечта жить с ней до скончания века. С тех пор мы вместе — недавно отпраздновали 25-летие свадьбы. Но в моих мечтах о ней ничего не говорилось о том, что она окажется значительно умнее меня, и вот теперь мне от этого никуда не деться.

В 20 лет я получил временную (как мне тогда казалось) работу в департаменте Искусства и Фотографии при детском госпитале в Торонто. Так случилось, что проработав там целых 17 лет, мне довелось увидеть много тяжелых сцен, которые, думаю, запомнились на всю жизнь. Многое из того периода я не могу вспоминать без слез... Наверное, все образы, над которыми я сегодня работаю, появились в моей голове именно тогда, четверть века назад. Мне часто снятся коридоры этого госпиталя, и порой мне кажется, что в своих снах я просто живу жизнями тех, кому их прожить не удалось.

Наверное, я мог бы провести прошедшие с тех пор 20 лет, тихонько рисуя себе «в стол» - что я поначалу и делал... Думаю, я просто рисовал все, что видел в госпитале, но пытался добавить в свои образы больше надежды. Со временем эта тяга к рисованию стала превращаться в какую-то одержимость, почти полностью меня поглотившую. Я бы с удовольствием отрезал любую часть своего тела, в которой поселилась эта мания, но мой доктор строго-настрого запретил мне это делать. В те дни испытание рисованием было делом весьма для меня неприятным... Если не сказать больше. Всеми силами я подавлял в себе желание рисовать, и мне почти удалось это сделать.

Все эти годы я покорно постигал основы дизайна интерьера, обучался в арт-колледжах, нанимался в архитектурные фирмы, заставлявшие меня проектировать ужасные строения, работал в подозрительных фирмах, разрабатывавших компьютерные игры для казино. Меня катали в длинных лимузинах, и я вышагивал по красным ковровым дорожкам в Пасадине... Я работал в фирме, имеющей прямое отношение к спецэффектам и 3D-анимации, несколько раз номинировался на премии "Эмми" и "Джемини" и чувствовал себя очень даже прекрасно, почти полностью забросив «проклятое рисование». И тут внезапно умирает ребенок моего двоюродного брата... Через неделю умерла моя мать. Через месяц оказалось, что у моей сестры последняя стадия рака. Потом у меня появились боли в груди, закончившиеся больницей и мыслями «Боже мой, неужели я умираю?!» Разные обследования, эндоскопия, колоноскопия и еще куча неприятных вещей... Потом я целый год наблюдал, как медленно угасает моя сестра...

А после ее смерти внезапно возобновились мои сны! Надо сказать, что моя мать была довольно необычной женщиной — ее всегда интересовали гороскопы, предсказания судьбы и прочие оккультные штуки. Не раз я сидел рядом с ней и наблюдал за ее беседами со странной дамой, у которой прямо за чаепитием вдруг закатывались глаза, и она со стоном начинала исторгать из себя какие-то предсказания возможных событий. Я понимал, что после ее смерти когда-нибудь она бы мне обязательно приснилась, но учитывая все вышеописанное, я догадывался, что это будут не обычные сумбурные сны. Так и случилось — они оказались вполне осмысленными. Я понял, о чем говорили эти сны: либо моя мать хочет выйти со мной на связь, либо мое подсознание свернуло на очень странную дорожку человеческого разума... Как бы там ни было, после очередного «сна наяву», я бросил работу и следующие 2 года провел, рисуя свои картинки. Мне абсолютно безразлично, является ли это «искусством» или нет; мне все равно, если кому-то не нравится, что я делаю это на компьютере... Я уверен только в одном: я буду заниматься этим до самой смерти, потому что если я перестану рисовать, мои сны вернутся. А я устал спать под кроватью...

Я работаю на компьютере, потому что моя жена считает, что он пахнет гораздо лучше, чем масляные краски и растворитель. Моя первая персональная выставка прошла в феврале этого года в

Филадельфии. Ее можно посмотреть на www.tinmanally.net. Наибольшее влияние на меня оказали французы XVIII века - Chardin, Boucher, Fragonard, Perronneau... Эти ребята не нашли ничего лучшего, как рисовать счастливых людей, которые веселятся, играют в игры, флиртуют, целуются, занимаются любовью, едят виноград, пьют вино... Просто радуются жизни... А потом со всей этой компанией радующихся жизни французов вдруг произошла какая-то перемена и они принялись рубить друг другу головы. Вот и поди разберись! Наверное, такова жизнь, как они сами любили говорить. По крайней мере, до тех пор, как собственная голова не оказывалась в корзине...

Сегодня я живу в кирпичном доме со своей прекрасной женой Джейн и койотом по имени Бонни, с которым я люблю играть в разные логические игры. Я рисую свои 3D-картинки и мою за собой посуду. Жена по-прежнему считает, что после меня на кухне остается бардак. Еще я очень люблю авокадо и абсолютно ничего не имею против того, что родился собакой. О технологии: я печатаю все свои картины на огромном струйном "Эпсоне", который по размерам больше напоминает пианино, чем принтер. Эта громадина стоит в гостинной на нашем обеденном столе. Моя жена неоднократно просила убрать эту машину оттуда, но пока я просто не знаю, куда ее переставить...

What is the reason of your present relationship to digital art?

«Цифровым искусством» я занялся лет 20 назад. Тогда у меня был дохленький "Макинтош". Я всегда мечтал, чтобы он был помощнее и не такого отвратительного «маковского» цвета. В те дни мне совершенно не хотелось иметь цветной монитор — мне нравился мой черно-белый четырехдюймовый.

Is not it easier to create art by classical ways, by classic painting for example. Do you feel, that your creativity is limited by possibilities of hardware/software?

Я никогда не считал искусство «легким», о чем бы не шла речь. Мне всегда было трудно, и я выплакал море слез, раз за разом разочаровываясь в собственных возможностях. Была бы необходимость, так искусство можно создавать и палочкой в кучке собачьего говна! Я часто чувствую, что больше всего меня сдерживает не несовершенство компьютерных программ, а моя собственная креативность. Это исключительно моя вина - была, есть и будет. С другой стороны, мне кажется, что ограничения в технических возможностях заставляют тебя искать обходные пути и, вследствие этого, развиваться. А собственные границы мы устанавливаем сами... Если бы за каждую мысль вроде «я не смогу этого сделать» или «я еще не настолько крут для этого» мне давали бы монетку, я бы давно стал богачом.

How do you see the future of digital art in relationship to new technologies and global culture?

На мой взгляд, у цифрового искусства вполне безоблачное будущее. С изобретением телевидения у людей заметно поубавилось интереса к живописи, а арт-галереи то и дело грешат критиканством, объявляя искусством только «это» или «то» направление живописи. Мне кажется, что сегодня мы наблюдаем возрождение понятия «визуальной эстетики». Живопись как искусство снова интересует людей. Но теперь она воспринимается шире, чем рисование на холсте или стенах... Она движется вперед. Сегодня я могу видеть цвета, недоступные мне в детстве — я ведь вырос на черно-белом телевидении. Этот переливчатый отсвет кобальта на моем мониторе просто ошеломителен! Визуальное искусство подружилось с программированием, оно теперь может быть интерактивным. У нас появились инструменты, позволяющие заглянуть как в микромир молекул, так и в макромир звездных скоплений. Я лично знаю одного парня, который рисует картины со структур атомов... Сегодня я надеюсь только на то, что мы в конце концов не затеем очередную (и последнюю) войну и не взорвем к чертям собачьим всю нашу планету — как будет печально, когда прилетят к нам на развалины инопланетяне, покопаются тут, и главный скажет: «Вот это искусство! Как жаль, что они были толпой идиотов и уничтожили друг друга... Я бы с удовольствием попросил одного из них оформить в этом стиле корму моей летающей тарелки!.. И зачем только мы везли им всем по летающему велосипеду и столько наших фруктов?!»

What is your vision of future ideal hardware/software, specialized to digital art? Please, do not be limited by the present reality, but describe your the most fantastic vision.

Я вот, например, верю, что в один прекрасный день всему человечеству будут удалять глаза и заменять их на более качественные... Я бы назвал их «цифровыми глазами». Эти «цифровые глаза» будут видеть мир по-другому: помимо обычных спектров света мы будем видеть и то, что сегодня называется виртуальностью. Но это уже не будет только виртуальным миром, это станет частью объективной реальности. Мы сможем формировать окружающую действительность в соответствии с нашей фантазией... Например, моя кирпичная халупка будет выглядеть, как дворец XVIII века, позади которого раскинутся какие-нибудь Версальские сады, а не ржавеющая "Хонда Цивик" моих соседей. Своего соседа по фамилии Гомез я бы видел как, к примеру, Мадам Помпадур... Ладно, я ничего не имею против того, чтобы он оставался Гомезом. По крайней мере до тех пор, пока мне не вмонтируют мои «цифровые глаза»... Еще, думаю, такие огромные тела нам будут не нужны, и их заменят на маленькие кибернетические организмы. Этим можно будет остановить перенаселение, поскольку освободится огромное пространство, а мы сможем ездить на маленьких машинках и жить в маленьких домиках... Думаю, в моду снова войдут шляпы.

How do you create your figures? Which programs and tools do you use? How do you choose your virtual people's aesthetic features?

Я использую MAYA, моделирую в NURBS, а все отдельные текстуры и цветокоррекцию делаю в PHOTOSHOP. Печатаю на ультрахроме EPSON 7600. Больше всего люблю работать с кожей, часто озадачивая своих знакомых просьбами показать мне ту или иную часть тела. Основное их количество соглашается, принимая во внимание мое, художника, неоспоримое на это право. Вся моя т.н. эстетика заключается в предположении: если я сделаю что-нибудь, что мне самому очень понравится, и если я вложу в свою работу любовь, то и другие люди смогут почувствовать эту красоту. Принцип «делиться прекрасным» заложен в основу нашего существования. Я просто заглядываю в какой-то параллельный мир или в свое подсознание — не знаю, как уж это оно там называется, но это действительно очень странное и красивое место! Все, что я могу и хочу как художник — это рисовать то, что я там успеваю увидеть...

Is the creation of your actor influenced by the fact that they will be used in some animation?

Я не рисую свои картины для анимации, но, учитывая технологию и то, что раньше я действительно работал с анимацией, я могу просто смещать ракурс, что уже приведет к «оживлению» образа. Но мне больше нравится представлять, что мои образы живут в мире, где измерениями служат ширина, высота и глубина — те самые пресловутые три D. Я в восторге от идеи, что трехмерное пространство больше похоже на другое измерение, чем на плод фантазии и труда художника. Даже когда я выключаю компьютер, меня не покидает мысль, что все эти персонажи вместе с этим миром, следуя какой-нибудь математической вероятности, остаются где-то рядом, и что их мир в общем-то не так уж и отличается от нашего. Мне нравится идея представления виртуального мира, как нового измерения нашей реальности, пускай оно и остается пока «субъективным»... Не надо забывать, что наша реальность для кого-то тоже может оказаться субъективной.

Я создал свой сайт (www.raycaesar.com) лишь для того, чтобы мои работы увидели как можно больше людей, живущих по всему миру. Законченную картину я считаю одной из элементарных форм общения. Как первобытный художник, изображавший мамонтов на стенах пещер, я чувствую себя продолжателем этой традиции, которая является одним из древнейших видов коммуникации на нашей планете.

Which are your future works?

Я постоянно работаю над тысячами образов, которые когда-либо появлялись в моей голове, и буду продолжать это делать до тех пор, пока буду в состоянии подниматься из постели... У меня даже выработалась привычка рисовать в пижаме — на тот случай, если мне вдруг захочется вернуться обратно в постель.

What is the future of this art (kind of technology used, application field) for you personally?

Я бы хотел создать виртуальную комнату, где посетитель мог бы рассмотреть любую деталь под разными углами, и по которой бы перемещаться, как по обычной комнате. Чтобы «время» (хотя бы в виде дня или ночи) менялось, чтобы с ним и соответственным освещением менялась и сама комната, чтобы разные шкафы, ящики и полки хранили массы секретов, открыв которые, посетитель погружался бы в прекрасные истории о таинственных вещах... От создания подобного пространства я бы получил неописуемое удовольствие!

back side

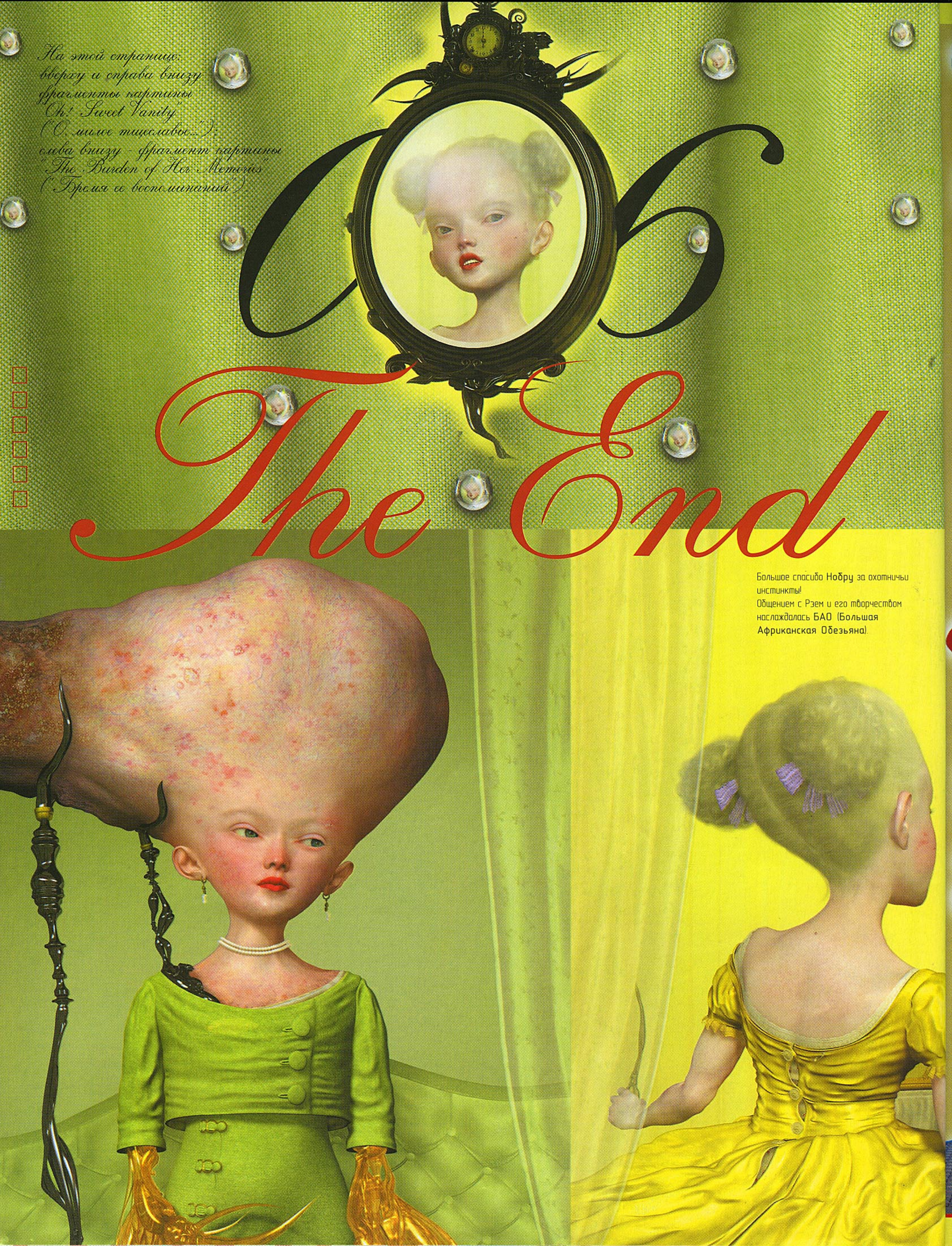

"Manifestation" ("Проявление")

"The Queen of Flies" ("Королева мух")

"Kitten" ("Котенок")

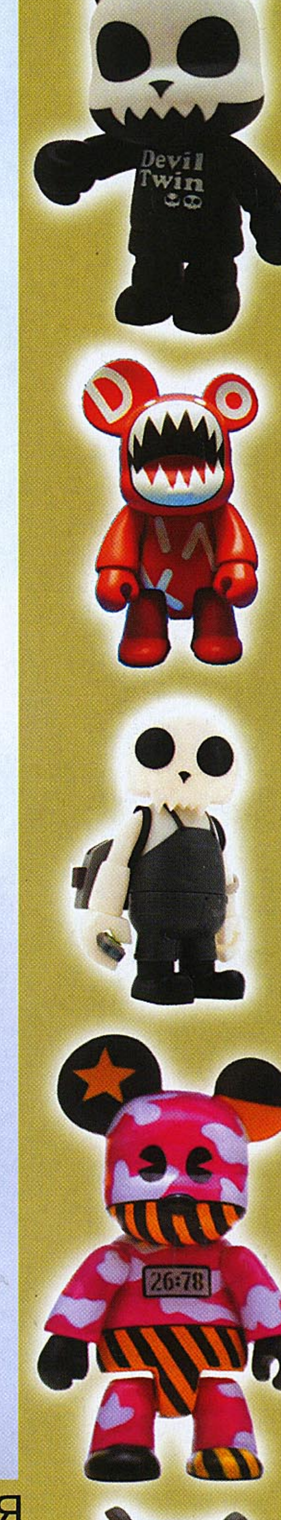
процесс создания картины

На этой странице: вверху и справа внизу фрагменты картины "Oh! Sweet Vanity" ("О, милое тщеславие..."); слева внизу - фрагмент картины "The Burden of Her Memories" ("Бремя ее воспоминаний").

Большое спасибо **Нобру** за охотничьи инстинкты!
Общением с Рэем и его творчеством наслаждалась **БАО (Большая Африканская Обезьяна).**

ДЕТСКАЯ

вверху:колонна чумы, словакия
фото:александр врач,<kodak67@mail.ru>

вокруг:игрушки для самых маленьких
с сайта www.toy2r.com

рассказывали, у него абсолютно русский темперамент. Он может начать с душещипательной псевдозабуханной лирики под акустичку, а закончить всеобщим погромом. Может — наоборот. Как встанет. Непредсказуемость — одно из его многих имен. Главное, «чтоб все плясало, чтоб музыка играла, чтоб день и ночь стояла веселая пора» (© Олэксандр Пипа). В этом Вебли отдаленно напоминает "The Tiger Lillies", равно как и, на первый взгляд, неуправляемом кабацком духе концертов — Тома Вэйтса конца 80-х/начала 90-х. Плюс — хрипатость, заставляющая провести подобные параллели любого, кто хоть раз

ДЖЕЙСОН: ДЖЕЙСОН ИКС

Недавно было раньше. А раньше вот, например, мало кто знал, кто такой этот Джейсон Вебли. Давно - тоже мало кто, но именно с недавних пор уже были, были богатыри... Но как-то были немы. Молчали себе в колонки «Радиотехника» или там «Джи-Би-Эль» и слушали, наверное, в гордом одиночестве. Но Джейсон оказался человеком громким и амбициозным, в недрах апартаментов задерживаться не собирался, поэтому в 2002 впервые приехал в Москву и сделал там локальные помпеи, с помпой и разрушениями, с овощной феерией и не знающей аналогов интерактивностью с залом. В 2003 он гордо и победоносно закрепил свой успех, расширив захваченные территории до Питера. Оттуда и приехала вторая волна информации, закрепленная си-ди-носителями и следами овощных побоев на лице. Со свекольным оттенком кожи от количества алкоголя. С фотографиями бесноватого дядьки неопределенного возраста, который, как говорили очевидцы, устав от клубной традиционности и необычного для него спокойного поведения публики, спокойно отрубал аккордеон от блока питания и продолжал импровизированный unplugged, танцуя на столе, где только что вакханально пожирались родственники разбросанных им овощей и пилась кровь мертвых помидоров. Порыв души — тарелки нафиг. Еще, как нам

слышал дедушку. Делать нечего — похож, местами сильно. Может, старается, но скрывает? Сам Вебли не очень любит все эти сравнения и отслеживания корней своей музыки, что вполне понятно: его музыка, на что бы она ни была похожа, всегда останется ЕГО музыкой. Мало ли кому что показалось? Но в силу своего мягкого характера он не обижается, а ерничает и плавно съезжает со скользкой и порядком надоевшей темы. Прочитав несколько его интервью, диву даешься: как это он кого-то целенаправленно не попросил «пойти прочь». Спрашивают его, в основном, о трех вещах: о его отношении к Вэйтсу, об овощах,

столь колоритно оформляющих почти все шоу Вебли, и о его отношении к России в общем и Высоцкому в частности... Далее в программе об этом и о другом — подробно. Не переключайте канал.

«"The Tiger Lillies"?.. Ну, естественно, что нас сравнивают... Мы оба играем на garmoschka, но очевидно одно принципиальное различие: "The Tiger Lillies" — циники. Они довольно пессимистичны в своей музыке. А я наоборот — оптимист. Даже если пою о довольно мрачных вещах, посыл, стоящий за всем этим, очень жизнеутверждающий. Хочется верить, что люди, приходящие на мои концерты, уносят с собой именно этот жизнеутверждающий... бе-бе-бе... (вращает кистью руки)»

РАГУ ИЗ ВЫСОКОЙ СМЕРТНОСТИ

Джейсон либо отмазывается, либо действительно не помнит, когда и благодаря кому у него в жизни появились овощные наклонности, эдакая вегетофилия. Впрочем, это действительно не важно. Кому какое дело, почему парень со сцены швыряется помидорами и сжигает огромную картонную свеклу, танцуя

Концерт организован при поддержке ТМ "ТАВРИЯ"

вокруг вместе с обалдевшей от музыки и «спецэффектов» публикой? Главное — всем весело, всем хочется сделать какую-нибудь неслыханную глупость, и всем от этого музыкально спровоцированного прихода безумно смешно. На вопросы, почему и зачем это делается, ни времени, ни сил уже не остается... Не менее загадочной может показаться привычка Вебли умирать на Хэллоуин и воскресать, как и вся природа, в районе первомайских праздников. А, собственно, вот и вся овощная петрушка! Он действительно сильный имиджмейкер и, наверное, мог бы зарабатывать на этом поприще неслабые суммы, но вот как взял однажды аккордеон, так и спекся. Ну и слава Богу!

Умирал и воскресал он уже 4 раза. И помидорами его расстреливали, и шариками надувными умерщвляли, и в лодке отправляли в последний путь (все-таки есть в нем некая схожесть с Деппом), и перо на него с дерева падало... Каждый раз — как последний. Джейсон сам любит пугать публику на своих похоронах, что вот-де не знает он, воскреснет ли в следующем году или не судьба? Но лишь только на одной шестой суши расчехляют красные флаги, как глядь — трепещет ветер листовки с объявлениями о грядущих концертах свежеродившегося феникса. И все заново — то бутафорские часы овощами забрасывать (с целью «убить время»), то в центральном фонтане родного Сиэтла заканчивать шоу-марафон. Но в каждую новую инкарнацию он привозит с того света новые песни и новые сценические постановки. Единственное, что остается неизменным — овощная бойня. А вот попробуй ты ее в прошлой жизни забыть! Всем ведь хочется помидорами пошвыряться, сразу напомнят. И с собой с огорода принесут. Или, если огорода и магазина нет, на свалке нароют... Жаль, забыли посоветовать в отсутствие помидоров красить картошку в красный цвет: и летит дальше, и не пачкается! А синяки глазам любовь и радость излучать не мешают.

Вопрос: Мистер Вебли, скажите, помидоры для разбрасывания Вы привозите с собой, или их тоже предоставляют спонсоры?

Ответ: Я не так часто бросаюсь помидорами. Помидоры могут испачкать одежду, поэтому я должен быть уверен, что аудитория очень сильно меня любит, чтобы позволить себе такое. Когда я приеду в Украину минимум в пятый раз, возможно, я и начну швыряться помидорами. И со спонсорами я не очень люблю работать. Если я захочу побросаться в вас помидорами, я либо просто куплю их, либо найду на ближайшей помойке.

ДОРОГА В GUNG'Ю'BAZZ

Нам позвонили, мы сели и поехали. В электричку нас с такими лицами не пустили, зато автобус предложили зафаршированный по самый карбюратор. Не «Гюнсель после гашиша», а нормальный винно-библиотечный «Шериф» — и зубы пополоскать, и почитать. Читали в основном периодику, посвященную Вебли, дабы нормально себя чувствовать в его мире и не сесть в калошу с очередным тупым вопросом (что, вопреки усиленной подготовке, делали впоследствии много раз, но уже начитанно и профессионально).

ДЖЕЙСОН: ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

Будучи по натуре людьми стеснительными, сами вопросов мы не задавали, надеясь отчасти на окружающих коллег, отчасти — на обещанный застольный и задушевный разговор опосля. Вытяжки из предварительных ласк приводятся по мере их сохранности в микросхемах диктофона. В качестве переводчика и иногда суфлера сцену с Джейсоном делил Паша Головин, один из продюсеров компании "BAd TaStE", откатавший с музыкантом все его российские туры и потому имевший право на некоторые дополнения к словам Вебли.

Вопрос: - Скажите, а овощи на сцене — это какая-то агитация к вегетарианству? Едите ли Вы мясо сами?

Ответ: - Само по себе вегетарианство для меня особой роли не играет... Это никакая не философия. Ну, разве что, совсем чуть-чуть. Мне просто кажется, что идея с овощами просто веселая, и если меня окружает большое количество желающих посмеяться людей, то почему бы мне не провернуть пару-тройку фокусов с овощами? А вопрос о моем вегетарианстве на самом деле абсолютно не важен.

Паша: - Недавно на пресс-конференции в Санкт-Петербурге был похожий вопрос на тему вегетарианец Джейсон или нет, так вот он ответил достаточно жестко: «Не ваше дело!» А сейчас он ответил так: «С овощами связано многое в моем имидже, но это не совсем философия. Философия во вторую очередь, а в первую — это просто смешно. Приходят люди на концерт, хочется что-нибудь смешное для них сделать, и я иногда делаю эти трюки с овощами, чтобы всем было весело». В его концертах очень большую роль играет участие аудитории, когда люди выполняют его просьбы подпеть, станцевать, съесть огурец или еще что-нибудь в этом роде. В принципе, это достаточно пугающее зрелище, потому что кажется, будто на сцене стоит какой-то тоталитарный персонаж. Это пугает. Но когда ты понимаешь, что это связано с овощами, то весь испуг проходит — ты просто понимаешь, что это весело и смешно.

Сначала вопросы радовали русскоязычную часть пресс-конференции, затем Паша переводил их Джейсону, и наступала его очередь порадоваться. Паша тоже, по мере сил, отвечал на адресованные Вебли вопросы, комментируя и добавляя собственные монологи, практически всегда начинавшиеся с фразы «от себя я, с вашего позволения, могу добавить...» Добавки были более чем уместны — Джейсон полнометражно отвечал только на самые банальные вопросы, стараясь отшутиться от более острых, в числе которых бесспорными хитами были следующие:

Вопрос: - В прессе Вас часто сравнивают с Владимиром Высоцким. Вы были с ним знакомы?

Ответ: - Ну... Я вообще мало чего могу сказать о первых 2-х неделях своей жизни... Вполне возможно, что он каким-то образом оказался в роддоме, а может, даже был моим папой!

Паша (смягчает юмор Джейсона): - Заочно. Я был приемным ребенком и ничего не знаю про первые 2 недели (подсказывает русскоязычный вариант шутки для прессы, но потом сдается) Конечно, познакомился после его смерти.

Джейсон продолжает: - Он был довольно «сильно» мертв основную часть моей жизни. Когда я только начал выступать как «Джейсон Вебли» в Сиэтле "on the ulitsa", люди из России подходили ко мне и говорили "Vysotski! Vysotski!" Естественно, я никогда не слышал этого имени. Я даже записал его однажды на бумажке и пытался найти какие-нибудь записи Высоцкого, но в Америке это оказалось нереальным делом. На первом году поисков я остановился. Но через несколько лет, когда я впервые попал в Москву, я спросил о нем моих друзей Пашу и Сережу... Ой, забыл! Еще — когда я только начал играть, - мне говорили, что я похож на «того русского певца, российского Боба Дилана», который тоже играет на аккордеоне, поет хриплым голосом, танцует на столах и все такое. И вот я спросил Пашу и Сережу про ТАКОГО русского певца... Они думали целую неделю, пока кто-то наконец не спросил: «Слушайте, а может это Высоцкий?!» Ясно, что он не играл на "garmoschka" — вообще, ни разу в жизни. Потом мне принесли много его альбомов, и я очень внимательно его слушал. Он действительно оказался весьма впечатляющим музыкантом. Говорят даже, что его влияние слышно на моем последнем альбоме...

Вопрос: - Джейсон, как американский журналист (sic!), как Вы относитесь к захватнической политике вашего президента Джорджа Буша?

Ответ: - Обычно я не делюсь ни с кем из публики своими политическими взглядами. Это уводит от музыки. Но конечно, я очень даже не согласен с политикой США, особенно в вопросах, касающихся Ирака в последние 12 лет. Но в данный момент мне кажется, что ситуация вокруг Белого Дома очень даже интересная. Плохие люди обычно делают плохие вещи. Многие думают, что Буш — очень глупый человек. Но вот я смотрю в его глаза, и мне кажется, что нет, не такой уж он и тупой! Он очень особенный парень. Сегодня мы наконец-то получили самого главного Плохиша во главе нашей страны. Кажется, что в России происходят похожие вещи... Наша страна часто делала плохие вещи, но ее президентами были достаточно неплохие люди, милые вполне. А вот сейчас у нас во главе государства — реальный злодей, делающий реально плохие

вещи. Это не совсем обычно для нас, потому что традиционно плохие вещи делает страна, а не глава государства. Но сегодня все эти плохие стремления совпали.

Вопрос: - Вот Вы сказали о Буше, Путине... Может быть, у Вас есть пара хороших слов об украинском президенте Леониде Кучме? (Паша — в легком трансе)
Джейсон: - Честно говоря, я не очень-то много знаю about KutchNa... Учитывая, что я о нем... э-э... ничего не слышал, вполне возможно, что он неплохой человек... Надеюсь, он ничего не разрушил? Он, наверно, старается, чтобы в его стране люди были довольны всем и радовались жизни. А что, он хороший?.. Я вообще-то ищу сейчас хорошее место, чтобы переселиться туда и жить там...
Девичий крик из зала: - Вэлкам ту Донецк!

Вопрос: - Мистер Вебли, скажите, есть ли у Вас жена, и если есть, что она думает про Вашу музыку?
Ответ: - Я уверен, что у меня есть жена, просто я с ней пока еще не знаком. Если вы где-нибудь ее встретите — спросите, что она думает о моей музыке?

После переодевания, мотивированного желанием выглядеть на журналистских фото поразнообразнее, Джейсону вдруг показалось, что собравшиеся на «прессуху» начали потихоньку скучать. Тогда, чтобы вернуть всем боевой дух, он решил продемонстрировать один из своих проверенных временем фокусов (их есть у него...) Предупредив о возможных последствиях и желаемом результате, он предложил присутствующим, поднимающим пальцы (типа «у меня вопрос!»), крутиться вокруг них (пальцев, то есть), объясняя, что это — один из его любимых способов «окосеть». На концертах данная процедура обычно предваряется вопросом "kto khochet nazhratsa?!" Магическое число оборотов - 12. После этого, по его словам, должно наступить состояние эйфории, схожее с алкогольным опьянением. Паша, повидавший подобное и на пресс-конференциях, и на концертах, начинает тихонько хихикать...

Джейсон: - Надо бы это сделать и сейчас. Vstante, pozhaluysta!
Паша старательно переводит: - Стэнд ап, плиз!
Джейсон: - Только поосторожнее с вашими фотоаппаратами! Я не хочу нести за них никакой ответственности!.. Текст такой: «Я-ga-gu! Я-ga-ga! Я-ga-gu ga-гай-ga-ga!» So mnoy, pozhalusta!

Все пытаются нестройным хором подпевать, потихоньку расчищая себе место среди стульев, - на случай, если опьянение окажется слишком сильным и повлечет нарушение равновесия...

Джейсон: - Кстати, люди с фотоаппаратами мухлюют! Если они не будут подпевать, они будут обязаны покинуть пресс-конференцию.
Паша: - Ну-ка, давайте!
Джейсон: - Неплохо поете, но как-то неубедительно... Не очень пьяно. Мы должны немедленно опьянеть!..
Паша: - В этом фокусе главное — смотреть на палец.

Джейсон произносит тираду с русскими словами pozhalusta, vverkh, palets и spasibo. Потом с Пашиной помощью: «Kruzhytsya dvenadtsat raz! Это — медитация по опьянению».

Паша: - Надо смотреть на палец. Это работает, как часы.
Джейсон: - Да не на меня смотреть надо, а на палец!
Паша: - Если вы будете смотреть на меня, а я на вас... А вы — не на палец... Тогда я буду вас ругать!
Девушка из зала: - Давайте петь!!!

Джейсон: - Podnimat! Готовься! Kru-tim-sya!!! (считает: RAZ! DVA! TRI! CHETYRE! PYAT! VOSEM! DYEVYAT! DYESAT!) А теперь положите руки друг другу на плечи!.. «Я-ga-gu! Я-ga-ga!!!» So mnoy, pozhalusta!..

Зал превращается в сцену, на которой дети, заинтересованные, но не совсем понимающие, чего именно хочет от них воспитатель, с оживленным галдежом повторяют странные движения и громко подпевают. Короче — предновогодний утренник. Сначала раздаются отдельные смешки и хихиканье, но потом фокус Вебли срабатывает, и все разом пьянеют. Очень недорогой и веселый способ. Рекомендуется после пьянок, когда на «догнаться» денег нет, а организм требует продолжения.

Допев свою страшную по логике и веселую по настроению «синюю» мантру, Джейсон снимает аккордеон, усаживается на край сцены и скромно признается: *«В действительности я абсолютно не такой человек, каким выгляжу на сцене. В жизни я очень тихий. Негромкий. А сцена — это работа. Я ведь должен что-то сделать с огромной толпой людей! Поэтому поневоле приходится быть громким».*

ПРИЗОВОЙ ФОНД

После пресс-конференции, познакомившись с Пашей и Джейсоном персонально и договорившись о том, что более основательно побеседуем с ними через полчаса (надо было дать музыканту передохнуть после первой пытки вопросами и подготовиться ко второй), мы решили погулять в окрестностях клуба и заодно изучить содержимое близлежащих гастрономов. Возвращаясь в клуб, встретили колоритную бабульку, торговавшую свободой нескольких миниатюрных «домашних питомцев» разной степени серости. Один из них - декоративный мышонок мужского пола, абсолютно ручной и до неприличия равнодушный к неволе (во всем этом нас клятвенно уверяла его временная хозяйка), настолько нам приглянулся, что девушку Таню осенила гениальная, как тогда показалось, идея — подарить его Джейсону. Сегодня можно долго задаваться вопросом, зачем Джейсону украинская мышь — все равно, согласно международному законодательству, без санитарного паспорта у нее не было никаких шансов разделить с новым хозяином радости жизни в капстране? Конечно, при большом желании на таможне Джейсон мог бы запросто спрятать животинку в сигаретную пачку, но... Вебли не курит, а тогда об этом никто не подумал. За именем дело не стало: будучи давними фанами дешевого американского хоррора, мы нарекли мышонка Фредди - в надежде на то, что этот, с позволения сказать, каламбур вызовет в душе Джейсона теплые чувства к новому питомцу. Странная вещь, однако, - чувство юмора. Особенно, после бутылки водки.
Вернувшись в клуб, мы обнаружили Джейсона и Пашу, спокойно попивающих соки-воды. Джейсон всем своим естеством излучал спокойствие и благодушие, в избытке представленные на его последнем альбоме. Таня радостно протянула ему тетрапак, наполненный рваной туалетной бумагой (чтобы Фредди было мягко, и он не замерз по дороге в Америку) и запасами сухарей и крупы, которых хватило бы на кругосветное автономное путешествие для всей семьи Фредди (если бы таковая у него имелась). Джейсон с любопытством заглянул в картонный домик, и лицо его приняло очень озадаченное выражение... С минуту он беспомощно взирал то на нас, то на Пашу, надеясь, что тот спасет его от подобных знаков внимания. Но Паша, понимающий светлые порывы славянской души, смог только улыбнуться и пожать плечами, мол, не мне же его подарили... Джейсон обхватил руками свою голову, прижав покрепче шляпу ко лбу, и долго качал всем верхом своего тела. Улыбка и горестная гримаса бремени свалившейся на него ответственности долго боролись за право воцариться на его лице, и, к нашему облегчению, улыбка победила. Спустя минуту он заглядывал в тетрапак уже с любопытством и, как нам хотелось думать, некоторым чувством сдержанной нежности... Пересев за более укромный столик, мы начали атаку вопросами, которую Вебли успешно нивелировал своим превосходством в английском и неожиданно пространными фразами, дававшими не столько прямые ответы, сколько поводы для новых вопросов. Далее в программе об этом, о судьбе Фредди и о многом другом — подробно. Не переключайте канал.

ДЖЕЙСОН: ЗА ЖИСТЬ

Темы разговора прыгали «от и до», но, в

конце концов, кем-то было произнесено слово «мэйнстрим», и тут Джейсон принялся раскладывать себя по полкам. Мы, обрадовавшись такому повороту, покорно внимали. Фредди, не знавший английского, динамично изучал обстановку вокруг стаканов и пепельниц.

Джейсон: - Вдумайтесь, что означает слово «мэйнстрим». Это же MAIN STREAM! Большой поток. И дело здесь не в географии, не в русских или американских понятиях, не в музыке ваших родителей или ваших детей. Это вне времени и места жительства... Мне нравится думать, что моя музыка имеет к этому какое-то отношение. Наверное, поэтому не имеет значения, где именно я играю, в какой стране — многим людям нравится то, что я делаю. И поэтому же диапазон моей аудитории очень широкий — от тинейджеров до стариков. На моих концертах часто присутствуют сразу три поколения. Популярная музыка создает, как мне кажется, некоторые барьеры... Про нее можно сказать — «это музыка этого поколения». Отсюда понятия — музыка 60-х, 70-х, 80-х... Определяя музыку таким образом, мы строим стены. Я, конечно, не берусь судить, но мне кажется, что моя музыка не имеет ничего общего с таким разделением.

Мы приходим к победному консенсусу, радуемся за музыку, которая будет вечной, и не забываем заменить батарейки, подливая себе водки, а Джейсону — морковно-яблочного сока. Джейсон хвалит сок, указывая нам на картинку с упаковки — "morkov!" Потом разговор не менее плавно перетекает в географию и Вебли (в который уже раз?!) рассказывает про свое отношение к родному Сиэтлу.

- Мне, как жителю Сиэтла, вся эта околомузыкальная феерия, которая происходила там лет 10-15 назад, кажется какой-то ненатуральной... Я просто наблюдал более размеренное развитие сюжета, в отличие от иногородних, которым появление «Нирваны» должно было показаться громом среди ясного неба. А в действительности множество групп, впоследствии составивших т.н. «сиэтльскую волну» или «грандж», играли и до «Нирваны». "Screaming Trees", "Mudhoney", "Alice In Chains"... И звук у них был довольно похож. Скорее всего, все дело в том, что "Nevermind" «Нирваны» оказался очень-очень хорошим альбомом. Неожиданно для всех. Я помню, как я был буквально шокирован, услышав в магазине это «джинь, джинь, чики-чики-джинь-джинь...» (напевает вступление к песне "Lithium"). Мне эта пластинка нравится до сих пор, невзирая на то, что я уже долго ее не слушал... Тогда это был шок — «Нирвана» нравилась всем. Поэтому я считаю, что и они были правильным проявлением мэйнстрима.

Потом мы вернулись к корням музыки Вебли... Боялись получить в глаз, но все-таки вернулись. Джейсон отреагировал стоически, признавшись, что несколько лет назад всякие аналогии вгоняли его в глубокую тоску, но сегодня он научился проявлять к ним не менее глубокое безразличие. Иногда они его даже веселят, как, например, заявления, что Вебли — это «Курт Кобейн с аккордеоном» или опять же «Высоцкий с аккордеоном». Больше всего ему нравится, когда его имя упоминают рядом с именем Артиса Спунмана, уличного музыканта из Сиэтла, играющего на ложках.

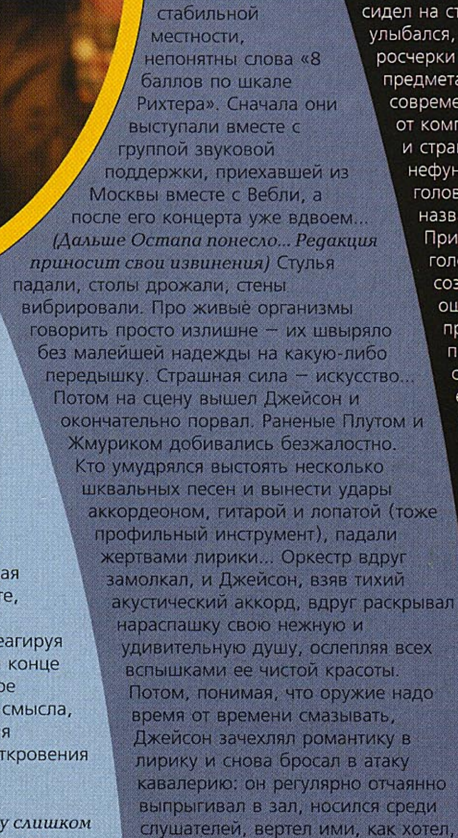
Дуализм лирики и кабацкого безумия и вопросы о личных склонностях к тому или иному проявлению «истинного Вебли» Джейсон встречал с одинаковым философским спокойствием:

- В сердце у меня всего лишь один Джейсон Вебли. Просто он может выражать разные настроения. Но в любом из них я очень серьезен. Я вообще — очень серьезный автор. Но когда я приезжаю с концертами в какое-нибудь новое и неизвестное для себя место, обычно большинство песен будут из разряда «А-А-А-А-А!!!!» и только несколько спокойных номеров. Но со временем, когда мы с аудиторией узнаём друг друга ближе, у моей лирики появляется больше шансов. Мой последний альбом выдержан приблизительно в этом ключе — меньше топанья, больше лирики. Но по большому счету я никогда ничего не планирую. Возможно, следующая пластинка будет абсолютно сумасшедшая...
- Так же, как ты никогда не знаешь, каким будет твое пробуждение от зимней спячки и будет ли оно вообще?
- Именно.
- Ты хочешь сказать, что никогда не думаешь о будущем?
- Думаю, но стараюсь ограничивать количество своих мыслей о нем. Всегда есть большой шанс на какие-то существенные перемены в будущем. Может быть, мой следующий, 5-й альбом вообще не будет альбомом в прямом понимании.

Сам факт отсутствия каких-либо контрактов накладывает на музыканта определенные обязанности, отнимающие время, которое можно было бы с полной отдачей посвятить созидательному процессу. Вместо этого определенное количество сил уходит на запись, издание и реализацию своих пластинок, на планирование гастролей и тому подобную рутину. Но Вебли, судя по всему, не очень-то от этого страдает.

- Я практически все делаю сам. От продюсирования пластинок до собственного сайта, через который распространяется определенная часть тиража. Естественно, есть фирма Springman, которая помогает мне с дистрибьюцией по магазинам. В принципе, быть собственным менеджером — дело не такое уж и сложное. В самых запутанных или трудоемких процессах всегда найдется кто-нибудь, кто поможет с ними справиться.
- Наверняка, в помощниках недостатка нет?
- Отнюдь. На сегодняшний

фото не скажем чьи

NO VEGANS!

день вся эта суета с записью, продюсированием, тиражированием — она весьма меня развлекает, и пока я не собираюсь с ней расставаться. Единственное, что, возможно, поменяется — это фирма-дистрибьютор. Торговля в магазинах сейчас оставляет желать лучшего...

- А это для тебя важно?

- Да в том-то и дело, что не очень. У меня не такие огромные тиражи, и я вполне успешно продаю диски на концертах. Просто, если есть люди, которые хотят мне помочь с распространением дисков и немного заработать на этом, то я не имею ничего против этой идеи. Но сильно заморачиваться на поиске этих людей я тоже не хочу.

- А сколько из привезенных с собой дисков ты продаешь на концертах? В смысле — остается ли что-то, или же ты всегда ты уезжаешь домой, распродав все до единого?

- Когда как. Я всегда стараюсь захватить немного больше, чем предполагаю продать, но чаще всего я довольно точен в своих предположениях... Маленькое «но» - в Америке сегодня не все в порядке с экономикой, и меня не очень радует то, как идет продажа моего последнего альбома.

- А здесь?

- Ну-у... Здесь я не вполне владею информацией. Спросите лучше у "BAd TaStE"!

Потом мы долго жалели Джейсона за то, что он уже на протяжении пары часов вынужден в сотые разы отвечать на вопросы, которые ему задавали и задают на всех гастролях. Он долго улыбался, качал головой и, озабоченно наблюдая за попытками Фредди покинуть поверхность стола, пожимал плечами, отвечая, что это часть его работы и что он всегда за поддержку его положительного паблисити стараниями заинтересованных акул пера, а посему давно смирился с этим. Мы, будучи далеко не акулами, а, скорее, какими-то «жирафами» или, в худшем случае, «бабуинами» перьев и диктофонов, заверили его в собственном понимании и пообещали скоро отпустить, если он останется таким же многословным...

- Расскажи про свое внеконцертное время...

- В России у меня обычно серьезная нехватка свободного времени... В отличие от остальных мест на планете, где я выступаю. И для меня это становится определенной проблемой...

- Почему ты себя так не бережешь?

- Ой, да ведь это не я... Это все "BAd TaStE"! Я не против играть хоть по концерту каждый вечер, но все вот эти пресс-конференции и интервью... Я был бы не против, например, погулять по городу... Сегодня мы приехали утром в 10 часов, и у меня было на все про все только 2 часа. В российском туре так почти везде.

- Как тебе Сибирь?

- Очень странное место... Необычное. Учитывая все, что я про нее слышал. Там мне тоже не особо дали расслабиться, но я улучил таки несколько часов на исследование окрестностей. Там было озеро... Очень большое и, как оказалось, очень теплое. Ну вот, представьте себе: Сибирь, лес, озеро и на берегу — люди в купальниках!.. Совсем не то, что я мог ожидать с моими знаниями о Сибири.

- Мы никогда не были в Сибири, поэтому впечатление, наверное, было бы похожим...

- Ну вот, видите!

МАМА! ЭТО МОИ ГАЛИ... ИЗ ДНЕПРА ПРИЕХАЛИ

«Ой, а это что, Джейсон Вебли??? А почему он такой... МАЛЕНЬКИЙ???»

Так воскликнул арт-директор журнала, ввалившись в недра клуба в обществе толпы земляков, населявшей микроавтобус, зафрахтованный для перевозки нескольких десятков тел по маршруту «Днепропетровск - Донецк». Стало неприлично шумно — музыка, слегка мешавшая беседе, потухла на фоне бурного пи... извините, галдежа новоприбывших.

Джейсон скромно ужинал, иногда улыбкой реагируя на слишком громко произнесенное на другом конце стола свое имя. Поняв, что беседу в атмосфере «адского угара» продолжать просто не имеет смысла, мы вежливо попрощались с ним до окончания концерта, рассчитывая на пост-сценические откровения - если Джейсон не будет слишком усталым.

Джейсон, музыкант: - Ладно. Даже если я буду слишком усталым, но нас будет окружать обилие красивых девушек...

Женя, меценат и дилер: - Спроси у Джейсона, вкусный был суп?

Джейсон: - Да, очень вкусный.

Женя: - Отлично. (Официанту) Принесите, пожалуйста, 2 таких же супа!

ДЖЕЙСОН: КОНЦЕРТ

Перед выступлением Джейсона играли звезды «Ганджюбаса» - Плут и Жмурик. Рассказывать о них настолько же трудно, насколько людям, живущим в сейсмически стабильной местности, непонятны слова «8 баллов по шкале Рихтера». Сначала они выступали вместе с группой звуковой поддержки, приехавшей из Москвы вместе с Вебли, а после его концерта уже вдвоем... *(Дальше Остапа понесло... Редакция приносит свои извинения)* Стулья падали, столы дрожали, стены вибрировали. Про живые организмы говорить просто излишне — их швыряло без малейшей надежды на какую-либо передышку. Страшная сила — искусство... Потом на сцену вышел Джейсон и окончательно порвал. Раненые Плутом и Жмуриком добивались безжалостно. Кто умудрялся выстоять несколько шквальных песен и вынести удары аккордеоном, гитарой и лопатой (тоже профильный инструмент), падали жертвами лирики... Оркестр вдруг замолкал, и Джейсон, взяв тихий акустический аккорд, вдруг раскрывал нараспашку свою нежную и удивительную душу, ослепляя всех вспышками ее чистой красоты. Потом, понимая, что оружие надо время от времени смазывать, Джейсон зачехлял романтику в лирику и снова бросал в атаку кавалерию: он регулярно отчаянно выпрыгивал в зал, носился среди слушателей, вертел ими, как хотел, потом запрыгивал на потолочные балки, угрожающе там раскачивался и продолжал рычать без микрофона. Зал заботливо расступался, чтобы лучше его видеть — о страховке на случай падения не могло быть и речи, поскольку музыкант излучал гигаджоули энергии и явно был в профессиональном ударе. Он командовал парадом через мегафон, заставляя зал "krutitsa dvenadtsat raz", почти убегал из клуба, но только для того, чтобы снова ввинтиться в аудиторию спиралью торнадо и этим американским народным смерчем закрутить оставшиеся целыми гайки в головах людей до полного срыва резьбы... Короче, было небезопасно и жутко весело. В качестве сюрпризов Вебли играл хиты советского безоблачного детства вроде «День рожденья» Крокодила Гены и более серьезные произведения, например «Мама, мама, что я буду делать?» Все кавер-версии пелись как на английском, так и на оригинальном языках. Зал подпевал настолько охотно, насколько это позволяла память и количество алкоголя, плещущегося внутри организмов....

А потом все прекратилось. Но не надолго — на сцену снова вышли Плут и Жмурик... И снова — битва за огонь. Но этот дуэт заслуживает отдельной истории, поэтому о них — в другой раз. Глубокой ночью мистерии звука плавно перешли в не менее глубокую пьянку, а мы попытались найти Джейсона для символического окончания разговора. Вебли был найден на улице, и одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, насколько он выложился на концерте... Его стало даже немного жалко. Он сидел на ступеньках и устало улыбался, рисуя маркером росчерки на разных предметах быта современной молодежи — от компактов до футболок и странных нефункциональных головных уборов под названием «банданы». При этом банданы с голов не снимались, и создавалось ощущение, что Вебли причащает поклонников к своей вере. Хорошо еще, что он верит в добро. Во всяком случае, нам так показалось...

Светлана Герасимова & Co

texxxl#1
03

АНГЕЛОВ НЕ НАДО

Окно - хорошая вещь. Юля смотрела на этого парня уже не первый вечер, привычно (не)слушая про авторское право в Интернете. Московское солнце играло в полированных кладбищенских плитах. Их у Сергея было две: черная и белая. На одной -- Антон Симоненко. Вера Хохотулина — на другой. Между двумя вечерними парами, пока сокурсники пили пиво под памятником и спорили, в какой после учебы податься клуб, она прошлась по бульвару, задержалась у его мемориала - симпатичная потенциальная заказчица.

- А вот у тебя на образцах имена, - спросила Юля, чтобы Сергей перестал наконец называть размеры, материал, цены на фотокерамику, кресты, цветники, — они чьи-то, каких-то мертвых, или выдуманные?

- Придуманные, конечно, - ответил Сергей, пока она смотрела в его озорные глаза и решала: врёт?

- А фото, портрет, лицо? - не унималась студентка.

Сергей хмыкнул, довольный тем, что разговор загибается куда-то в сторону от непосредственных ритуальных услуг и другой посмертной коммерции.

- Ну, с одной там фотографии, разница что ли есть, откуда?

- А если по этой улице пойдут родственники этих лиц, каково им будет?

Сергей отшутился в том смысле, что Москва - город большой, да и доказать никого нельзя, имена-то новые.

- Менты не гоняют?

- Договорился. Раньше у метро стоял, подвинули. Платим каплю им.

Диалект? — подумала, прислушиваясь, Юля про эту «каплю». Уверенный парень непривычно употреблял отдельные слова.

- Бабушке памятник, - ответила она о своих желаниях, - давно умерла.

- А что там сейчас?

- Из нержавейки

- А где бабушка лежит?

Юля назвала подмосковную станцию.

Сергей кивнул:

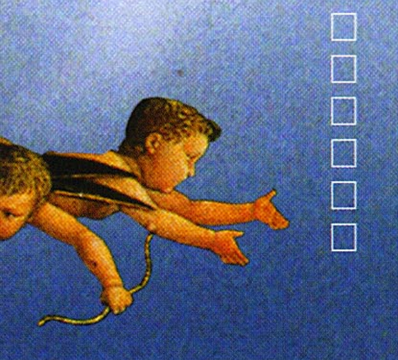
- Сделаем, доставим.

Пообсуждали, нужен ли рисунок, какие вообще бывают. С витражами целые склепы, но это, конечно, лишнее. Он предложил двух ангелов, скульптурных, по углам. Дороже, но это и круче будет. Показал руками размах крыльев. Она заторопилась на лекцию.

«Жилищное» - самый муторный, говорят, экзамен. Половина курса пересдавала в том году. Сергей предложил ей куда-то пойти. Спросил, во сколько она заканчивает учиться. Их время совпадало.

Когда Юля вышла из институтских ворот, он сразу замахал ей издали. Это было просто и приятно, как и весь теплый майский вечер.

- Куда ты их? - спросила про Хохотулину-Симоненко, пока Сергей, показывая мускулы, ставил свои камни на железную «вокзальную» тележку.

- Здесь недалеко, берут мало за хранение.

Они вытолкали тележку с двумя сложенными бутербродом плитами из клетчатого лифта. Сережа нажал звонок.

- А, Симоненко приехал? – обрадовался, распахнув дверь, парень в халате и с мокрыми волосами, - проходите, у нас сегодня намечается скромное пати.

На стене в коридоре висело распятие и велосипед. «Намечается», впрочем, было не тем словом. Квартира уже наполнилась нетрезвыми и шумными людьми. Все знакомились с Юлей, но никто не спрашивал её имени. «Так себя, наверное, чувствует знаменитость на тусовках», - мысленно пошутила она. Популярнейшим словечком здешних разговоров было «адский». Употреблялось в любых значениях. Умный Саша, подливая ей, говорил: «Мне раньше нравились девушки типа "наивность-беззащитность-нежность", а теперь нравятся типа "интеллект-агрессия-самостоятельность"». Юля ему ничего не смогла ответить про техноделику, и он пообещал дать «заценить». Торчок Фрэнк орал вдруг во всю дурь: «Эфтырнадцать!!!», чем всех очень веселил. Фрэнк выдумал это слово и научился так его кричать в дурдоме, откладывая припадок. «Если слышали "эфтырнадцать", ко мне уже спешили со шприцами», - хвастал он.

Включили видео, какую-то эротику, но все запротестовали и поставили порно, назывался «Слюна», сразу появились, ещё до титров, во весь экран, вздутые члены с выпуклыми венами. Кроме Юли было несколько девушек. Не таких, как она. Все в мужской одежде, с глазами, обведенными темнотой, и с синими губами утопленниц. Под Мэрлина Мэнсона, о котором Юля слышала только, что он «гнилушник», но расшифровать этого сама не могла. Ещё Фрэнк, местный клоун, регулярно выкрикивал что-то из рекламы, вроде «танки грязи не боятся!» или «жевать – не переживать!». Все смеялись, а если надоедало, и «крикло» пытались «приткнуть», Фрэнк клялся: «Да в голове у меня эти бесенята живут и выскакивают сами, в дурдоме мне заплатили, чтобы иногда баннеры выпрыгивали, ну типа адский опыт · такой по внедрению новых технологий рекламы будущего, а мне ихний вэлфер помогает жить, они помесячно платят, пока я соглашаюсь это в черепе слышать. Рот сам орёт. Баннер врубается прямо в черепе, и ты его начинаешь озвучивать по-любому, не можешь против этого ничего».

- Если они тебе платят нормально, - спросил кто-то ироничный, пряча смех, - чего ты в своем *батории работаешь до сих пор?

- В этом и дело, - не растерялся Фрэнк, - эксперимент длится, пока я сохраняю независимую платежеспособность, ещё где-то то есть работаю. Это ведь проверка такая: что ты купишь сам из того, о чем кукарекаешь. Я фальшивые справки беру в магазинах у знакомых торчков, что многое типа купил уже вроде... «Квадратиш! Практиш! Гут!» - как бы в подтверждение взвизгнул и выпучился Фрэнк, картинно душа ладонями свою орущую шею. Юля поняла по лицам, что он всегда что-нибудь такое рассказывает.

«Слюна» (хорошее название - подумала она, сглотнув) оказалась гомосексуальной: фашистский офицер гнул на экране стэк, выкрикивая белиберду по-немецки (Юля знала этот язык), а пленный, в другой форме, сосал у него изо всех сил. «Из всех эротик в попу и в ротик», - пошутила одна из черных девочек, самая пухлая. Пленный, впрочем, попался приятно строптивый, и в следующей сцене фашист злобно *б его в зад, скинув черный китель и блистая мокрой спиной. «Жесткое удовольствие анальной любви», - сказал умный Саша как бы про себя. Яйца насильника болтались, словно елочные игрушки, только пепельные такие, мышиного цвета. Юле было интересно с этой точки смотреть, как кого-то имеют в задницу. «Слюна» и «рекламная болезнь» Фрэнка напомнили ей об Аркадии Ильиче.

А.И. трахал её в той же позе и в то же место, а чтобы у него по-настоящему стоял, заставлял Юлю повторять слова всех этих глупых песенок из телевизора, лицом её почти заталкивая в этот самый телевизор, орущий, пока она, заикаясь, выдыхала: «Ба-ба-наны-кокосы, апельсиновый ра-а-й, стоит только з-а-ахотеть, можно и звезды...». Сергею, как оно там ни сложится, Юля ни за что не скажет об этом «анальном удовольствии». Да и вообще никому.

В честь чего вечерина, она так и не поняла. Сергей тоже не был тут свой и, осторожно обнимая, посматривал на Юлю, как будто привел на шоу фриков. Он хранил здесь свои плиты и, значит, был частичным спонсором происходящего. Но алкоголь растворял незнакомство, и вот уже черные девочки предлагали Юле мерить браслет с черепами-каракатицами, спрашивали, удобно ли на плите и заводит ли это, а она отвечала, что она не жена Сергея.

Симоненко плюс Хохотулина устроились на кухне под столом друг на друге. Девочка в балахоне с вампиром, уходя, рассказывала в дверях, как ела соленого симулякра на острове в морском ресторане, советовала попробовать. Да, дорого, но раз в жизни-то можно. Вот за этим туда и стоит ехать, несмотря на цену. Её не слушали.

Порнофильм развивался, или уже пошел новый: двое затянутых в скрипучую резину существ неясного пола дрочили и е*ли повешенного, перевязав достоинство трупа шнурком. Синий мертвый х*й стоял как туземный фрукт. Один резинозавр баловался с этим плодом, затуживая шнурок, а другой залезал висящему покойнику пальцами в анус. «Адский фильм», - сказал кто-то нетрезвый на полу, но не выключил (никто вообще не знал, где пульт), а спрятался глубже в спальник. «Окукливаться» в таких спальниках по двое или в одиночку и храпеть в любом углу тут было принято. Юля и Сергей пошли спать на кухню, где свободный диванчик. «Стареющая кровь», - перевела она с майки согнутого над унитазом. Двери в туалет не было.

- Знаешь, я подумала, не надо их, - уже на диванчике, устраиваясь в обнимку, сказала она.

- ?

- Ну, ангелов на могиле, это как-то... глупо, пожалуй, выйдет, я от бабушки и не слышала про ангелов ни разу. Так что ангелов не надо.

- Ангелов не надо, - повторил он, целуя Юлю в пьяные губы и убедительно делая ладонями, словно поставил их на невидимое стекло. Они недолго целовались. Юля заснула первой. Ей снилось, что она - стая каких-то птиц. Голубей? Каждая птица это она, но не она вся. Или косяк рыб? Приятно чувствовать плечом её подбородок, - думал Сергей. Он засыпал, точнее, тонул по частям куда-то сквозь диван, вниз, выныривал-просыпался, не чувствуя каленого привкуса в воздухе. Её крашеный волос попал между розеткой и вилкой переноски на полу и сгорал, кучерявясь, исчезая, двигал к ковру прихожей искру. В полудреме Сергею опять, а точнее, наконец, показалось черное сало.

Никто не знал, что видения эти, особенно, если выпить, накрывали его много раз, как сериал. Автомат-кран. В каждом магазине такое есть: стеклянная кабинка, заваленная мягкими цветными игрушками, рычаг, твоя монета, хваталка трехпалая. Знай себе - тягай. В снящейся другой жизни-сериале Сергей ничем кроме ловли игрушек и не занимался. Объезжал магазины, везде их выигрывал, улов продавал потом у метро, представившись «напрямую со склада». Во сне это было выгодно, и Сергей, наверное, жил на это. Собирался даже давать объявление в газету и сбывать малых сих оптом. Мерещились секреты мастерства, вроде: хватать надо по центру, с краю хуже берет, добыча должна лежать отдельно, иначе не зацепить, лучше легкую, небольшую, слабо несет. Остальное - ловкость. В том же многосерийном сне еще был некий невидимый проситель. «Черного сала мне надо!» - то клянчил, а то свирепел он Сереге в ухо, - «Черного сала хочу!». Или просто, отрывисто: «Дай черного сала!». И вот, в своей спящей голове войдя в новый магазин, Сергей находит в разноцветной куче за стеклом, среди пушистых собачек, козликов, покемонов, шитых плюшевых пчел и мышей, блестящий кусок абсолютно черного сала. Мягкий шмат холодной лавы. Жирный базальт в прозрачных каплях, невинно глядящих на всё. То именно, о чем просил незнамо кто в этом навязчивом сне. Сергей отпустил монету, взял рычаг, сжал сало тремя стальными пальцами и потянул к себе, не дыша.

Он проснулся от дыма на кухне, схватил плошку в раковине, хлестнул водой пламя, оно убавилось. Горела стена. Босой – током дало по ногам – упал назад затылком о плиту, не ту плиту, где сковородки, но о свою плиту, а точнее, о плиту Симоненко. Юля закашлялась и села, открыв глаза. Обнаружила реальность под громкий звук не разбивающегося стекла - упал со стола стакан. Не вдыхалось.

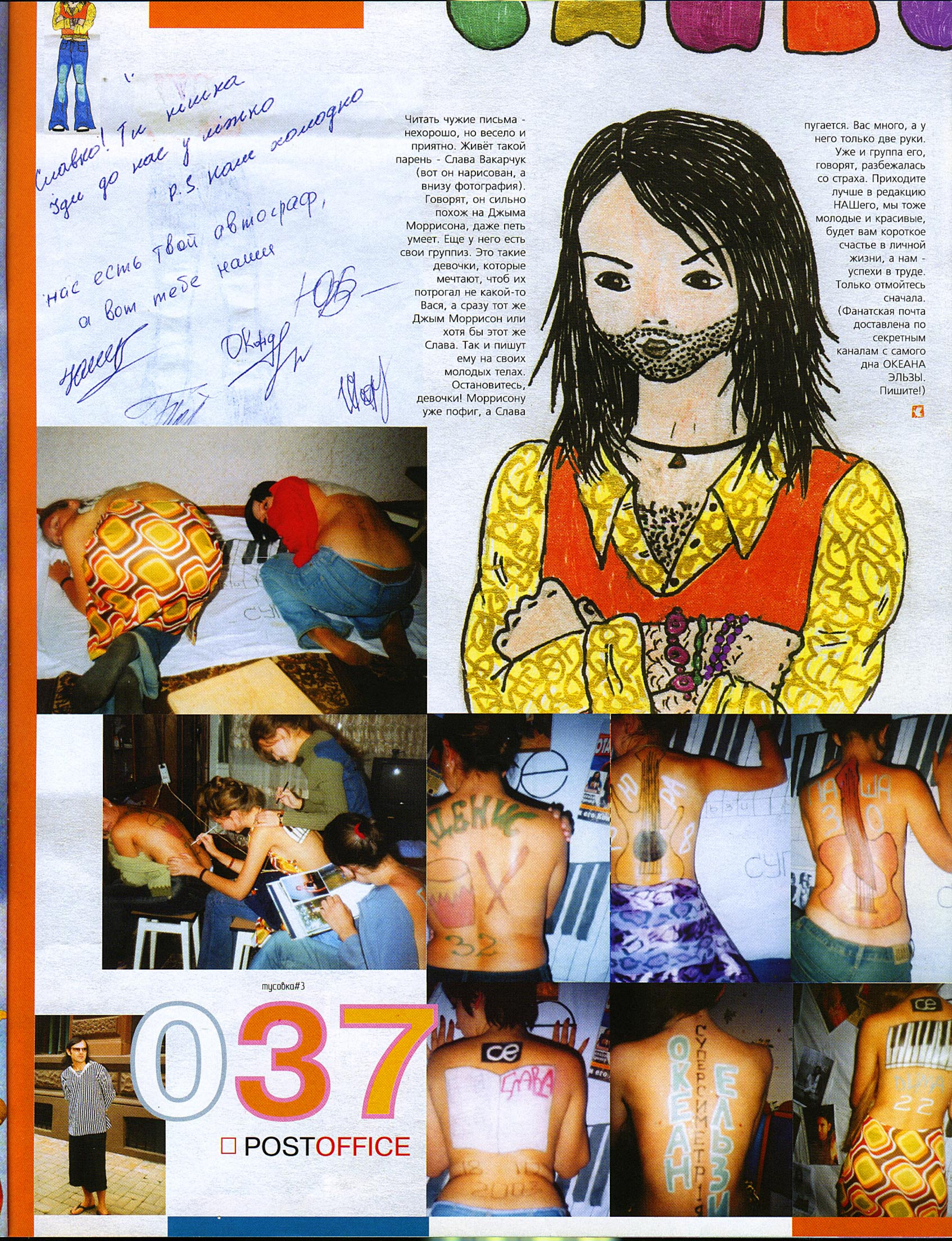
На похоронах одна черная девочка обвиняла другую, не пришедшую, пьяно картавя Юле в ухо: «На тагаканов, как выпьет, охотилась, с бгызгалкой ядовитой, вот и бгызнула в колонку газовую, где огонь, а оно и вспыхни, убежала бухая, с головой не дгужит она, вот где тагаканов могить надо, в голове у неё, я давно говогю, её к нам не звать, сначала стена, потом пговодка...». Пьяную оттащили от Юли. Слякоть и мелкий дождь московской окраины ассоциировались у неё с рыбалкой. Рыжие стены прямоугольной могилы - запоминать их на всю жизнь или нет? - спрашивала Юля себя. Она ведь здесь действительно случайно. В милиции это труднее всего было объяснять. «Кем вы доводитесь покойному?». Родители Сергея почтительно поздоровались, выходя из церкви, хоть и не знали, кто она. Друзья из фирмы «Осень», где он работал, толковали между собой, какой памятник парню ставить. «Он ангелов любил, - вспомнил бородач, - это ж наш фирменный стиль».

- Нет, - непонятным голосом вмешалась Юля, - ангелов не надо.

Многие на неё обернулись.

Алексей Цветков

Читать чужие письма - нехорошо, но весело и приятно. Живёт такой парень - Слава Вакарчук (вот он нарисован, а внизу фотография). Говорят, он сильно похож на Джыма Моррисона, даже петь умеет. Еще у него есть свои группиз. Это такие девочки, которые мечтают, чтоб их потрогал не какой-то Вася, а сразу тот же Джым Моррисон или хотя бы этот же Слава. Так и пишут ему на своих молодых телах. Остановитесь, девочки! Моррисону уже пофиг, а Слава пугается. Вас много, а у него только две руки. Уже и группа его, говорят, разбежалась со страха. Приходите лучше в редакцию НАШего, мы тоже молодые и красивые, будет вам короткое счастье в личной жизни, а нам - успехи в труде. Только отмойтесь сначала. (Фанатская почта доставлена по секретным каналам с самого дна ОКЕАНА ЭЛЬЗЫ. Пишите!)

Собственно, я попал на похороны.

Не то чтоб было слишком грустно и печально. Было, скорее, довольно живописно, шиворот-навыворот, черт-те как. Но все признаки, предикаты, говоря по-научному, наличествовали со страшной и неотвратимой силой. Странности наблюдались в оттенках, в деталях. Имелись, например, похоронки. Неуместно оранжевого цвета, с пустоглазой оскаленной черепушкой. Имелся также гроб, - непомерно огромный, нелепой сигарообразной формы. В принципе, на этом его странности исчерпывались, разве что он не стоял на траурном постаменте. То есть, если быть совсем точным, гроб вообще нигде не стоял. Он висел. В воздухе. Сам по себе. Без опоры. Под потолком.

Попрощаться с усопшим (или усопшей - вот еще одна дикая деталь - пол

все фото на стр.:александр друганов

КОРОВА

на льду

трупа не определен?!) пришла немалая толпа родственников и сочувствующих. Похороны зачем-то совместили сразу с поминками. То бишь, тут же и наливали. И тоже непросто, не по-людски - устроили целый спиртоточивый аппарат для, как было объявлено, поумнения отпивающих. И каждому, кто сто грамм из аппарата отпивал, выдавали специальную справку, что теперь он умный.

А покрывалом смерти служил забор. Зеленый. Люди толклись перед забором, и смотрели в его щели, все мы в щели посмотрели, и в каждой щели виднелась часть тела, таки да, покойницы в виде странной картинки или диковинного предмета.

Покойница вступила в мою комнату. Я отчетливо вижу изумительные пятна тления на ее груди.

Этим летом исполнилось ровно десять лет, как ее не стало.

Да, забыл сказать, как ее зовут (звали). Парижская коммуна. Ее звали Парижская коммуна.

Вот такое имя. Вот такой гробик. Вот такие похорончички.

...

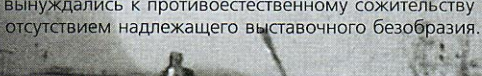
Начиналось же все очень давно. Во времена фараонов.

...

Фараонами звали официальных художников. У фараонов была золотая фараонская жизнь. У них были большие-пребольшие фараонские залы, где проходили большие-пребольшие фараонские выставки. На этих выставках экспонировались большие-пребольшие картины: картина имени 50-летия октября, картина "Земля, малая земля и люди", картина "Леонид Ильич Брежнев после дождя", картина "Утренняя дойка божьей коровки", картина "Рассвет кровавого комсомольца", картина "Межзвездное гестапо проводит обыск в доме-музее Феликса Эдмундовича", картина "Будущее - в нашем мизинце", другие большие картины. Фараоны были старые и позолоченные. Из-за этого смотреть на их картины никто не мог и не хотел ввиду риска ослепнуть. Главным центром фараонства был город Щербицк (Киев), который от этого так сверкал и переливался, что в его окрестностях вдребезги разбивались незрячие самолеты и взрывались атомные электростанции.

Такова была кровавая жатва официального искусства. Следовало что-то делать.

Другим, не фараонам, выставляться в фараонских залах было нельзя. Молодые, с постоянной эрекцией кисти, художники тоже рисовали большие картины, но вынуждались к противоестественному сожительству с отсутствием надлежащего выставочного безобразия.

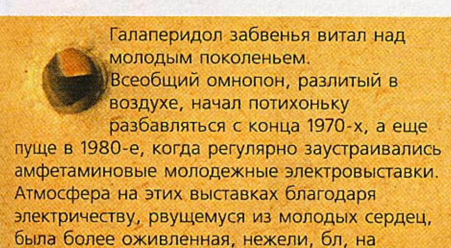

фараонских.

Молодежным выставкам приспело стать главными, когда заговор Князей Сургучного Глаза совместно с синклитом Багровых Воротничков объявил Перестройку. И понеслось:

Опст, опст! В Москве Кузнецкий мост! Там, в знаменитом выставочном зале, в 1986-87 годах состоялась 16-я молодежная выставка, в которой дико смешалось что-то похожее на фараонов и совершенно другое, удивительное, поразительное, миросотрясательное. Тут-то всем и стало понятно, что фараоны вместе со всем златом и каменьями самоцветными проваливаются... в сургучный глазок они проваливаются... и что блудливой змейкой, целомудренной птичкой в каменноугольное отечество вползает ШШВАААБОДААА.

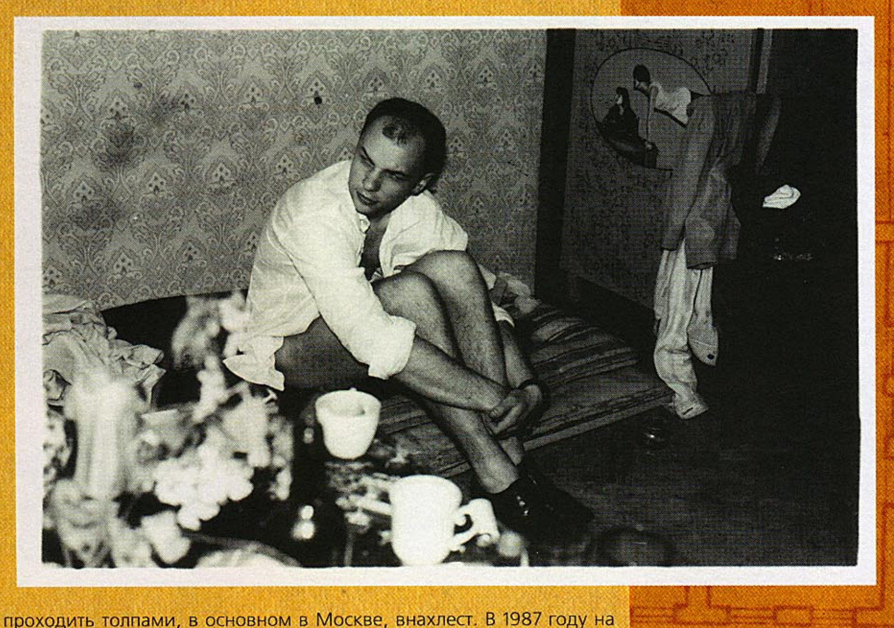
Антифараонские выставки стали с тех пор

Галаперидол забвенья витал над молодым поколеньем.
Всеобщий омнопон, разлитый в воздухе, начал потихоньку разбавляться с конца 1970-х, а еще пуще в 1980-е, когда регулярно заустраивались амфетаминовые молодежные электровыставки. Атмосфера на этих выставках благодаря электричеству, рвущемуся из молодых сердец, была более оживленная, нежели, бл, на

Технические паспорта зданий являются документами „Не подлежащим огла-шению".

ЗАЧАЛЬНИК

проходить толпами, в основном в Москве, внахлест. В 1987 году на одном таком барантуе (слово, которое обозначает выставку, сопровождающуюся человеческим жертвоприношением, когда в последний момент жертвенного барана, чьей кровью принято окроплять все более-менее заметные вернисажи, подменяют ничего не подозревающим и ни в чем не виноватым зрителем; несчастного перед закланием называют бараном или козлом, - отсюда, кстати, выражение "ответить за козла"), который проходил в Манеже, вскорости сгор... нет, рано, выставили картину, большую картину, "Печаль Клеопатры", двойного авторства Савадова-Сенченко, которые и жили в фараонском городе Киеве. Печалилась Клеопатра, со всей очевидностью, по поводу моря, чумы и гибели фараонов, которым к тому времени действительно пришел го. Или по другому поводу, но это уже не. Главное, что картина эта разорвала всю московскую и зарубежную публику на пописикивающие части, стала упоминаемой, как радиомоторный хит, исполненный квартетом успешных певцов в нелегкий для Отчизны час, и куплена за деньги немалые была.

В самом же Киеве рисующий народ начал стихийно самоорганизовываться. Например, выезжали толпами на пленэр. То есть садится в автобус или электричку кодла человек 50 и едет за город рисовать пейзажики. Потом нарисованное обсуждают и запивают. В 1988 году опять в Москве результаты кучкования сконцентрировались в украинскую секцию на выставке в Манеже, который от этого вскорости сгор... стал навеки воспламененным. Тогда же и поименовали всю послефараонскую живопись "киевское необарокко".

Подобного рода радостно-багровых фактов можно много нанизывать. Главный из них тот, что, так или иначе, к концу 1980-х агрессивная альтернативная среда получила сразу и наименование, и множество живых и активных носителей. Теперь этому бешеному веществу, кипящему в десятках голов, оставалось лишь найти себе адекватно безумное вместилище.

Тут пришел на помощь известный советский бардак, к тому времени достигший максимума. В центрах городов стояли старые здания, в старых зданиях жили ветхие люди, но и те, и другие становились совершенно непригодными для жизни. Дошло до того, что старые здания стояли совсем пустые, потому что жильцов там съела моль. Здания опустели, вода и газ при этом там остались, власти собирались эти здания ремонтировать, но никак не могли собраться, вот в ничейные стены и бросились горячие головы и вздыбленные кисти. Бесприютные художники алкали мастерских и побольше, значит, расхватывали под это дело первые попавшиеся руины, даже не выучив толком слово "сквот". Отак от возникли легендарные арт-рассадники в Москве, в Фурманном и Трехпрудном переулках, на Петровском бульваре (сквот Петлюры), в Ленинграде — на Пушкина, 10. В Киеве тоже хорошая улица была — имени Ленина, известного поэта и живописца (в частности, автор знаменитого двухтомного полотна "Жизнь и задачи Кирюхина"). Так вот, там, в 1989 году, и поселились. Угол был хороший, Оперный театр недалеко. Сейчас там Макдональдс. Сейчас там угол Хмельницкого и Франко. Сейчас там вылизанное самодовольное желтое здание. А осенью 1989 там жили:

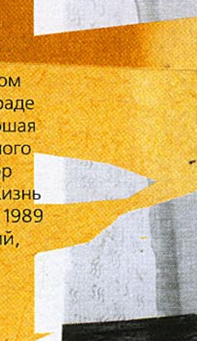
Олег Голосий,
Александр Гнилицкий,
Юрий Соломко,
приехавший из Осетии Василий Цаголов,
Дмитрий Кавсан,
группировка с затейливым названием "Волевая грань национального постэклектизма" (Олег Тистол — Константин Реунов),
Валерия Трубина.

Имена, и поныне активно вспоминаемые. За некоторыми исключениями.

Карнавал безумия и красок нашел свои четыре стены — и от того завихрился еще сильнее. Взвился постоянным пожаром (Манеж горит). Зашелся конклавом призраков будущего, снедаемых сиянием рушащегося в постмодернистской истерии Олимпа.

Мастерские были нужны, ибо картины продолжали рисовать сверхчеловеческие, например, Цаголов изобразил "Левиафана" 3x10 метров. Примерно в то же время в Киеве появился человек из Кишинева по имени Гельман, руководитель молдавского кооператива. Он со всеми познакомился, а потом уехал в Москву, где раздобыл комнатку на шумной улице Якиманка и сделал там галерейку. И быть бы ему никому не известным Гельманом, но он первые выставки в той комнатке укомплектовал исключительно украинскими художниками, уж, конечно, не фараонами, и стал известным Гельманом. А Москва сдалась на милость украинских безумцев окончательно и бесповоротно,

все фото на стр. александр шевчук

обозвав их скорее из желания самозащиты южнорусской волной.

Волна тем временем бросилась смывать новый утес. На Ленине было хорошо. Там нарисовали свое лучшее Голосий, Цаголов, Гнилицкий и прочие ныне внимательно рассматриваемые люди. Но Ленина наконец-то догнал ремонт, и пришлось сниматься стаей в другое.

The
of the

(масштаб 1 : 500)

все фото на стр. николай трох

Другое нашли в августе 1990 года. Полувыселенный как бы уже нежилой дом на улице Парижской коммуны. Вот так она и родилась

Парижская коммуна

Паркоммуна

Парком.

Новопринятое имя было настолько хорошо, что когда городская власть (первейший враг всех и всяких художников и вообще всего художественного) перекрестила улицу на Михайловскую, то, что там ожило — начало жить — так и осталось Паркомом. Этажей было пять. Художников было много. Дом без этого счастья жил 80 лет, с 1911 года избегал неприятностей. А тут — на тебе. Художникам, наверно, повезло больше: легенда гласит, что на одном только пятом этаже располагалась роскошная коммуналка в 300 метров! С кухней! И мастерские у всех были не просто большие — огромные! На четыре комнаты! И центр города! И пельменная напротив! А в пельменной наливают! "Смерть негра"! То есть, "Солнцедар"! Без ограничений!

Рай, трясця його матері.

Пионерами были: Голосий, Цаголов, Кавсан, Гнилицкий, Соломко, Александр Клименко. Рисовали по-прежнему большое и много. И, поскольку фараоны к тому времени окончательно превратились в динозавров и рассыпались окаменелостями, стоило сделать выставку бури и натиска. В 1991 году эта выставка и состоялась. А назвали ее "Парижская коммуна". Так это название и вошло, прошу прощения за возвышенность слога, а зачем извиняться, а затем, что так в провинциальных газетах плохие очеркисты пишут, да мало чего в газетах, да в провинции и крокодилы летают со скуки, ты сердцем говори, ага, вот и еще один штамп, похуже Баскова будет, а что, Басков — штамп, да нет, не, просто бездарь, не понял, это что, наезд, нет, так зачем тогда разговор в сторону уводить, вот я и говорю, в историю.

Притяжение этого места было настолько мощным, что даже те, кто пытался дистанцироваться от Паркома — Савадов, живший, впрочем, неподалеку, на Софиевской, или Кирилл Проценко с Максимом Мамсиковым - на улице Ирининской, подле украинского КГБ — тоже воспринимались как Парком.

Потому что Парком, теперь уже можно точно сказать — не дом, потому что Парком — вообще не пространство, но,

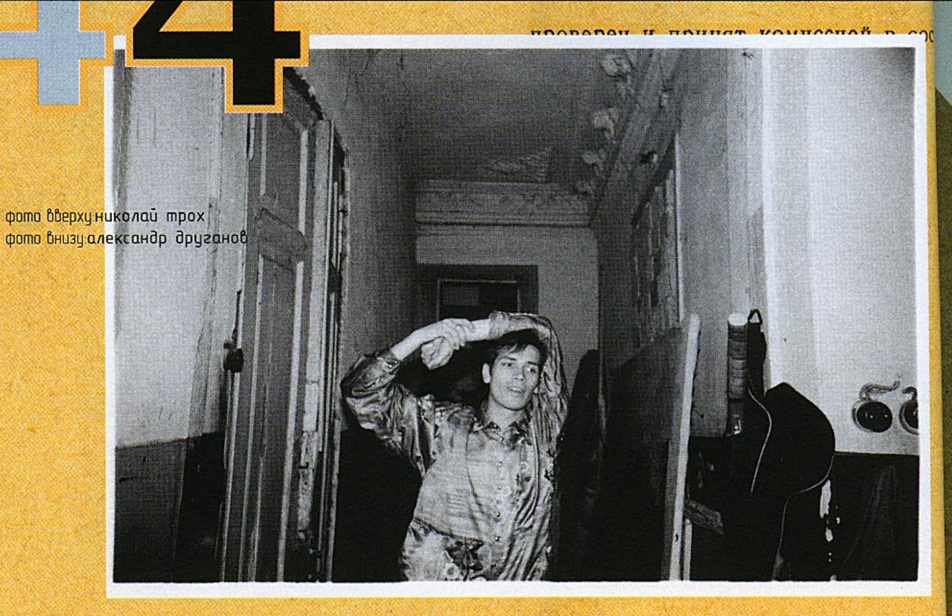

фото вверху николай трох
фото внизу александр друганов

скорее, смещенное время, по своей странной, необъяснимой прихоти зацепившееся за кусок пространства. Это было время избытка, время неограниченности и чрезмерности, время, когда всего было не просто вдоволь — но выше головы, выше крыши вровень со звездами. Когда выставки открывались в залах на сотни квадратных метров. Когда открытие каждой выставки превращалось в грандиозный пир, в гудеж, захватывавший все пять этажей и полквартала впридачу. Когда за картины расплачивались телевизорами, видеомагнитофонами и холодильниками. Когда по всей стране ни жрать, ни пить было нечего — но из Молдавии везли какое-то дикое пойло в трехлитровых банках, и открывали эти банки отвертками, и осушивали тех банок по сотне за вечер. Когда иностранцы приезжали в поисках новых талантов в Киев — табунами. Когда почти весь Парком в полном составе мог уехать в Германию на полгода по приглашению немцев — пожить и картинки порисовать. Когда кислота была компотом, а любовь — воздухом.

И так летели дни наперегонки, пока однажды зимой 1993 года, под табличкой "богатый иностранец", в Киевском городском морге не нашли тело Олега Голосия.

Самого талантливого и незащищенного.

И время Паркома начало сливаться со временем остального мира. Жизнь уходила из Паркома вместе с музыкой, картинами, художниками, запахами красок, вкусом вина, летними ночами. И летом 1994 ушла совсем.

А вокруг Паркома вырос банальный — и потому особенно безнадежный — забор.

И, когда на один квартал ниже, в Украинском доме, открылась выставка "Пространство культурной революции" — она стала похоронами Коммуны, пусть даже и паркомовских художников там почти не было. Но забор был — тот же. И понимание того, что все кончено — также охватывало всех, подобно плотине, внутри которой копилась пустота будущего.

В этом будущем был Сорос, гранты, кураторы и прочая шелуха поздних 1990-х. Много чего было и много чего есть. Одного только нет — Парижской коммуны.

***

спасибо за помощь Галерее Гельмана, Наталье Филоненко, Юле, Леше Скороходу

Пэдс

Вообще-то это тот странный случай, когда постскриптум длиннее самой истории. Однако такие странности случались с Паркоммуной постоянно.

Я встретился с несколькими участниками тех событий и задал им одни и те же (ну, почти) вопросы.

1. Что это было — Парижская коммуна? Течение, определенное направление, или просто жилое пространство?
2. Как повлиял Парком на современное украинское искусство?
3. Какое ваше самое яркое впечатление из тех лет?
4. Сожалеете ли вы о том времени?
5. Вы лично чем-либо обязаны Паркому?

виктория трубина
олег голосий
юрий соломко
максим мамсиков
василий цаголов
дмитрий кавсан
Смерть нисколько не тронула твою красоту,
Гражина, Ханна... Кровь и темные ссадины
на твоём восхитительном теле это самое до-
рогое ожерелье - подарок фантастического
мужчины. Ни у кого нет такой эррекции, Лу...

Александр Соловьев, куратор, арт-критик:

1-2. Разобраться в этом сложно. Это не группировка в классическом варианте типа 1920-х годов, "Зебры" или "Кобры" в 1960-е. Грубо говоря, это — сквот. Не только крыша, место, но нечто, созвучное мейнстриму тех лет. А мейнстрим тех лет в нашем понимании — отголоски исчезающего постмодернизма. Новая волна украинского искусства конца 1980-х, которая осела на улице Парижской коммуны. Остаточный постмодернизм, интересный не только нам. Вот приезжал сюда Бонито Олитва, и говорил, что если б сейчас писал свою книгу "Трансавангард", то обязательно включил бы Украину.

Это не группировка, манифест, но крыша, сквот — и коммуникация. Стилистически совпадает с волной постмодернистской живописи.

3. Хахахаха, у меня? Что-то такое гедонистическое. Искусство превыше всего, но больше всего помнится всеобщая любовь какая-то. В прямом и переносном смысле. Тотальная шведская семья... Годы, неповторимые по степени свободы. Я тогда давал статьи в "Финансовую Украину" про генитальную генерацию, и это же печатали! То есть, Парком — это когда можно было быть свободным.

4. Это была эпоха романтизма. Жалко, что эти времена ушли... Потом все поменялось, само отношение к современному искусству. Тогда же было какое-то ядро, к нему тянулись. Форпост на Шелковом пути. Много есть на кассетах, на фото - все эти гульбища, вакханалии.

Юрий Соломко, художник:

1. Нельзя определить однозначно — пространство, течение, веселое время. Можно сказать, что это было и то, и другое, и третье. Сейчас я сам попробую разложить. Наверно, все-таки, в первую очередь — единение по взглядам и по мироощущению, которое как-то развивалось и было изначально. Для меня оно началось перестройкой. Ведь тогда стало совершенно ясно, что необходима новая среда, и для этого надо быть вместе. У меня, по крайней мере, имелось такое желание — чтобы общаться и обмениваться информацией, просто быть рядом людям, которые подобрались сами собой, или кто-то был приглашен со стороны как необходимость. Второе — не нами это придумано, а пришло из Москвы по принципу такой же коммуны в Фурманном переулке, которая в свою очередь создавалась по образу и подобию западных сквотов. Я ничего не знал о западных сквотах, но знал о Фурманном. Для того времени - неплохая презентация нового искусства. Вот в этом, социальном плане, сделано еще для того, чтобы те, кто интересуется этим искусством, могли прийти и встретиться сразу со всеми. И для тех, кто интересовался, и для нас удобно. Ведь к тебе одному вряд ли кто-то специально пойдет, а к нескольким - да. То есть презентационные цели. Твердить о том, что это мастерская, стало потом самой частой отговоркой, мол, мы объединились, потому что требовались мастерские, и вот появилась такая возможность. Но я не думаю, что это была основная причина. Потому что, когда я пришел еще на Ленина — у меня уже тогда была небольшая, но своя мастерская. Меня же в сквот лично соблазнил Голосий, сказал — давай, ну что ты, все вместе, там же классно, интересней будет. И так я перешел из одной мастерской в другую.

Как целостное течение это нельзя рассматривать. Но как объединение молодых художников, для того чтобы стать известными и богатыми, — это одна из шуток, - то да. И потом, зачем-то же создаются клубы, в которых собираются люди по внутреннему соответствию, и в таком случае, их можно рассматривать как одно течение. В таком плане Паркоммуна была одним течением. Что касается художественного формирования, здесь, скорее, было наоборот. Я ощущал это на себе — приходилось бороться с тем, чтобы не влипать и не быть похожим ни на кого. Чтобы это не было действительно единым художественным течением.

фото

2. Для меня современное украинское искусство проявилось на первых молодежных выставках в Москве, потом в Киеве. А Паркоммуна способствовала консолидации и продолжению существования этого искусства. И потом, через несколько лет уже появился миф о Паркоме. А миф — провоцирует... Потом уже люди сами продолжали существование коммуны как мифа, и, наверно, в этом случае было легче и удобнее отождествлять современное искусство с некой группой художников, нежели с несколькими разрозненными... Можно сказать, что Парком давал ощущение целостности современного искусства.

3. Нет, самого яркого не было, как некоего события. Но как мое ощущение, внутренне — остается постоянно. Затрудняюсь его даже описать... Если сейчас напрягаться и вспоминать, можно назвать несколько событий. Начнем с конца: те дни, когда исчез Голосий, и когда мы потом узнали, что он погиб, - конечно, из запоминающихся событий. Вечеринка после открытия выставки "Штиль"... Посиделки в комнате у Соловьева и дискотеки у Гнилицкого. Провождение вечеров и ночей у моего соседа, Голосия... Вторжение Кавсана, который был со мной на одном этаже, в мою мастерскую — довольно шумное явление... Ну и то настроение... И потом эти прогулки по ночному Киеву — они уже выходили за рамки, за формат здания. Такие коллективные летние прогулки на Холмы и на Днепр — очень хорошие...

4. Нет. В сквоте хорошо находиться, но тяжело работать. В той мастерской, в которую сейчас очень редко заходят гости, я ощущаю себя именно в смысле работы гораздо лучше, чем на Паркоме.

5. Думаю, да. Это поддержание и развитие внутреннего ощущения, состояния по отношению к себе и к миру через искусство, которое можно назвать художественным максимализмом. Вот в этом состоянии, я считаю, любой художник должен побыть в начале пути, чем дольше, тем лучше. Поддерживать это состояние в одиночку сложно, а Парижская коммуна в этом отношении помогла.

Наталья Филоненко, директор галереи Гельмана в Киеве

1. Так, сейчас... Ну на самом деле, когда к нам приходили гости с Запада, они поражались этой настоящей богемной жизни, когда люди могут работать только в искусстве, не занимаясь чем-либо еще, и при этом нормально жить - это был идеальный период, уникальный момент на разломе старой системы и становлении новой. С одной стороны, еще все помещения, отселенческие дома не были прихвачены фирмами, просто потому что фирмы еще не возникли. И арендовались эти квартиры практически за квартплату, которая тоже была небольшая. За минимальные деньги можно было иметь огромную мастерскую и пользоваться ею до 4 лет. Хотя никто так далеко не загадывал, думали, что на полгода - а продлилось 4 года. В конце концов, весь дом заселился. Началось с одной квартиры, а в результате уже везде были художники, только две квартиры были с жильцами. Тогда же еще был интерес к перестройке и к новому искусству. Картины активно покупались, пусть недорого, но и цены на жизнь были другие. То есть можно было жить и работать, не думая о.том, чтобы уйти в дизайн, рекламу, как все случилось позже. Еще была вера, что все поменялось очень сильно, что не просто открылись залы. Хотя все были очень рады, что открылись залы Союза художников и можно выставиться. Была масса надежд. Все рисовали картины минимум 1,5х2 метра, брали просто холст или полхолста. Был такой эмоциональный подъем. Энергия, вера, невероятный энтузиазм - такого уже нет сейчас, уже по-другому работают и относятся ко всему. И это чувствуется по работам. Период Парижской коммуны очень ценен особенностью настроения, состояния. Художник тогда был герой или, по крайней мере, ощущал себя таковым. Паркоммуна в каком-то смысле была неофициальным центром современного искусства, где уже были свои мастера - туда можно было прийти, посмотреть художников, там же все обсуждалось, какие-то проекты готовились, кто-то приходил, встречались, получали заряды какие-то и учились друг от друга, образования-то тоже не было. Рядом с нашей мастерской был кабинет Саши Соловьева - можно было общаться, просидеть два часа, чай... Конечно, все это довольно печально закончилось, и начался гораздо более тяжелый период. И, хотя к концу были более трудные финансовые времена, все равно все держались вместе: казалось, что так легче. Хотя, на самом деле, каждый выживал по-своему. И когда уже всех разбросало по городу, ощущение этого, пусть иллюзорного, единства исчезло. И уже каждый кто как. Ситуация изменилась. Но Парком был подарком судьбы. Течение - я бы не сказала. Люди были разные, формировались какие-то имена, были и случайные, некоторые исчезли из искусства. Жизнь распоряжается по-разному. Можно сказать, что это период в современном искусстве, но я бы не обозначала это одним определенным термином.

2. Там состоялись несколько очень крупных имен, которые до сих пор значимы, неважно, кто где работал. Кстати, второй волны такой же силы так и не появилось, как ни печально. Мы все ищем, ждем эти новые имена, может быть, это влияние того, что художник тогда был героем, это привлекало, хотя и не сулило особых денег, другие мотивации были. А сейчас не могу сказать, чтобы был приток молодых художников или чтобы были сильные откровения, и очень жаль. Немного есть, но хотелось бы, чтобы всего было больше.

3. Ой, 4 года - это невозможно. Если еще учесть год на Ленина - одно яркое выбрать из 5 лет... Такой большой кусок жизни. Много хорошего было и много плохого. Много было всего... Там праздновали замечательные дни рождения, когда открывались двери всех мастерских, и где-то ели, где-то танцевали, пили... Или вечеринки после открытий выставок - тоже приходили все, - огромные праздники, которые распространялись по всему дому... Приятно вспомнить и более камерные вещи - разговоры об искусстве. Вчетвером, впятером. Провести вечер: просто где-то собирались и разговаривали. Такой особый образ жизни, продиктованный временем и средой. Как вот говорят - люди 90-х. Сейчас вот уже немодно быть персонажем. Это как раз из 90-х. Тогда, кажется, все было персонажами, театральность была. Все эти вечеринки перерастали... Была определенная игра. Не то чтобы костюмированные, но можно было прийти к Чичкану и поснимать с его стен какие-то шляпы, все ходили на Сенной рынок, были у всех огромные коллекции - от каких-то чесучовых костюмов до шляпок 1950-х - сейчас этого давно уже нет, и бабушек давно разогнали... Да, был ритуальный выход на Сенной по субботам, потом Сенной проявлялся обязательно на вечеринках театральными каким-то вещами. Была праздничность, театральность. И, конечно, наркотические... не ритуал, просто катилась такая волна, - драг-революция, секс-революция, и, конечно, все испытывали новые ощущения, новый опыт

фото

получали. И драматично все это закончилось. Но смерть Голосия, я считаю, в каком-то смысле спасла остальных. Выход и полет после ЛСД - это очень банальная смерть для этого вида наркотика. Не думаю, что он покончил с собой. Никто этого не знал, не предполагал, что может что-то подобное произойти. Всегда уже потом жалеешь, что вовремя не оказался рядом. Но в каком-то смысле это поставило точку. Все немного одумались. Я лично после этого стала настолько противником всяких наркотиков...

А конец - июнь 94, я помню, что мы где-то в начале лета уезжали обратно на квартиру.

4. Вы знаете, тогда такой образ жизни был для меня органичным. Сейчас бы я так не жила. И тогда это странное впечатление производило на нормальных людей, моих одноклассников, к примеру, сокурсников. Удивлялись. У нас стояла дорогая аппаратура музыкальная, ТВ - результаты бартеров по картинам, а постель при этом была - матрас на полу. Какая-то французская штора... В общем, странная по тем временам смесь хайтека и нищеты, аскетизма. Потому что никогда не было понятно, насколько это мастерская, стоит ли делать ремонт, в любой момент могли прогнать.

Мне и сейчас, спустя 10 лет, не нужно такое количество вечеринок. Но тогда... Телефона не было, и люди заходили просто без звонка. Вряд ли бы я сейчас выдержала, чтобы вламывались ко мне в дом. Но это вообще вряд ли бы кто-то сейчас выдержал, сейчас живут по-другому, сейчас цена времени другая. Но тогда было детское нежелание думать о будущем. Все жили сегодняшним моментом. Никто не осознавал, что придется перестраиваться, и придет грубый капитализм, когда цены вырастут на иной уровень. Тогда, я помню, вечеринку можно было устроить человек на 15 с вином, с мясом, по полной программе за 10 долларов. Я сейчас не могу представить, что это можно сделать. Парком был подарком судьбы, и мы восприняли его естественно, и, когда оно начало меняться, не хотели принимать это как реальность, поэтому, конечно, у каждого была своя ломка пару лет, пока приспособились к новым условиям. Следовало искать профессию, художникам сложно было выживать, я нашла свою роль как куратора, появились как раз Сорос-центр, гранты, проектов огромное количество, общественные организации, вкладывание денег, искусство перешло в залы, а до этого работали за свои.

Я слышала такие мнения - мол, это была ваша молодость, и потому это было круче. Но мне тогда уже было 30. Нет, действительно, это был перелом в обществе, и ощущение особое. Разница большая - когда человек что-то сейчас начинает делать или начинал тогда. Тогда вся система ломалась. И ощущение этой свободы... Сейчас-то мы идем к нормальной западной модели в обществе. Но тогда западная модель была непонятна.

5. Для меня это школа. Потому что я вообще имею политехническое образование, собиралась на искусствоведческий, потом вдруг стало понятно, что не имеет смысла учиться в институте. Мое образование - жизнь в Паркоме, эти разговоры, все, что вокруг происходило.

Александр Гнилицкий, художник

1. - во-первых, - это просто название улицы и, я бы сказал, сентиментальное совпадение этого понятия в "их большой" истории и "нашей маленькой" ("взрослой" и "детской"), моей и моих друзей. Это название несет в себе обреченность ухода - еще живя, патетически пахнуть трупом.

- слово "течение" – не подходит. "Течение" хотя бы манифест имеет, не всегда, конечно, но часто. А тут, в этом случае, может, и возможен манифест, но написан он никем не был, да и какой? - "манифест запаха гниющих фруктов"? или... - "тлеющих плюшевых мишек"?

- экономические, приватные мотивы, да и мы ведь одно поколение. Еще одна общая черта - то, что все мы никакого отношения не имеем к мейнстриму (которого тоже уже нет), – я вот хоть и член Союза художников с 90-го года, никакой

фото

мастерской у меня от этого Союза так и нет, - не там, видимо, тусовал. Символический пример: мои родители живут в поселке "Мобиль" под Харьковом. Там от местной ТЭЦ идет большая теплая труба, на которой в холодные времена года греется тусовка. Сидят, поют, пьют, общаются... Дайте теплую трубу – культура сама нарастет, как плесень – так что, ничего уникального здесь нет (если учесть, что все в мире неповторимо). Такие образования возникают постоянно, - создайте только условия. Почти параллельно на Большой Житомирской, и мы туда тоже потом переехали, потом еще несколько раз переезжали, а перед Паркоммуной была мастерская на Ленина. Поэтому говорить о каких-то идеологических корнях сложно. Напротив, можно сказать – мы были довольно-таки аполитичны сравнительно с предыдущим поколением – это тоже можно назвать идеологией...

- назвать это тусовкой? тусовка – слово, которое ничего не объясняет... хотя, конечно, перед Богом нужно решить для себя - "тусор" ты или ты не "тусор"... Но вот что там было позитивное, и что я бы продолжал при первой возможности, – это скорость реакции, когда возникает эта, назовем ее так, среда. Это когда ко мне в мастерскую кто-то приходит и говорит – вот это плохо, то красиво или это зеленое, а надо краснее, и говорит он это в тот же вечер, когда картина нарисована. И не надо ожидать вернисажа полгода. И творчество идет гораздо быстрее. И это позитив. Экономически тоже. Возникают амбиции, художники друг другу показывают свои работы... все-таки этот мир разделился – физики с физиками, художники с художниками, жаль, но это так. Что-то, что действительно герметично, таковым должно быть совсем не всегда. Должна быть какая-то часть снаружи. Изолированное совершенно - обречено и никому не нужно, плюс – ты просто сдохнешь с голоду, банально говоря.

2. Патетика... Я не смог бы ответить. Это к кому-то из сторонних наблюдателей, потому что я все еще головой и эмоционально в середине, внутри. Не могу судить, не знаю, часто не могу отличить какие-то комплименты, которые говорятся как лесть, от тех, что правдивы... надо спрашивать более отстраненного наблюдателя.

3. Это сложно. Это же пару лет жизни, в разных эмоциональных и физических состояниях. Мне очень нравится это время чем-то... Я какой-то период (это вряд ли возможно сейчас) - просто жил не днем, а ночью, работал, выходил гулять, часто на Михайловской площади, у этого огромного здания (МИД) – ночь, нет людей, выглядит как Де Кирико, когда смотришь под луной на эти колонны, действительно странно, что оно и метафизично и красиво, при том, что это сталинизм. Ну и вообще – как это ни бесчеловечно звучит, но красота города часто лучше видна без людей. Скажем, времена Чернобыля – смотри, как хорошо было, мы остались, и даже при сухом законе милиция не запрещала вино охлаждать в фонтане на площади. Все тихо, чисто, никого нет, ты можешь гулять в любое время суток (как Жванецкий про Одессу во время чумы (или, может, все же, холеры?))... просто я любил этот город... время такое странное было, для всех, я думаю. И безвременье, и ожидание чего-то... Тут многие со мной могут согласиться. Плюс особый сантимент оттого, что это прошло, потому что это часть жизни, молодость... или - все молодость, что не сейчас?

4. Щщас спою... спасибо судьбе, что это прекратилось само собой (все бренно, тем и дорого), все должно было как-то размыться... инцест?.. может, это мои личные проблемы, а может, проблемы любого коллектива. Трудно сказать... вопрос насчет Паркоммуны всегда эмоционально сложен, потому что тогда умер человек, которого не вернешь. Это все накладывается и смешивается, оно не разделено эмоционально... поэтому я и избегаю интервью...

5. Банально – я любил высокие потолки и дешевую квартплату, что там тогда и было. Кстати, последняя мастерская такого "лофт"-типа была с Чичей (Чичкан), на Большой Житомирской, и у нас ее просто отобрали ЖЭКмены, потому что турки им дали за свое ООО 60 баксов, а мы могли максимум 30... забрали, и все.

- За что? - опять же, сантимент... Тогда как-то круг друзей и художников собрался, с которыми я близок и сейчас... ну, не было мастерских, вот и посползались... Однако, если бы и были, все равно, думаю, общались бы. Паркоммуна - квинтэссенция места и времени... Там, где сгущается время...

Василий Цаголов, художник:

1. Это было хорошее время. Как-то странно... Сейчас вот сказка есть о том, что это может быть востребовано, кому-то нужно, что-то вроде бы изменилось. А тогда это было как полтергейст - не благодаря, а вопреки всему. Вот внутри что-то накопилось, даже причины не было... Какая-то безумная энергия, - и какой-то всплеск. Понятно, что не все было одинаково, ровно, не все можно было интегрировать в иной контекст кроме нашего. Что-то можно было, но если рассматривать это как самодостаточное - насколько вообще возможно, - то оно было хорошее. Опять же, не все, но в основном. Потрясающий был Голосий, ну и даже те, которые сейчас занимаются искусством или не занимаются, пик активности которых сейчас или прошел, или спал. Может быть, из-за того, что такая коммуна была, друг друга вдохновляли.

2. Радикально. Оно и было тем самым радикальным искусством – не то что повлияло. Насчет влияния как раз сложно говорить, потому что как тогда, так и сейчас эти 10 человек составляют костяк современного искусства. Молодые как-то не особенно появляются. В Одессе – да, и в других городах. В Киеве – я бы не сказал. Наверно, это заслуга Худинститута, может еще что-то. Но это очень странно, потому что когда мы этим начинали заниматься, ни почвы, ни людей, которые бы нас вдохновляли, не было. А сейчас вроде бы есть, мы должны хотя бы кого-то злить. Но я не вижу этого. Потому что никто не вступает в полемику, не словесную, а в искусстве. Ну не в полемику – хоть чем-то своим занимается...
Да, Одесса, Харьков, Львов – кто-то есть. Но, может быть, с Киевом случится то же, что и с Москвой, и будут проезжать те же одесситы или харьковчане. И можно говорить пока, что особых людей не появляется.

3. Как художник - я не особенно веселый человек, поэтому воспоминания у меня связаны либо с работой, либо с женщинами, либо и то, и другое. Я там познакомился со своей первой женой, и это приятные воспоминания. И хорошо работалось - в основном живопись, но тогда же я сделал первые очень странные фото. Тогда же ведь в Киеве никто фотографией, кроме фотографов, не занимался. Это один из первых таких опытов недокументальной постановочной фотографии без натурщиков. Я специально выстраивал маленькие декорации и персонажей делал и потом фотографировал. Но выглядело оно гипернатурально и гиперреалистично, хотя из ничего было сделано...

У меня нет пуповины с Паркомом. С Киевом связано все, с Паркомом – нет.

4. Нет. Тогда было хорошо, но сейчас – лучше. Серьезно. Я думаю, что у многих нет сожаления. Мы же не художники вчерашние или позавчерашние. Те, кто продолжают работать, на виду и интересны... Конечно, что-то и я вспоминаю, какие-то эпизоды, оно приятно или неприятно. Но прошлым мало кто живет.

1. Как о течениии – нельзя говорить, но как о явлении – да. Потому что оно не было однородным, у нас привыкли, что если все вместе работают, то как солдатики одинаковые. Ничего подобного. Что-то, может, и было общее, кто-то у кого-то срисовывал, но это частное, это детали. Все достаточно разные, как и сейчас. Ничего не изменилось. Те же люди, так же их разводит в разные стороны. Если образ Паркоммуны заканчивать, то это – как корова на льду. Расходится, разъезжается – каждая нога в свою сторону, но при этом общее тело.
ДД: И много молока.
- Материнского...

фото

Дмитрий Десятерик, для НАШего, с любовью

Роман, являющийся условным продолжением 2-х первых книг автора ("Гопники" и "Школа") выходит в конце лета в издательстве "Ad Marginem". Действие происходит в Минске 1992 года.

mexxxt#2

*

Кузнецов заходит в аудиторию, садится на стул, закинув ногу на ногу.

- Вам повезло, можно сказать. Или наоборот - не повезло. Фор хум - хау, как говорят студенты, не знающие английского. Короче, из-за того, что в институте нет отопления, занятия отменяют до конца недели. То есть, вас ждут пятидневные каникулы. Радуйтесь. Иногородние могут навестить своих родных и близких, остальные - весело провести время в столице нашей независимой республики.

Спасибо за помощь
Дарине Данильченко

Варшава

отрывок из романа

До электрички - полчаса. Я беру в вокзальном буфете чай. Стакан помечен белой краской, залог - десять рублей. Следующий в очереди - лысый мужик в кожаной куртке. Он достает кошелек, полный долларов и белорусских, вытаскивает "медведя", сует буфетчице.

- Бутерброд с колбасой и чай.

Подают электричку. Плохо одетые люди со скучными лицами кидаются занимать места, отталкивая друг друга. В дверях образуется давка. Я захожу одним из последних. Все сиденья заняты.

По вагону, расталкивая стоящих, идет бухой солдат в расстегнутой шинели. Он наклоняется мне к уху, от него пахнет водкой.

- Выпить ни х*я нет?

Я мотаю головой.

- Ты не сцы, я заплачу. У меня бабки есть.

Он показывает комок смятых "зайцев". Я опять мотаю головой. Солдат идет дальше.

За окнами темно. Мужик в дождевике встает, снимает с полки рюкзак, идет к тамбуру. Я сажусь на его место.

Свет тусклый. В окнах ничего не видно, кроме нерезких искаженных отражений. В углу вагона сидит на полу бомж. Рядом - его хозяйство в

пластиковых пакетах и коробке от бананов.
С лязгом открывается дверь, заходит мужик в светло-синей форме.
- Приготовили билеты для проверки.
Я вскакиваю, хватаю сумку, бегу к другому выходу.
В тамбуре курит дед в зимней шапке. Электричка тормозит, двери открываются. Я выпрыгиваю.
Темнота. В будке станции светится окошко кассы. Я бегу вдоль электрички в ту сторону, откуда пришел контролер, вскакиваю в следующий вагон. Двери закрываются, электричка трогается. На стекле в двери набита через трафарет надпись "не прислоняться".

На сиденье напротив меня - мужик. Лет сорок пять - пятьдесят, морщинистое лицо, лысина прикрыта клоком волос, из ушей торчат седые волоски. На полу - пустая бутылка от водки. Мужик говорит:
- Вот ты, наверна, студент?
- Ну, студент.
- Значит, умный, должен ва усём разбираться. Ня то, што мы - старые...
- Ни в чем я не разбираюсь.
- Ладно, ты не эта самае. Ты знаешь, пра што я гавару. Вот ты мне абьясни, што эта робится? Я ні хера не магу панять. А ты?
- Что вы имеете в виду?
- Ты мне мозги не е*и... Што эта за *лядство, а? Адни спекулянты, и больше ни хера. Купiу за капейку - прадау за рубль. Как эта, ты мне абьясни. Адин, бл*дь, усю жызнь работае, как Карла, и ни х*я денег нет, а эти, бля - купiу за капейку, прадау за рубль...
- А что тут такого? Каждый может этим заняться. Даже вы, например.
- Ты што, дурной?
- А что такое?
- Не, ты, эта самае, извини... Ну, выпили, ты панимаеш. И не панятна ни х*я. Раньше жыли... Усе было панятна, палучыу двести рублей у месяц - и харашо, а сейчас не знаеш, сколька этих бумажек нада... Ерунду зрабили - белки на деньгах, зайцы... Ленин там, Крэмль - эта ладна, а то зайцы... А чего сейчас па радио гаварят "Паважаныя спадары"? Вот ты мне объясни, чего эта я - и "спадар"? Был усю жызнь таварищ, а сейчас, на х*й, спадар. Раньше Масква была сталица, и усе знали, а тяпер? Тяпер што, Минск - столица? Гауно этат Минск, гауно. Ну што, ты мне абьясниш?
- А что я могу объяснить?
- Не можаш - тагда сиди и не пи*ди.

*
Родители кормят меня картошкой с сардельками. Я жую и рассказываю:
- Ну, учеба как учеба. Фонетика, грамматика, практика языка. Потом всякие другие предметы - логика, история, психология...
Мама спрашивает:
- Тебе хоть интересно?
- Ну так...
Папа говорит:
- Да, не повезло тебе - в такое время учиться в другом городе. Надо было поступать здесь, у нас - все бы намного проще было...
Мама недовольно смотрит на него.
- А что ты как отец сделал, чтобы ему там легче было, а?
- А что я мог сделать? Захотел - поехал учиться. А мы - чем сможем...
- И чем ты сможешь, хотела бы я знать? Слава богу, что поступил на бесплатное, а если б не прошел... Где взять сорок тысяч в год? И так всю сберкнижку на репетитора отдали. Поступить - поступил, а как он там жить будет, не представляю себе.
- Все живут, не один я приезжий. Найду работу...
- Много ты нашел? Сейчас кругом сокращения, да и студентов брать не хотят. Лучше думай про учебу, а жизнь мы тебе будем давать.
- Не надо мне денег. Сам заработаю.
Отец поддакивает:
- Правильно говоришь. Надо быть оптимистом.
А ты, Лариса, так не настраивай его, что все плохо...
- Вот я вижу, какой ты всю жизнь оптимист. Живем в этом дурном районе, где одни уголовники и ворье. Сто раз говорила - давай поменяемся с доплатой на центр или, хотя бы, на Мир-два какой-нибудь. Еще года три назад, до всех этих повышений, можно было за тысячу доплаты поменяться на нормальную квартиру. Надо было сэкономить на чем-нибудь, телевизор новый не брать... А теперь уже точно до конца жизни здесь будем...
- Ничего, сын будет хорошо зарабатывать - купит нам новую квартиру. Да, Володя?
Я молчу.
- Купит, жди - не грусти. Хоть бы сам без работы не сидел после института. Такое все нестабильное... Не знаю, куда мы катимся...
- Ладно, ты парня не пугай. Пусть учится. А мы поможем - хрусталь вон продадим.
- Не дам я тебе его продавать - еще, может, на хлеб придется менять. Раз завертелось - не остановится. Хоть бы гражданской войны не было...
(...)

*
Лекция по культурологии. С нашим потоком - три группы "испанцев". Пожилая преподша берет со стола бутылку с водой, откручивает крышку, пьет.
- Вы, конечно, можете сказать, что герой "Постороннего" - человек не очень хороший. Допустим, это так. Но давайте вспомним время действия повести. Это - конец тридцатых годов, шествие национал-социализма по Европе. И как вы думаете, поддержал ли бы Мерсо нацистов?
За окном - крыши, провода и антенны. Впереди чуваки из сто второй листают английский журнал. Справа от меня девушка пишет задание по испанскому. Брюнетка, волосы стянуты в хвост. Синяя кофта, серебряная цепочка, сережки-"гвоздики".
Она отрывается от тетради.
- Ты с английского?
- Ага. А что такое?
- Можешь перевести текст песни?
- Могу попробовать. А что за песня?
- Юритмикс. "Свит дримс".
Она дает мне листок. Текст переписан красивым почерком.
- Сладкие мечты сделаны из этого... Кто я, чтобы не соглашаться... Я путешествую по миру... И семь... семи морям. Все ищут что-то... Некоторые хотят использовать тебя... Некоторые хотят, чтобы... чтобы ты использовал их...
- Все, хватит. Дальше не надо. Так и думала, что лажа. Но все равно спасибо. Как тебя зовут?
- Вова.
- А я - Наташа. Еще раз спасибо. Можешь мне как-нибудь позвонить. Телефон 32-23-11.
Я записываю номер в конце конспекта.
*
Ставлю на липкий поднос стакан сметаны, борщ, шницель с картошкой и компот. Сегодня я получил в "Электронике" деньги за кассеты: тысячу шестьсот, из них шестьсот - мой "навар".
Свободных столиков нет. Я спрашиваю у двух мордатых пацанов:
- У вас свободно?
Один говорит:
- Садись.
Перед ним - три салата из помидоров и две порции гуляша, у другого на подносе - две порции селедки с луком и два шницеля.
Первый говорит:
- Мы летом на даче с братаном салат из помидор в тазике делали, сечешь?
- Что, так помидоры любите?
- Ага.
- Ладно, все это херня. Надо решить насчет бабок - куда их вложить. Можно телевизоры продавать, это сейчас самое то. Пацаны из РТИ их сами паяют, детали берут на Сторожевке. Можно им сказать - давайте, вы будете паять свои телевизоры, а мы вам их продавать, а?
- И они тебя пошлют, скажут - мы сами можем.
- Не пошлют. Им надо, чтобы кто-то продавал. Сами только паяльниками работать могут, а как продавать, что и как - это они вообще не знают.
- Ладно, посмотрим.
Вообще, у меня один кент знакомый крутится не по-детски. Молодой еще пацан, на третьем курсе в универе. Книгами занимается. Раньше возил из Москвы, здесь продавал...
- Книги - говно. На книгах ни х*я не заработаешь.
- Не пи*ди, если не знаешь, лучше послушай. Он летом дал объявление в газету - выпускаю, типа, книгу по сексу. Предоплата - сто рублей, шлите по почте. А все, что пришло - он в баксы. Тогда бакс сто пятьдесят стоил, а сейчас - почти пятьсот. Он говорит - до нового года подожду, потом верну всем, кто прислал, по сто рублей. А за баксы себе тачку брать собирается, "мазду" восемьдесят восьмого года.

Ставлю тарелки на жирный поднос, несу к окошку. Тетка в спортивных штанах подходит к кассирше.
- Вы мне не поменяете белорусские деньги на российские? А то еду в Москву...
- Да, пожалуйста. Мне тут с российскими приходили - на белорусские поменять, в продовольственных сейчас все только на наши. Я им тоже поменяла. Мне что,

жалко?

*

Набираю номер Наташи. В соседнем таксофоне мужик говорит в трубку:
- Наверно, эту квартиру будем снимать... Ну, которая на Восточной... - Он затягивается сигаретой, сплевывает под ноги. - ...И та тоже за тридцать, я тебе говорю. Но там и мебель ху*вее, и хозяева ху*вее - будут приходить, смотреть, чтобы склад не сделали - оружия там или наркотиков.
Гудок, еще один. Наташа берет трубку.
- Алло.
- Алло, привет. Это - Вова с английского. Помнишь?
- Помню. Ты откуда звонишь? Из института?
- Почти что.
- Уже отучился?
- Давно.
- Значит приезжай.
- К тебе?
- А к кому еще?
- Хорошо... Скажи адрес.
- Волгоградская, тридцать два, квартира три. Садишься на "шестерку", едешь до Волгоградской, потом через дорогу, налево, девятиэтажный дом. Первый подъезд, первый этаж.

Звоню в дверь. Открывает Наташа - в черных колготках, миниюбке и белой блузке. На ногах - черные туфли на каблуке.
- Привет.
- Привет, проходи.
Я снимаю куртку, стаскиваю кроссовки. Носок на правой ноге - дырявый. Наташа прислонилась к стене, рассматривает меня.
- Все, разделся? Пошли в мою комнату.

Над диваном - картина в позолоченной раме: кусок берега и море. Снизу холст разорван. Я спрашиваю:
- Это что - Айвазовский?
- Ага. Подлинник. - Наташа хохочет.
На полу - ковровая дорожка кофейного цвета, с розочками. Балкон зарешечен. На веревке - красное полотенце.
- Смотри, что я у родоков затырила. - Наташа открывает шкаф, сует руку внутрь, достает бутылку. - Это папаше дали взятку...
- А где он работает?
- Не скажу.
На белой этикетке бутылки - красные буквы "Merlot", внизу в уголке - "bouteille in France".
- Сейчас принесу бокалы.

Наташа разливает остаток вина, облизывает горлышко. Я беру сигарету из ее пачки "Camel", спрашиваю:
- Ты курить будешь?
- Да, если ты мне прикуришь.
За окном по двору идет дед с авоськой, полной бутылок. Я прикуриваю зажигалкой себе и Наташе, затягиваюсь.
- Вова, а у тебя никогда не было интереса к мужчинам?
- Не-а.
- И никаких связей?
- Нет, а что?
- Так просто... У меня, например, нет отвращения к "голубым". Наоборот, прикольно. Пассивные, активные... - Она улыбается, кладет сигарету на край пепельницы, смотрит на меня.
- Ну, мне это как-то...
- Что "как-то"?
- Не знаю... А у тебя были... ну, связи?
Наташа делает глоток из бокала, наклоняет голову.
- С женщинами или с мужчинами?
- Скажем, с мужчинами...
Она берет сигарету, затягивается.
Я спрашиваю:
- А что, "голубые" могут и с женщинами?
- Те, которые бисексуалы, - могут... - Она давит сигарету в пепельнице. - У меня есть знакомый - на пятом курсе немецкого. Паша Федоров. Ты, может, видел его в институте - такой маленький, светленький, с сережкой в ухе...
- Не помню.
- У нас с ним два года назад был роман. Я тогда в девятом классе училась. Но роман такой платонический, естественно. А потом они поехали на практику в Германию, и там был скандал - он соблазнил какого-то старого немца, или немец его... Никто не знает, что там на самом деле было. Короче, дело замяли. Ну а мы с ним скоро расстались. Он сейчас стал крутым бизнесменом - сам ведь из Литвы, а литовцы в Минске скупают металлы и перепродают на Запад. И он этим занимается. Давай, накрашу тебе губы?
- Зачем?
- Просто так.
- Нет, на фига?
- Ну а что тут такого? Боишься?
- Ничего я не боюсь, крась.
Она берет со стола помаду, подсаживается поближе. Снимает колпачок, выдвигает, подносит мне к губам. Помада - ярко-красного цвета, с приторным запахом. Я рассматриваю Наташино лицо. У нее прыщики на лбу и волоски над верхней губой.
- Смотри. - Она подносит мне зеркало. - Ну, целоваться мы, наверно, не будем?
Я кладу зеркало на стол, придвигаюсь ближе. Мы целуемся.
Магнитофон щелкает - кончилась кассета. Я трогаю рукой грудь Наташи. Она шепчет:
- Ты мне нравишься, я уже говорила. Но я сегодня не могу.
Что-то шумит в прихожей. Наташа резко отстраняется.
- Что, кто-то должен придти?
- Вообще, еще рано.
- Боишься, что меня увидят?
- Не боюсь. Но нежелательно...
- И что будем делать, если кто-нибудь придет?
- Я тебя спрячу.
Наташа улыбается. Я сую руку под юбку, провожу ладонью по бедрам. Юбка задирается, сбоку на колготках - дырка.

Сидим у окна, курим. На улице темнеет. Наташа говорит:
- Все, пять минут - и ты уходишь. Хорошо?
- Хорошо.
Я обнимаю ее, она увертывается. Я спрашиваю.
- А тебе когда-нибудь звонят всякие придурки? Ну, типа знакомиться?
- Бывает. Раз позвонил какой-то кретин, нарвался на маму. Я его вообще не знаю. Наверно, просто наугад набрал номер. Короче, говорит - а можно вашу дочь к телефону? Она спрашивает - а кто это? И этот придурок знаешь, что говорит? "Я - ее интимный друг". Ладно, ты мне зубы не заговаривай, тебе пора уходить.
- Да, я знаю.
- Что ты знаешь? Через пять минут придет мама.
- Ну и что?
- Ничего. Ты меня уже затрахал.
- Я тебя не трахал.
Она выкидывает бычок в форточку, поднимается, хватает меня за руку.
- Кому сказала? Поднимайся! Я не хочу, чтобы из-за тебя у меня были проблемы.
- Ладно, не бойся. Сейчас уйду.
Я делаю затяжку, выкидываю бычок в форточку.
(...)

*

Продавщица выставляет десять бутылок пива на прилавок. Я говорю:
- А эту не могли бы заменить? Здесь этикетка порвана...
- Что, боишься - не продашь?
Она забирает бутылку, ставит вместо нее другую.

Камера хранения. Даю кассирше двадцать рублей, она пододвигает две стертых пятнашки, отрывает квитанцию.
- При получении предъявлять.
Иду вдоль ячеек, останавливаюсь у свободной, с приоткрытой дверкой. Под батареей спит бомж в темно-синем пальто. Под глазами - синяки, на губе запеклась кровь.

Звенит будильник. Шесть утра. Я вскакиваю, начинаю одеваться.

На остановке - толпа работяг. Подходит грязный трамвай, люди кидаются занимать сиденья. Я протискиваюсь в угол на задней площадке.

Подъезжаем к тракторному заводу. У дверей один мужик орет другому:
- Что, выходишь?
- Нет.
- А хули ты тогда стал на проходе?
- Тебя не спросил.
Двери открываются. Мужик, выходя, цепляет второго за куртку. Оба выпрыгивают, толкают друг друга, начинают драться. Дверь закрывается, трамвай отъезжает. Я смотрю через заднее стекло. Мужики бьют друг друга на рельсах. Их фигуры уменьшаются.

Захожу в камеру хранения. Воняет гнилыми помидорами. Тетка роется в бауле. Мужик пересыпает из одного пакета в другой "сникерсы". Я открываю ячейку, вынимаю бутылки, ставлю в рюкзак.

Четыре бабки стоят под табло расписания, держат по бутылке пива. Я встаю рядом, достаю из рюкзака бутылку. Бабка в вязаной шапке кивает мне, улыбается. У нее под глазом синяк, во рту - редкие желтые зубы.
- Дёшева не атдавай. Мы тут уже держым цену - сорак с сабой, трыццать пять на месте. И сматры: увидишь

ПАДРОБКА РАЗЛІКОВЫХ БІЛЕТАЎ
НАЦЫЯНАЛЬНАГА БАНКА БЕЛАРУСІ
ПРАСЛЕДУЕЦЦА ПА ЗАКОНУ

мильтонау, што сюда идут - сразу крычы. И - бягом.
- Что, гоняют?
- А ты как думау? Адна стала качать права - разбили усе пива палками. Харашо, што штрафу не дали.
- Молодой, работать надо, а не спекулировать, - бурчит бабка в зимнем пальто. - Это мы - пенсионеры, жить на что. Живём, как говорится, на три "Д": доедаем, донашиваем, доживаем. А ты работать можешь...
- Когда мне работать? Я студент.
Из тоннеля высыпает толпа - подошла электричка. Мужики подходят ко мне, к бабкам. Работяга с "приминой" в зубах говорит:
- Одну на месте.
Я открываю бутылку, даю ему, забираю "бобра" и "зайца". Он выпивает пиво одним глотком, высоко закинув голову. Плохо выбритый кадык ходит вверх-вниз.

Прячу в рюкзак бутылку с обслюнявленным горлом и пузырями внутри. Подходит седой волосатый дядька в пальто, с облезлой холщовой сумкой. На сумке - портреты "битлов".
- Почем ваше пиво, мальчик?
- Сорок с собой, тридцать пять на месте.
- Две, будьте добры.
Он вытаскивает мятую старую сотню. Руки дрожат.
Я достаю две бутылки. Он осторожно кладет их в сумку, бормочет:
- Вот они, рыбки...
У дядьки - большие мокрые губы. Я даю ему сдачу.
- Спасибо, мальчик, спасибо. Вот и наши мальчики тоже...
- Что - тоже?
Он машет рукой, поворачивается, ковыляет к остановке.

Холодно. Я переминаюсь с ноги на ногу, топаю. Через дорогу, за привокзальной площадью, светятся желтые буквы - реклама "Приорбанка".
Бабка с синяком орет:
- Пиво, пиво, пиво!
- От пива будешь сцать криво, - говорит мужик в дерматиновой куртке.
- Ну, маладец! Ну сказау! - Бабка хохочет. - Сцать криво!

Пять минут восьмого. Осталась последняя бутылка. Почти все бабки уже ушли.
- Почем? - спрашивает пацан в "косухе", с серьгой.
- Тридцать пять на месте, сорок с собой.
- Отдашь за тридцать пять с собой, а?
- Ладно, бери.
Я иду к остановке. В рюкзаке звенят пять пустых бутылок. Мой навар за утро - 170 рублей.

В фойе института - никого, до занятий - сорок минут. Захожу в пустую аудиторию, сажусь, достаю распечатку по грамматике - слова к теме "Shopping".
(...)

*
Стою с пивом. Стремно, в животе бурлит, хочется срать. За час я продал только четыре бутылки.
Кто-то из бабок кричит:
- Милиция!
Я вздрагиваю. Бабки суетливо прячут пиво, бегут к остановке. Я убираю свою бутылку в рюкзак, поворачиваюсь к расписанию - как будто читаю.
Подходят два мента.
- Что ты тут делаешь? - спрашивает один. У него - тупая злобная рожа и расплющенный нос.
- Ничего. Так, стою.
Мент несильно бьет палкой по рюкзаку. Звенят бутылки.
- Кого ты хочешь нае*ать? Что в рюкзаке - пиво? Ну-ка, пошли с нами.
- А может не надо? Я - студент...
- Мне насрать, кто ты.
- Давайте как-нибудь так разберемся?
- Как "так"?
- Как-нибудь...
- Не е*и вола. Бери рюкзак и пошли с нами, а то сам знаешь, что будет.
- И чтоб без глупостей, - говорит второй мент. - Шаг влево, шаг вправо - удар в нос.
Оба улыбаются.

Менты останавливаются в темном коридоре, у двери в камеры хранения.
- Значит, говоришь, студент? - спрашивает первый.
- Ага.
- Сколько у тебя пива?
- Шесть.
- Четыре бутылки сюда, и чтоб я тебя здесь больше не видел.
- А может...
- Ты что, хочешь, чтоб мы тебя оформили за спекуляцию? Конфискуем все пиво - это раз. Две тысячи штраф - это два. В институт твой бумага пойдет - три? Хочешь?
- Нет.
- Тогда давай пиво.
- Прямо здесь?
- А где?
Я расстегиваю рюкзак, достаю четыре бутылки. Первый мент берет по две в каждую руку, ногой открывает дверь в камеры хранения. Он проходит внутрь, дверь захлопывается. Слышно, как он говорит тетке:
- Ивановна, дай пятнашку.
Я спрашиваю второго мента:
- А остальное можно продать?
- Э, ты вообще оборзел? Остальное продать... Сейчас я тебе, бл*дь, продам. Никто с тобой не шутит... Еще раз здесь увижу... Все, вали отсюда - на нервы действуешь.
Я закидываю рюкзак на плечо, выхожу на улицу.
Еще темно. Бабки - опять на месте.

Ставлю рюкзак на лавку беседки, достаю бутылку, открываю. Светятся окна дома. Я делаю глоток. Пиво теплое, невкусное. Дядька с длинными волосами и лысиной на макушке садится в двадцать первую "волгу". Мотор заводится, начинает тарахтеть.
Я отпиваю еще - делаю долгий глоток, как мои мужики-покупатели. "Волга" выезжает со двора. Где-то тявкает собака.
Пиво дает по башке. Я открываю вторую бутылку, швыряю крышку в кусты.
Подходит дед с собачонкой на поводке.
- Паренек, не отдашь бутылки?
- Берите. - Я наклоняюсь, подаю ему пустую.
- Спасибо тебе, сынок. Дай тебе бог здоровьечка. А то пенсия маленькая, и еще с собакой столько расходов... Каждая копейка дорога...
- Понимаю.
- Ну ладно, я потом подойду за второй.
Небо над домами светлеет. Из подъезда выходит бабка в темно-зеленом пальто, идет ко мне.
- Что ты здесь делаешь?
- Ничего, пиво пью - видите?
- Да-да, рассказывай. Ждешь, что люди пойдут на работу, чтоб к кому-нибудь в квартиру залезть?
- Ничего я не жду. Просто есть время перед занятиями. Я студент.
- Ага, студент он. Скажи еще - профессор. Знаю я таких... Ну-ка отсюда, а то милицию вызову.
Я отпиваю пива, тупо улыбаюсь.
- Улыбайся, улыбайся. Я пошла в милицию звонить.
Бабка идет к подъезду. Возвращается дед с собакой. Я допиваю пиво одним глотком, отдаю ему бутылку.
- Спасибо тебе, сынок, спасибо.
- Вот еще две.
Я достаю из рюкзака пустые бутылки - два работяги взяли пиво "на месте".
Дед сует их в карманы куртки, они не влезают, он держит две бутылки в руке.
- Спасибо, сынок, спасибо. Вот что значит - человек. Не то, что все эти... За сто рублей зарезать готовы...
(...)

*
На ступеньках корпуса "А" курит Наташа в длинной черной шубе. Я подхожу.
- Привет.
- Привет, Вова. Попьем кофе?
- Давай.

Заходим в кафетерий булочной, я говорю продавщице:
- Два кофе.
Она берет жестяную банку, на глаз насыпает кофе в два толстых низких стакана, кладет по ложке сахара, льет кипяток из белого чайника.
- Двести двадцать.
Я даю продавщице две "рыси" и двух "зайцев", несу стаканы к стойке.
Наташа спрашивает:
- Как твои дела?
- Нормально. А твои?
- С одной стороны, супер, а с другой - очень плохо. Я познакомилась с парнем, даже, в общем, не с парнем, а с мужчиной. Но он араб. У тебя есть знакомые арабы?
- Не-а.
- А ты не расист?
- Нет, не расист.
- Тогда буду рассказывать дальше.
Она отпивает кофе, я тоже делаю глоток.
- Значит, он араб. Из Марокко. У него своя фирма, продают автомобильные краски. Снимает квартиру здесь рядом, на площади Победы. Знаешь, за сколько?
- За сколько?
- За сто пятьдесят баксов. Неслабо?
- Ага.
- И каждый день меняет цвет.
- Как меняет цвет? Что, кожа то светлее, то темнее?
- Нет, ты что? Цвет одежды. То все в синих тонах, то в зеленых. Ему, главное, все идет. Он такой вообще...
- А что тогда очень плохо?
- Кажется, я от него залетела. Но мы не трахались. Мы с ним еще не трахались - я его хочу, но не надо, чтобы сразу... В общем у нас ничего не было, только петтинг. Но мы напились, представляешь - два литра мартини на двоих. Нормально?
- Ну да.
- И я ничего не помню. А потом... Но я ему уже сказала. Он, если что, даст деньги на аборт.
- А как насчет девушек?
- Что насчет девушек?
- Ну... Ты - с девушками...
- Никак. Я решила, что буду только с ним.
- Тоже правильно.
- Нет, конечно, неправильно, но будет видно.
Ладно, я побежала. Спасибо за кофе. Пока.
Наташа проходит мимо стоек, открывает дверь. В ее стакане почти столько кофе, сколько было.
На краю - след фиолетовой помады.

Владимир Козлов

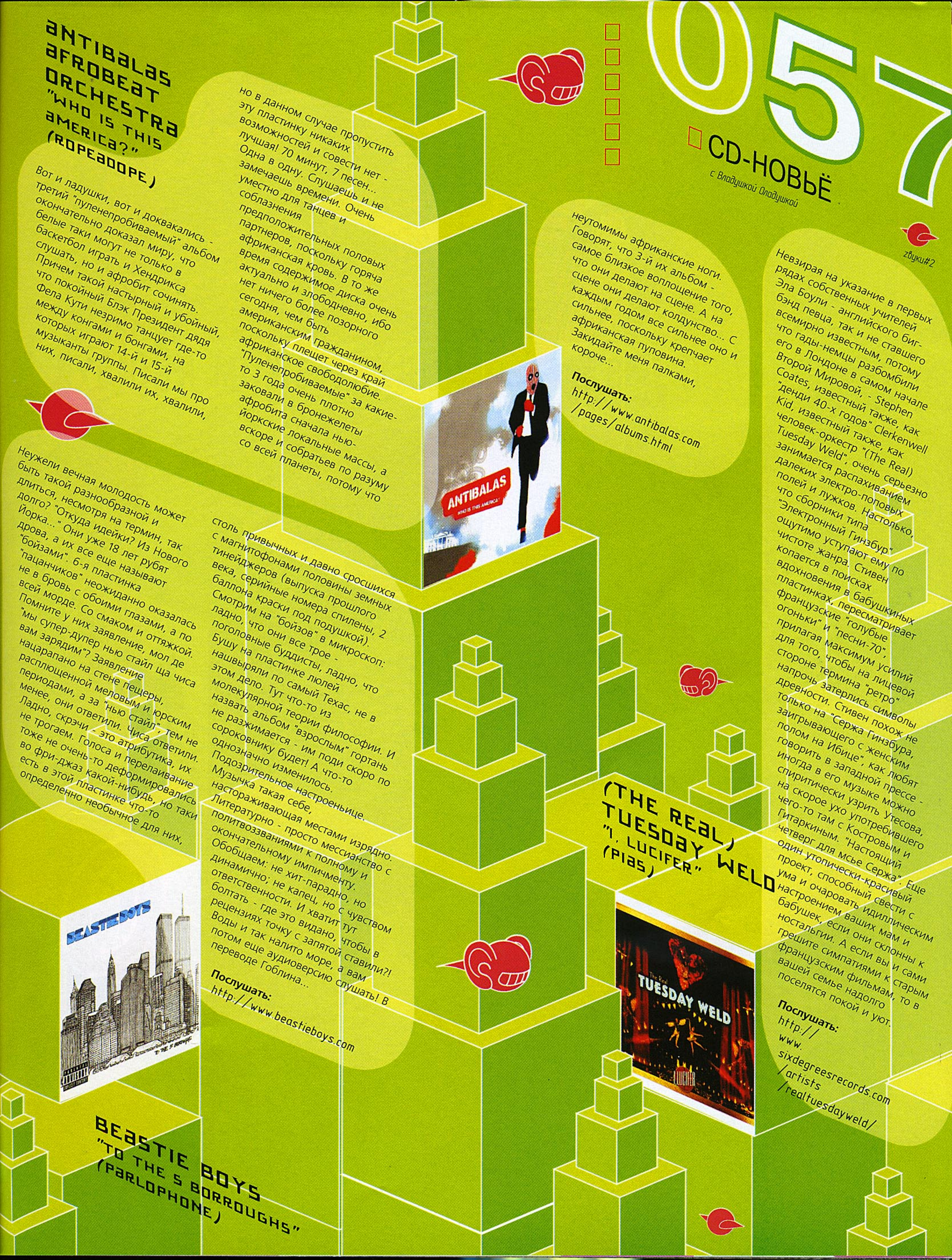
фото:александр страж,<kodak67@mail.ru>

ABSOLUT BOOTLEG.

В этом году снова -
Фестиваль АЛЮМИНИЕВЫЙ ОГУРЕЦ

www.oguretz.ru

CD-НОВЬЁ

с Владушкой Оладушкой

Antibalas Afrobeat Orchestra "Who Is This America?" (Ropeadope)

Вот и ладушки, вот и доквакались - третий "пуленепробиваемый" альбом окончательно доказал миру, что белые таки могут не только в баскетбол играть и Хендрикса слушать, но и афробит сочинять. Причем такой настырный и убойный, что покойный Блэк Президент дядя Фела Кути незримо танцует где-то между конгами и бонгами, на которых играют 14-й и 15-й музыканты группы. Писали мы про них, писали, хвалили их, хвалили, но в данном случае пропустить эту пластинку никаких возможностей и совести нет - лучшая! 70 минут, 7 песен... Одна в одну. Слушаешь и не замечаешь времени. Очень уместно для танцев и соблазнения предположительных половых партнеров, поскольку горяча африканская кровь. В то же время содержимое диска очень актуально и злободневно, ибо нет ничего более позорного сегодня, чем быть американским гражданином, поскольку плещет через край африканское свободолюбие. "Пуленепробиваемые" за какие-то 3 года очень плотно заковали в бронежелеты афробита сначала нью-йоркские локальные массы, а вскоре и собратьев по разуму со всей планеты, потому что неутомимы африканские ноги. Говорят, что 3-й их альбом - самое близкое воплощение того, что они делают на сцене. А на сцене они делают колдунство... С каждым годом все сильнее оно и сильнее, поскольку крепчает африканская пуповина. Закидайте меня палками, короче...

Послушать:
http://www.antibalas.com/pages/albums.html

Beastie Boys "To The 5 Borroughs" (Parlophone)

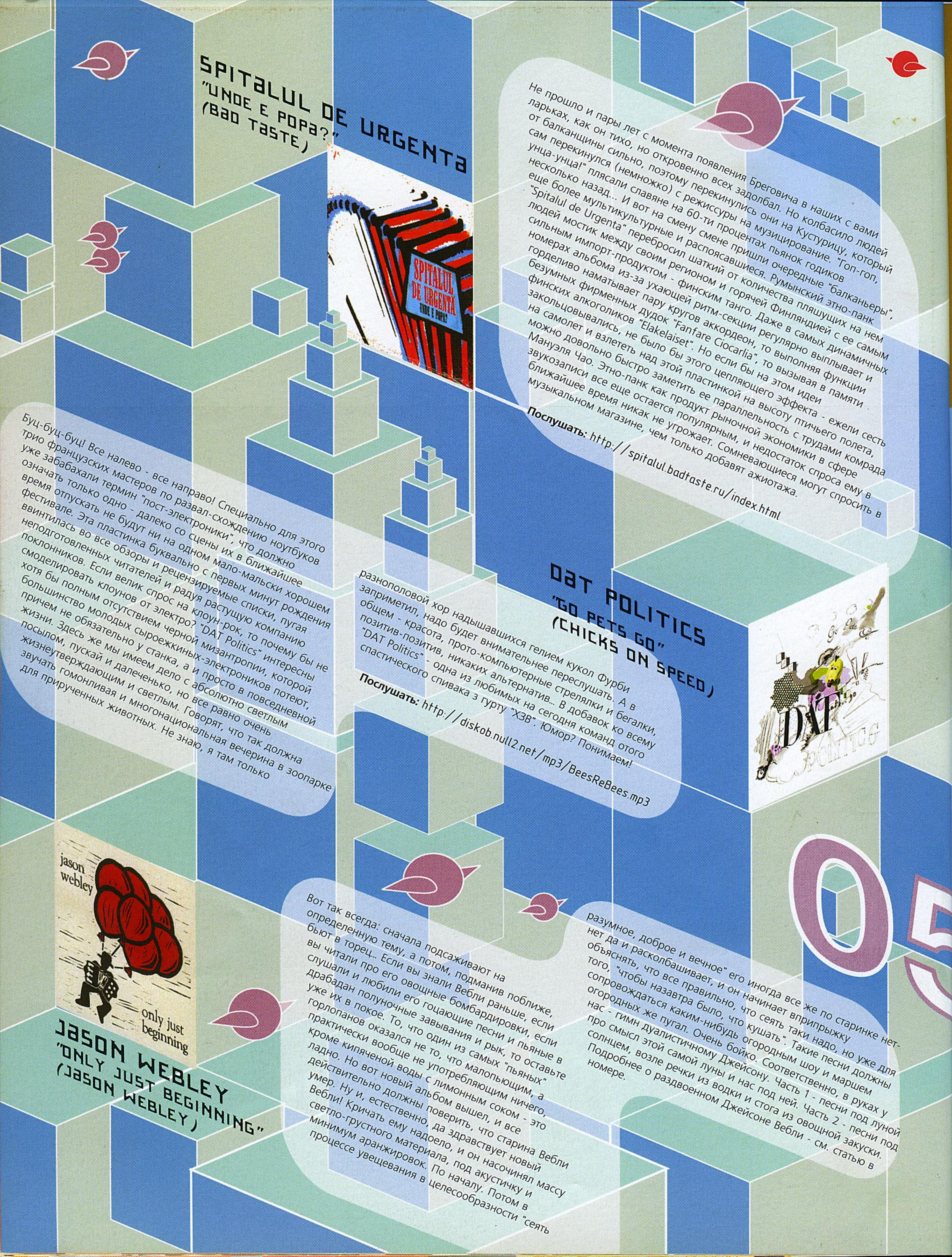
Неужели вечная молодость может быть такой разнообразной и длиться, несмотря на термин, так долго? "Откуда идейки? Из Нового Йорка..." Они уже 18 лет рубят дрова, а их все еще называют "бойзами". 6-я пластинка "пацанчиков" неожиданно оказалась не в бровь с обоими глазами, а по всей морде. Со смаком и оттяжкой. Помните у них заявление, мол де "мы супер-дупер нью стайл ща чиса вам зарядим"? Заявление нацарапано на стене пещеры, расплющенной меловым и юрским периодами, а за "нью стайл", тем не менее, они ответили. Чиса ответили. Ладно, скрэчи - это атрибутика, их не трогаем. Голоса и перелаивание тоже не очень-то деформировались во фри-джаз какой-нибудь, но таки есть в этой пластинке что-то определенно необычное для них, столь привычных и давно сросшихся с магнитофонами половины земных тинейджеров (выпуска прошлого века, серийные номера спилены, 2 баллона краски под подушкой). Смотрим на "бойзов" в микроскоп: ладно, что они все трое - поголовные буддисты, ладно, что Бушу на пластинке люлей нашвыряли по самый Техас, не в этом дело. Тут что-то из молекулярной теории философии. И назвать альбом "взрослым" гортань не разжимается - им поди скоро по сороковнику будет! А что-то однозначно изменилось. Подозрительное настроеньице. Музычка такая себе, настораживающая местами изрядно. Литературно - просто мессианство с политвоззваниями к полному и окончательному импичменту. Обобщаем: не хит-парадно, но динамично; не капец, но с чувством ответственности. И хватит тут болтать - где это видано, чтобы в рецензиях точку с запятой ставили?! Воды и так налито море, а вам потом еще аудиоверсию слушать! В переводе Гоблина...

Послушать:
http://www.beastieboys.com

(The Real) Tuesday Weld "I, Lucifer" (Pias)

Невзирая на указание в первых рядах собственных учителей Эла Боули - английского биг-бэнд певца, так и не ставшего всемирно известным, потому что гады-немцы разбомбили его в Лондоне в самом начале Второй Мировой, - Stephen Coates, известный также, как "денди 40-х годов" Clerkenwell Kid, известный также, как человек-оркестр "(The Real) Tuesday Weld", очень серьезно занимается распахиванием далеких электро-поповых полей и лужков. Настолько, что сборники типа "Электронный Гинзбур" ощутимо уступают ему по чистоте жанра. Стивен копается в поисках вдохновения в бабушкиных пластинках, пересматривает французские "голубые огоньки" и "песни-70", прилагая максимум усилий для того, чтобы на лицевой стороне термина "ретро" напрочь затерлись символы древности. Стивен похож не только на "Сержа Гинзбура, заигрывающего с женским полом на Ибице", как любят говорить в западной прессе - иногда в его музыке можно спиритически узрить Утесова, на скорое ухо употребившего чего-то там с Костровым и Гитаркиным. "Настоящий четверг для мсье Сержа". Еще один утопически-красивый проект, способный свести с ума и очаровать идиллическим настроением ваших мам и бабушек, если они склонны к ностальгии. А если вы и сами грешите симпатиями к старым французским фильмам, то в вашей семье надолго поселятся покой и уют.

Послушать:
http://www.sixdegreesrecords.com/artists/realtuesdayweld/

SPITALUL DE URGENTA
"UNDE E POPA?"
(BAD TASTE)

Не прошло и пары лет с момента появления Бреговича в наших с вами ларьках, как он тихо, но откровенно всех задолбал. Но колбасило людей от балканщины сильно, поэтому перекинулись они на Кустурицу, который сам перекинулся (немножко) с режиссуры на музицирование. "Гоп-гоп, унца-унца!" плясали славяне на 60-ти процентах пьянок годиков несколько назад... И вот на смену смене пришли очередные "балканьеры", еще более мультикультурные и распоясавшиеся. Румынский этно-панк "Spitalul de Urgenta" перебросил шаткий от количества пляшущих на нем людей мостик между своим регионом и горячей Финляндией с ее самым сильным импорт-продуктом - финским танго. Даже в самых динамичных номерах альбома из-за ухающей ритм-секции регулярно выплывает и горделиво наматывает пару кругов аккордеон, то выполняя функции безумных фирменных дудок "Fanfare Ciocarlia", то вызывая в памяти финских алкоголиков "Elakelaiset". Но если бы на этом идеи закольцовывались, не было бы этого цепляющего эффекта - ежели сесть на самолет и взлететь над этой пластинкой на высоту птичьего полета, можно довольно быстро заметить ее параллельность с трудами комрада Мануэля Чао. Этно-панк как продукт рыночной экономики в сфере звукозаписи все еще остается популярным, и недостаток спроса ему в ближайшее время никак не угрожает. Сомневающиеся могут спросить в музыкальном магазине, чем только добавят ажиотажа.

Послушать: http://spitalul.badtaste.ru/index.html

DAT POLITICS
"GO PETS GO"
(CHICKS ON SPEED)

Буц-буц-буц! Все налево - все направо! Специально для этого трио французских мастеров по развал-схождению ноутбуков уже забабахали термин "пост-электроники", что должно означать только одно - далеко со сцены их в ближайшее время отпускать не будут ни на одном мало-мальски хорошем фестивале. Эта пластинка буквально с первых минут рождения ввинтилась во все обзоры и рецензируемые списки, пугая неподготовленных читателей и радуя растущую компанию поклонников. Если велик спрос на клоун-рок, то почему бы не смоделировать клоунов от электро? "DAT Politics" интересны хотя бы полным отсутствием черной мизантропии, которой большинство молодых сыроежкиных-электроников потеют, причем не обязательно у станка, а и просто в повседневной жизни. Здесь же мы имеем дело с абсолютно светлым посылом, пускай и далеченько, но все равно очень жизнеутверждающим и светлым. Говорят, что так должна звучать гомонливая и многонациональная вечерина в зоопарке для прирученных животных. Не знаю, я там только разнополовой хор надышавшихся гелием кукол Фурби заприметил, надо будет внимательнее переслушать. А в общем - красота, прото-компьютерные стрелялки и бегалки, позитив-позитив, никаких альтернатив... В добавок ко всему "DAT Politics" - одна из любимых на сегодня команд отого спастического спивака з гурту "ХЗВ". Юмор? Понимаем!

Послушать: http://diskob.null2.net/mp3/BeesReBees.mp3

JASON WEBLEY
"ONLY JUST BEGINNING"
(JASON WEBLEY)

Вот так всегда: сначала подсаживают на определенную тему, а потом, подманив поближе, бьют в торец... Если вы знали Вебли раньше, если вы читали про его овощные бомбардировки, если слушали и любили его гоцающие песни и пьяные в драбадан полуночные завывания и рык, то оставьте уже их в покое. То, что один из самых "пьяных" горлопанов оказался не то, что малопьющим, а практически вообще не употребляющим ничего, кроме кипяченой воды с лимонным соком - это ладно. Но вот новый альбом вышел, и все действительно должны поверить, что старина Вебли умер. Ну и, естественно, да здравствует новый Вебли! Кричать ему надоело, и он насочинял массу светло-грустного материала, под акустичку и минимум аранжировок. По началу. Потом в процессе увещевания в целесообразности "сеять разумное, доброе и вечное" его иногда все же по старинке нет-нет да и расколбашивает, и он начинает вприпрыжку объяснять, что все правильно, что сеять таки надо, но уже для того, "чтобы назавтра было, что кушать". Такие песни должны сопровождаться каким-нибудь огородным шоу и маршем огородных же пугал. Очень бойко. Соответственно, в руках у нас - гимн дуалистичному Джейсону. Часть 1 - песни под луной про смысл этой самой луны и нас под ней. Часть 2 - песни под солнцем, возле речки из водки и стога из овощной закуски. Подробнее о раздвоенном Джейсоне Вебли - см. статью в номере.

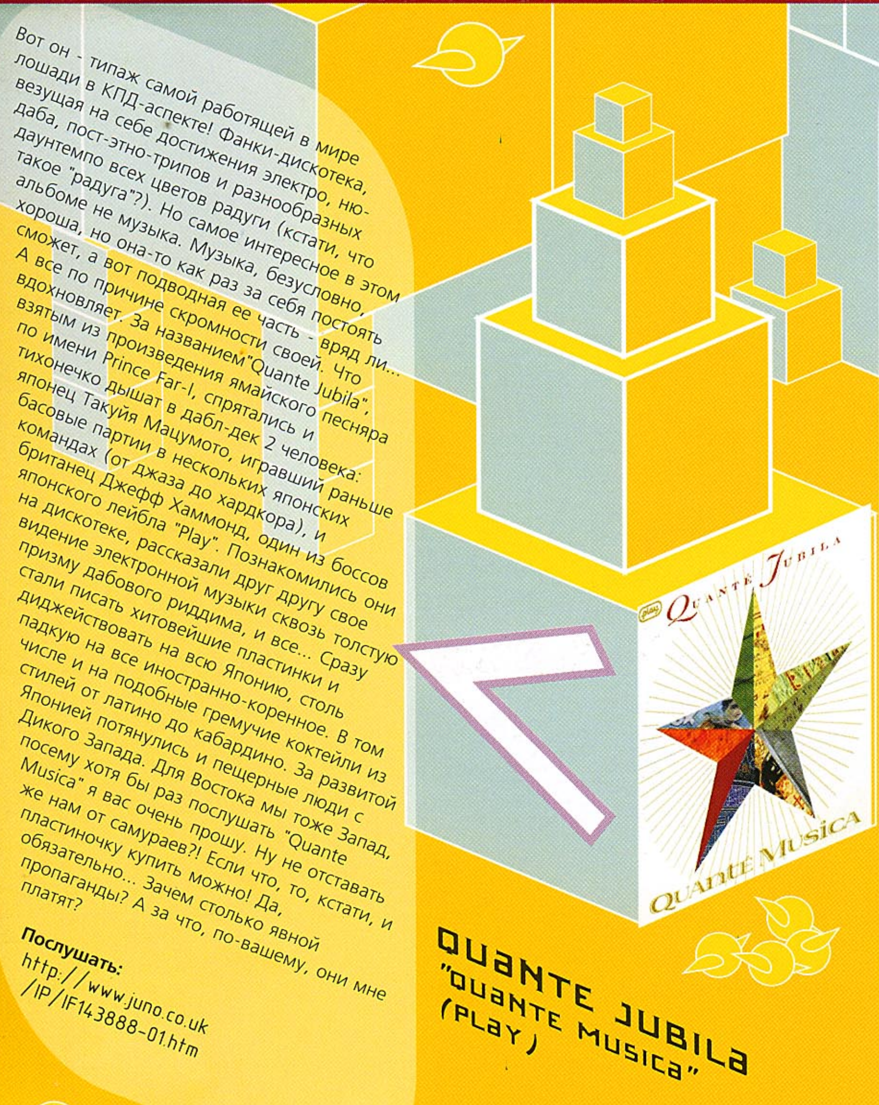
THE CURE "THE CURE" (GEFFEN/I AM)

Не прошло и 4-х лет, что называется... Похоже, что теперь после каждого альбома и всемирного тура Смит будет устало заявлять, что все, что я так больше не играю, что мы старенькие для такой жизни, и лепить еще много подобных отмазок. Но, в общем, это неплохой способ выбить себе и группе дополнительное время для отдыха, физкультурной рекреации, стимулирования процесса созидания и других околомузыкальных событий, наполняющих жизнь взрослых суперстаров. Начиная с 1992 "Cure" взяли темп - альбом в 4 года. При этом с "Wild Mood Swings" каждая пластинка предположительно являлась их последней студийной работой. Но вот не сидится им на месте, не исписались еще видать - 13-й студийный альбом, достойное продолжение для карьеры длиной в четверть века. Предыдущий, "Bloodflowers", завершал собой концептуальный триптих, медленный, вязкий, тягучий и беспросветный (за редкими исключениями). "В новом альбоме поменялось почти все, кроме названия группы", - обещает Смит, имея в виду в первую очередь лейбл, продюсера Росса Робинсона, работавшего с "Limp Bizkit" и "Korn", а также общее настроение диска, записанного в лучших традициях раннего "Cure" практически полностью вживую. С единственным НО - радости больше, товарищи! Хватит сопли гонять из ноздри в ноздрю... Как сказал дядя Петя Мамонов - с улыбкой за лопату! Учитывая апрельский юбилей Смита можно смело провозгласить приблизительную точность нашей пословицы: "В 45 Бобби ласковый опять!"

9. WEVIE STONDER "KENYAN HARRY" EP (SKAM)

Если взять всех псевдо-сумасшедших электриков и диджеев с сокамерниками (еще те интеллектуалы, кстати!) и населить ими, например, Гренландию или некоторые особо морозоустойчивые регионы Сибири, то, вполне вероятно, спустя пару лет там бы собирались урожаи бананов и авокадо, рекордные для сезона в родной Африке. Два раза в год. Это к тому, что "отетиот" клоуны, прирожденные тунеядцы и придурки способны своими ужимками, пого и прочими лясами убедить даже вечную мерзлоту, что отныне и навсегда тут тоже будет тепло, радостно и безмятежно. Англикоподданная у/о палата "Wevie Stonder" из них самых. Немудрено, что самую серьезную промоцию ему делают самые несерьезные лейблы планеты - кому еще нужен "прышэлепкуватый" джаз (простите - других словей боле нема), словесный понос, прочее очень околомузыкальное шайзе и другой стилистический обскурантизм? Да, извините - на Би-би-си его, оказывается, очень полюбляют. Не всем скопом, ясно, но кое-кто подписывается... Под чем? Вероятно, под хвостом. "Кенийский Гарри" - исключительно для любителей вечнозеленых (сопли и трава) детей типа "Ween", петросянистых "They Might Be Giants" и едкого запаха капитана всех рангов Бифхарта. Истинное наслаждение можно получить, если слушать "Стондеров" и подсматривать в нагиевские "окна". Голосами телепузиков можно пренебречь - у этой группы дикторов на все ОРТ и УТ с МТВ хватит. Надо же отрабатывать мечту о названии их именем кратера на Луне...

Послушать: http://www.alphamusic.com/6886587.html

Вот он - типаж самой работящей в мире лошади в КПД-аспекте! Фанки-дискотека, везущая на себе достижения электро, ню-даба, пост-этно-трипов и разнообразных даунтемпо всех цветов радуги (кстати, что такое "радуга"?). Но самое интересное в этом альбоме не музыка. Музыка, безусловно, хороша, но она-то как раз за себя постоять сможет, а вот подводная ее часть - вряд ли... А все по причине скромности своей. Что вдохновляет. За названием"Quante Jubila", взятым из произведения ямайского песняра по имени Prince Far-I, спрятались и тихонечко дышат в дабл-дек 2 человека: японец Такуйя Мацумото, игравший раньше басовые партии в нескольких японских командах (от джаза до хардкора), и британец Джефф Хаммонд, один из боссов японского лейбла "Play". Познакомились они на дискотеке, рассказали друг другу свое видение электронной музыки сквозь толстую призму дабового риддима, и все... Сразу стали писать хитовейшие пластинки и диджействовать на всю Японию, столь падкую на все иностранно-коренное. В том числе и на подобные гремучие коктейли из стилей от латино до кабардино. За развитой Японией потянулись и пещерные люди с Дикого Запада. Для Востока мы тоже Запад, посему хотя бы раз послушать "Quante Musica" я вас очень прошу. Ну не отставать же нам от самураев?! Если что, то, кстати, и пластиночку купить можно! Да, обязательно... Зачем столько явной пропаганды? А за что, по-вашему, они мне платят?

Послушать:
http://www.juno.co.uk/IP/IF143888-01.htm

QUANTE JUBILA
"QUANTE MUSICA"
(PLAY)

Есть что-то магнетическое в этих поющих девочках... С одной стороны, кажется, что вот взял бы сейчас и искусал до следственного изолятора за настырность и нескончаемость их потока. Думаешь - зубы стер бы! А вот прислушаешься и уже начинаешь понимать, что не грызть, а ласково покусывать за ушко ее надо, симпатишную. Еще через несколько минут прощаешь ей балладистую заторможенность и прямую бочку, поскольку рядом нотнограмотные мальчики смачно играют на живых инструментах, а к концу альбома решаешь, что жизни без него в ближайшие дни себе не представляешь. Неделю, скажем. Лесли Фейст - из этих... Как бы понежнее? Женопоклонники должны вспомнить - была в 90-х мимолетная и милейшая команда "Frente!". Фейст до боли напоминает ее, но, скорее, не музыкой, а какой-то детской беззащитностью, романтичностью девочки второго пубертатного периода и острой необходимостью быть приголубленной каким-нибудь Гумбертом-меломаном. А ведь было время - в родной Канаде она когда-то выступала вместе с Пичез, в "Let It Die" много наиграл их общий старый дружок Гонзалес... Вот такие метаморфозы. Правда есть один трек "When I Was A Young Girl", красная москва по сравнению с остальными шанелями. Он посвящается всем, кто считает PJ Harvey слишком мрачной, но в душе симпатизирует этой инопланетной особи. В конечном итоге, Франция, где писался весь альбом, проберется при его прослушивании не только в ваши уши, но и в постель с туалетом. Согреет и навоняет. Если что - сразу на больничный, не вылазить из-под одеяла и окна не открывать. Через неделю позовете - посмотреть интересно...

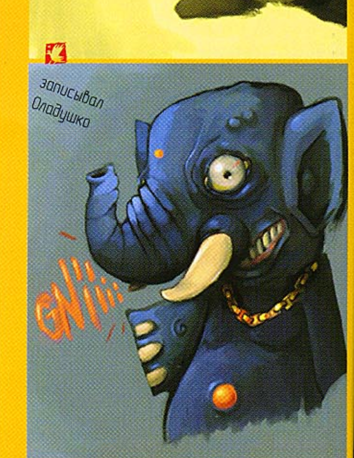
Послушать:
http://www.fnac.com/Shelf/article.asp?PRID=1522261&SID=&UID=&AID=&Origin=FnacAff&OriginClick=Yes&TTL=&NID=115501

FEIST
"LET IT DIE"
(ARTS AND CRAFT)

трепал языком Владушка

danke yegor kovalcuk,<kaljaki_maljaki@t-online.de>

записывал Оладушка

фото:александр сон,<kodak67@mail.ru>

Депеш Мод

главы из романа

Жадан* написал роман. Автобиографический. Называется "Депеш Мод". Про 90-е, "эпоху водки и героина". Про очередных "молодых негодяев", пытающихся выжить на руинах недавней империи. Жадан – явление интернациональное, поэтому книжка выходит одновременно и в Украине, и в России. На русский ее перевела **Анна Бражкина**. Всем спасибо.

*совр. укр. поэт, пис. и доц., "голос поколения 20-летних", которому на днях стукнет 30. Всё.

Вступление №3

17.06.93 (четверг)

00.00

Мои друзья хотят, чтобы с ними считались. Они ревниво относятся к тому, как с ними разговаривают и про что, как на них при этом смотрят, стараются понять, что про них думают, когда говорят, постоянно скандалят, с ними трудно общаться, они нервничают в компаниях, если это не их компания, их время от времени откуда-то выкидывают, если бы кто-то из них летел в самолете, его бы и из самолета выкинули, это уж точно. Я сам к таким вещам раньше нормально относился, но в последнее время тоже начинаю заморачиваться - не люблю, скажем, когда кто-то забывает мое имя, вот, скажем, мы говорим-говорим, и вдруг оказывается, что никто не знает, как меня зовут, вокруг столько придурков крутится; или терпеть не могу, когда у кого-то на лице разная х*йня, ну, я имею в виду не каких-то там циклопов одноглазых, конечно, просто если у кого-то лицо порезано после бритья, или кровь на губах или другие вещи - не люблю, по-моему это неуважение - ходить с такой гадостью на лице, не умеешь бриться - сиди дома, втыкай в телевизор, или займись чем-нибудь полезным, нет - обязательно расх*ячит себе морду каким-нибудь станком, встретит тебя на улице и давай грузить

никому не нужными вещами, не помня к тому же, как тебя зовут. Или не люблю косметику, жуткая вещь - косметика, агрессивная и плохо пахнет, духи терпеть не могу, еще пить ладно, но так - не понимаю, разные колечки, сережки, значки - во всем этом есть неуважение, во всяком случае, мне так кажется. Раньше я спокойно относился к подобным вещам, вообще - раньше я много вещей просто не замечал, жизнь такая прикольная штука - чем дальше заплываешь в ее акваторию, тем больше говна плавает вокруг тебя, плавает и не тонет, но с другой стороны, так интересней.

Друзей у меня довольно много, это даже не компания, скорее такой дружеский коллектив симулянтов, которые нае*ывают всех вербовщиков и работодателей, мы живем в нескольких соседних комнатах на одном этаже, спим где попало, я даже не всех знаю, настоящий друг тут один - Вася Коммунист, другие - публика более-менее случайная, хотя тоже наши друзья, они то появляются, то исчезают, иногда их набивается на нашем этаже больше десятка, иногда - я один по несколько суток брожу по коридорам, вылезаю на крышу и смотрю вокруг. Нам всем по 18-19, большую часть моих друзей уже повыгоняли с обучения, они теперь или безработные или занимаются никому не нужными вещами, например, Собака Павлов - никогда не мог понять, чем он на самом деле занимается. Родители Собаки Павлова - евреи, но на себя он это не переносит, говорит, что родители это родители а он - это он, более того - Собака Павлов говорит, что он правый. Соответственно, с родителями он не живет, говорит, что не может жить с евреями, тусуется по знакомым, иногда зависает у нас на неделю-другую, где-то у него есть бабушка, видимо не еврейка, потому что у нее он иногда тоже останавливается.

Время от времени он тащит у бабушки из сервантов разную антикварную посуду и продает ее на барахолке, на вырученные деньги накупает в аптечных киосках около рынка таблеток и едет к нам. Тогда мы вообще не выходим из комнаты по несколько дней, разве что отлить или поблевать, но поблевать можно и в комнате. Отлить, в принципе, тоже. Я люблю Собаку Павлова, даже несмотря на его антисемитизм, мне-то что.

Собака идейно не работает, считает западло, говорит "мне западло работать на них", он вообще считает, что в нашей республике произошел переворот, и к власти пришли евреи, жиды - говорит он, - всюду жиды; я в принципе считаю, что он зря так говорит, но работать тоже не хочу. Не так давно, правда, наши друзья - рекламщики Вова и Володя - устроили Собаку к себе в газету, в отдел рекламы, курьером, Собака долго колебался, приходил к нам на этаж, ходил по кухне, называл Вову и Володю жидами и колебался. Наконец решился и пошел работать. Проработал дней десять. Несколько дней назад исчез, вместе с какой-то корреспонденцией, Вова с Володей приезжали к нам, но мы ничего не знали, звонили родителям, те тоже не слышали про своего сына-Собаку уже полтора года, кажется, их это устраивало, даже к бабушке поехали, бабушка их не впустила, смотрела через полуоткрытые двери и не понимала, чего от нее хотят, похоже, Собака вконец замордовал старуху, попробуйте, поживите с внуком, который на завтрак употребляет сначала водяру, а потом уже все остальное. Одним словом, Собака пропал, и наши друзья-рекламщики грозили сделать с ним что-то страшное в случае, если тот найдется - "так и передайте Собаке, - говорили они нам, - яйца поотрываем". Я сомневался, что таким способом Собаку можно было заманить назад в редакцию, но обещал передать. Мне не трудно. Вову и Володю мы недолюбливали, но терпели, они учились на историческом, и как большинство отличников с исторического сотрудничали с кгб; кгб, я думаю, сильно страдало от присутствия в своих рядах двух даунов - Вовы и Володи, но порядок есть порядок, я так думаю, иначе для чего б их держали в штате. Вова и Володя, очевидно, что по протекции кгб, уже на первом курсе устроились в рекламный отдел одной из первых харьковских независимых газет, газета их работала от какого-то фонда демократического развития, редактор - пидор-проныра - выбил из америкосов солидный грант, и они запустили в свет свою независимую газету, одними из первых в городе начали печатать на обложке голых теток, а внутри - обширные программы телепередач. Кроме того, постоянно гнали на совок, можно сказать за деньги америкосов поливали говном нашу советскую родину, нашу молодость можно сказать, я не любил эту газету, хотя тетки на обложке мне нравились. Вова и Володя работали, как я уже сказал, в рекламном отделе, не знаю, как они там работали, наверное, плохо, потому что традиционно раза два в неделю они заезжали к нам, напивались водяры и дрались между собой. Вообще они дружили и ладили друг с другом, Вова был немного выше, Володя - немного толще, а вот напивались, выходили незаметно на коридор и начинали мочить друг друга, причем по-настоящему, без дураков, с выбитыми зубами, с соплями и слезами на фейсах. Так что какие из них могли быть кагэбисты - не знаю. Мы их сначала разводили, а потом смотрим - ну, хули, дерутся пацаны и пусть себе дерутся. Может, у них, у историков, так принято, может им кгб за это доплачивает, чего лезть.

Еще с нами на этаже живет Ваха. Ваха грузин, хотя Собака его тоже называет евреем. У Вахи свой бизнес - возле кольцевой, на самом выезде из города, совсем близко от нас, у него стоит несколько киосков, в которых работает несколько наложников. Наложники живут в одном из киосков, собираются там на ночь, зимой жгут костры, однажды чуть не спалили киоск, хорошо, что он был железный, просто пожарились, но выжили. У Вахи целых две комнаты - в одной он живет, в другой держит контрабанду, разные там шоколадки, колу, героин и чупа-чупсы. Ментуре он платит, вахтерам тоже, нас не трогает, так что Ваха положительный герой, точно положительный, иначе не скажешь. Нам он продает непаленую водяру, хотя скидок не делает. Собаку Ваха боится, и когда тот приходит к нам, запирается в одной из комнат, я себе представляю, как он в это время пересчитывает тертые банкноты и заглатывает золотые монеты, чтобы еврей-

антисемит Собака Павлов не отобрал чего-нибудь.
Дальше по коридору, где-то в его дебрях, живет Какао - донбасский интеллигент. То есть, его мама работает в библиотеке на какой-то шахте. Какао толстый, и мы его не любим, он к нам наоборот тянется, ну у него и выхода, по большому счету, другого нет, кто станет водиться с донбасским интеллигентом. Хотя у него есть еще какие-то знакомые в городе, кроме нас, какие-то музыканты, очевидно, такие же пижоны, как и Какао, когда он с ними встречается, то приползает домой на рогах, накачанный портвейнами, и заваливается спать. У Какао есть песочный костюм, в котором он похож на полного мудака, он его почти никогда не снимает, чуть ли не в душ в нем ходит; когда накачивается портвейнами и приползает домой, заваливается в постель прямо в этом костюме, многофункциональная штука выходит - костюм донбасского интеллигента.
Проснувшись, Какао выходит на кухню и наблюдает, кто там что себе готовит, нюхает полуфабрикаты и говорит на всякие отвязные темы - неопохмеленный, толстый, в мятом пижонском костюме.
Еще все время где-то рядом живет Моряк - отмороженный чувак с порванным правым ухом, говорит, что ухо ему собака прокусила, Павлов? - переспрашивает обязательно кто-нибудь, такая типа шутка, Моряк какой-то богобоязненный или просто тормознутый, даже не знаю, как объяснить, он, скажем, моется только ночью, говорит, что не хочет, чтобы ему мешали, мешали что? спрашиваю я все время, Моряк краснеет, но продолжает мыться только ночью, такой вот чувак.
Из других друзей можно упомянуть разве что Карбюратора, да, Сашу Карбюратора, тоже моего хорошего приятеля, Саша приехал откуда-то с границы, хотя она тут всюду, эта граница, Саша, собственно, приехал против родительской воли, оказывается, и такое бывает, у него дома осталась мама и отчим, Саша закончил курсы водителей, имеет настоящее водительское удостоверение и хочет со временем открыть какую-нибудь контору по перевозке грузов, ну, там купить себе катафалк и возить, скажем, мебель, он вообще страстно относится к технике, если вы понимаете, о чем я. Однажды он даже купил себе учебники со схемами и описаниями автомобилей и попробовал во всем этом разобраться. Начал он, как нетрудно догадаться, с карбюратора. После этого учебники исчезли, насколько я понимаю, их просто кто-то пропил, чего добру пропадать. Вообще, Карбюратор имеет такую способность - вступать в говно, не ему уготованное.
Ну, всех остальных я уже и сам не слишком хорошо знаю, появляются разные герои комиксов время от времени, но проследить, кто они и для чего появляются в нашей жизни очень трудно, так - приходит какой-нибудь, условно говоря, Иваненко - странный тип, если не сказать е*нутый, и собственно это все, что о нем можно сказать. Фактически все. Хорошая, вечно голодная компания, которую непонятно что держит вместе, потому что в принципе все друг друга недолюбливают, ну, это ведь еще не причина чтобы игнорировать здоровое общение. Делать нам, по большому счету, нечего, хотя у каждого свои отношения с действительностью, в нашем возрасте они сводятся к каким-то простым прихотям и желаниям - там, потрахаться, я даже не знаю, что еще. Женщины нас игнорируют, даже проститутки с кольцевой, мы время от времени ходим посмотреть на проституток, такие вроде как экскурсии, бесплатные аттракционы, денег у нас обычно нет, поэтому мы просто с ними тусуемся, клянчим папиросы, рассказываем разные истории из жизни, мешая им, одним словом, зарабатывать тяжелый хлеб проституткой. Но они к нам относятся неплохо, там на кольцевой они не особо кому-то нужны, так же, как и мы, и им, и нам не хватает бабок и общественной любви, и они, и мы переживаем это мокрое дождливое лето в пустом харьковском пригороде, заросшем травой и залепленном рекламой, фантастическое место, фантастические проститутки, фантастическая жизнь. Гомосексуализмом мы не занимаемся, хотя к тому все идет.

Главное, что они все правильно посчитали, в таких случаях что-то где-то не додумаешь - обязательно попадешь, тут все не так просто, когда начинаешь делать свой бизнес, что-то там продавать, сперва подумай, пусть даже ты беспроигрышными на первый взгляд фишками занимаешься, все равно лучше перестрахуйся. Одно дело, если занимаешься, скажем, акциями или перерасчетами, ну, короче, если бабки тебе в руки не попадают, тут еще за тебя кто-то может все подсчитать, только и должен, что выполнять, чего там от тебя требуется, и не заниматься распи*дяйством на рабочем месте. Другое дело, если работаешь с живыми бабками, с черным, бл*дь, налом, и за тобой не стоит контора, если оказываешься один на один, безо всяких посредников, с живой денежной массой, вот тогда лучше подумать, иначе где-нибудь обязательно влетишь, это уже без вариантов. Сколько раз приходилось видеть, когда нормальные в общем люди хватались за откровенно лажовые вещи, соответственно горели вместе с остатками финансового благополучия и общественного уважения, бизнес средней руки такая стремная штука, что только один неверный шаг, и уже паяльник в заднице, такое вот первичное накопление капитала в условиях посттоталитарного общества. Они и мне сначала предлагали войти в долю, но я почему-то отказался, не знаю, что-то меня насторожило, даже не знаю что - внешне все выглядело серьезно, мой друг Вася Коммунист, хороший парень, редкостной души пох*ист, в какой-то момент заломался жить на водке с чаем с постоянными перебоями и все посчитал, выходило вроде бы складно: они скидываются вчетвером, едут в Россию, покупают там на все бабки два ящика водяры, если купить у нас доллары и поменять их в России, они как раз выигрывали на курсе, тем более если берешь оптом, ну, два ящика это не опт, но кого это волнует. В Россию и назад они добираются электричками, на билетах экономят, в дороге питаются все той же водярой, привозят ее назад и сплавляют на вокзале за двойную цену, потом опять едут в Россию и покупают четыре ящики водяры, так же привозят ее назад и так же сплавляют, это займет немного времени, но за пару ночей на Южном вокзале города Харькова можно продать что угодно, даже душу, если она у тебя есть, после этого начиналось самое интересное - они едут еще раз, последний, и на все бабки покупают восемь ящиков водяры, превозить ее довольно рискованно, но попробовать можно, в случае чего откупиться от таможенников можно будет той же водярой, хоть и жалко.
И вот, - говорили они мне, - у нас выходит по два ящика водяры на рыло, представляешь? Ну, - говорю, - и что? И мы, - говорили они с придыханием, - их пробухиваем!!! Что, все восемь ящиков? Да! Не осилим, - говорю. Х*й, - говорит Вася Коммунист, - дня за три осилим, точно осилим. Я представил себе эти три дня и отказался.
Вася действительно умеет такие вещи серьезно провернуть, я его понимаю - в принципе, чего ему терять, это его шанс хотя бы несколько дней не иметь перебоев с продовольственной корзиной, которая в его случае почти исключительно состоит из разной ликеро-водочной продукции, собственно водочной, при чем тут ликеры. Он набирает скаутов, подговаривает Моряка, Моряк соглашается довольно быстро - почему бы и не поехать, говорит, в городе ему делать нечего, им даже милиция не интересуется, потому что живет Моряк без прописки, как и надлежит настоящему морскому волку, ночью прячется в душе, днем отсыпается, о его существовании вообще мало кто знает, дембель в маю, одним словом, еще к ним присоединяются два каких-то чувака, неизвестного социального происхождения и административного подчинения, Вася целую ночь со среды на четверг проводит среди них агитационную работу, говорит, что в России сейчас можно почти за бесценок скупить что угодно, хоть танки через границу перегоняй, но танков они не хотят, они хотят водяры, так что план всем нравится, я бы тоже согласился, я уже говорил, ну да не сложилось. И вот утром они таки срываются ехать за своими призрачными синими птицами демпингового алкоголя, скидываются у кого сколько есть, но у них не хватает даже на мороженое.
Надо что-то продавать. Кто-то из компании притаскивает фотоаппарат, вот, говорит, фотоаппарат, а не жалко? спрашивают его, нет, все хорошо, говорит он, все равно фотографировать нечего, действительно, соглашаются все, чего тут фотографировать, сам Вася достает откуда-то заныканный бинокль, я, например, не знал, что у него есть бинокль, хотя мы друзья, такая штука. Ну, и остается теперь кому-то все это барахло продать. В принципе, - думает Вася, - продать можно было бы Моряку, он лох, он бы купил. Но Моряк в доле. Можно продать Какао, Какао тоже лох, и он не в доле. Но Какао не только не в доле - он вообще исчез, его уже несколько дней никто не видел. И тут кто-то вспоминает про Ваху, правильно, - говорит Вася, - Ваха - грузин, грузины любят оптику, правда? - недоверчиво переспрашивает кто-то из компании, ну, конечно, - говорит Вася, - конечно: все грузины любят оптику, и они идут к Вахе и находят его в одном из его киосков, говорят, типа, Ваха, оптику возьмешь?
Но Ваха в это прохладное июньское утро с головой дружит не совсем, он по уши завяз в собственном канабисе, который курит с вечера в собственном опять-таки киоске вместе с наложниками, так что у Вахи начинаются страхи, какую оптику,

камандир? - спрашивает он, - почему оптику? Вася достает из пакета старый бинокль без ремешков и почти неиспользованный аппарат "ФЭД 5" в скрипучем кожаном футляре, вот, говорит Вахе, бери, не пожалеешь, товар хороший. Ваха продолжает стрематься и из киоска не выходит, сидит там вместе с наложниками и смотрит на Васю сквозь узкую амбразуру, но Вася ему дружески улыбается и остальные скауты тоже улыбаются, хоть и несколько напряженно и Ваха вдруг думает - бля, думает он, бля, что я делаю, почему я тут сижу, который сейчас час, что это за мудаки стоят передо мной и главное - почему они с биноклем?!! Но какие-то голоса что-то ему там нашептывают, и он таки вылазит наружу и берет в свои непослушные руки оптический прибор, его отводят немного в сторону, чтобы ему было на что посмотреть, на улице пусто, воздух вокруг киосков пахнет канабисом и дождем, Ваха смотрит в бинокль и со священным трепетом рассматривает заполненные тихие автостоянки, конечную тридцать восьмого, нескольких проституток на перекрестке, и дальше по кругу - недоделанную девятиэтажку, которую возводят зеки, разъ*банный социализмом универсам, трамвай двадцатку, выползающий откуда-то из трясин, и так, обернувшись вокруг собственной оси, он вдруг упирается вооруженным глазом в собственный, опять-таки, киоск, и перед его затуманенным взглядом вдруг четко встает надпись "ЧП ВАХА", ни х*я себе, думает он, это же я, и тут его окончательно впирает...

Продав оптику и получив на руки неплохую для их скромных скаутских потребностей сумму, друзья тут же, над телом полувменяемого Вахи, покупают у его наложников два литровых кайзера и прямо так едут на вокзал, чтобы сесть на первую утреннюю электричку до города Белгорода, они несколько возбуждены и крикливы, среди душистого летнего утра, под свежими небесами, отчаянные искатели радости и приключений, со стороны они действительно похожи на туристов, или даже скорее на паломников, которые вот едут себе на поклон в город русской славы Белгород и не берут с собой ничего лишнего, кроме двух литровых кайзеров и студенческих билетов, а считая, что до Белгорода кайзеры они выпьют, то и вообще ничего лишнего, как настоящие паломники.

11.00

В Белгороде они решают сначала посмотреть город, все-таки интересно, как тут люди живут, потом взять то, что им надлежит, и вечерней электричкой вернуться назад, времени у них полно, спешить им некуда, так что они выходят через облеванный вокзал города русской славы, и тут же им попадается магазин с огромным количеством алкоголя внутри. Не х*й в этом Белгороде смотреть, - говорит Вася и заходит внутрь. Ему никто не возражает. "Шо вам, сыночки?" - спрашивает продавщица. "Мамаша, мамаша, - говорит Вася Коммунист, - нам водочки". "Сколько?", - спрашивает продавщица. "Два", - говорит Вася. "Пузыря?" - деловито спрашивает она. "Ящика", - говорит Вася. "А вам, сыночки, по шестнадцать годков уже есть?" Компания дружно достает студенческие билеты с государственной символикой своей республики. После этого врата падают и водяру им продают.

"Хорошо было бы ее трахнуть", - говорит Моряк уже на вокзале. "Чувак, - нервно отвечает Вася, - ты тут бизнесом занимаешься или бл*дством?". Риторический вопрос, в принципе.

14.00

На обратном пути их побил наряд. Вообще, они сами виноваты, попустились, имея на руках такое добро, расслабились и закурили прямо в вагоне, а поскольку вагон был почти пустой, то у наряда даже не было выбора, молча подошли и надавали дубинками по спине. Скауты молчали и, чтобы не выказать боли и отчаяния, думали о чем-то хорошем, а поскольку оно - это хорошее - находилось совсем рядом, под скамейкой, то думалось им легко, и экзекуцию они перенесли достойно. Хотя наряд, видимо, рассчитывал на какое-нибудь вооруженное сопротивление, они уже несколько часов тут катаются туда-сюда, их по-своему можно понять, катаешься ты занюханной электричкой вдоль государственной границы и даже помахаться не с кем - вокруг одни спекулянтки, с кем тут махаться, они и скаутов били скорее по инерции, так - чтобы форму не потерять, хотя легче от этого никому не было.

"Пид*расы, - говорит Вася, когда наряд исчезает, - лучше шли бы на завод, в цех". "Правильно, - говорит Моряк, - в литейный цех". Все соглашаются - правильно, в литейный цех, в литейный цех, литейный цех это круто.

18.00

На вокзале, уже в Харькове, они находят гуцулов, которые второй месяц пробиваются откуда-то из-под Костромы, с заработков, и сидят несколько суток на харьковском вокзале, бабки просадили, так что теперь не знают, куда им лучше поехать - назад под Кострому, еще бабок заработать, или все-таки домой, поскольку не сезон, они решают ехать все-таки домой, достают из общака остатки бабок и покупают у скаутов один ящик водяры, водяра у скаутов дешевле, чем везде на вокзале, так что гуцулы и берут сразу ящик, кто его знает, как оно дальше сложится, лучше не рисковать с этим.

У Васи с компанией вдруг появляется куча денег. Двое безымянных чуваков сразу требуют все разделить, но Вася говорит им - х*й, делаем, как договорились, чуваки настаивают, Моряк в этой ситуации откровенно не знает как себя вести, в его жизни при нем еще никто и никогда бабок не делил, так что чуваки решают, что он тоже за Васю, и просто набить им морды не решаются, хорошо, говорят они, тогда гоните нам водяру, х*й вам, - Вася придерживается каких-то своих коммунистических принципов и делиться не хочет, тогда чуваки в наглую лезут в сумку, берут оттуда по флакону в руку, то есть сколько это выходит - четыре флакона, и валят оттуда, фотоаппарат вернете, - говорят они на прощанье и исчезают в подземном переходе. "Чего это они?", - спрашивает Моряк, ему ситуация не нравится, такая прикольная компания была, водяру пили, про жизнь говорили, никто его - Моряка - не обижал, и вдруг на тебе, "Видишь, - говорит Вася Коммунист, - как деньги людей портят". "Меня не портят", - говорит Моряк. "У тебя их и нет", - отвечает Вася Коммунист и идет дальше продавать водяру.

Но продажа как-то тормозится, платформы пустые, все, кто хотел уехать, очевидно уже уехали, Вася не придумывает ничего лучше, как опять пойти к гуцулам, а гуцулы уже пьяные настолько, что соглашаются опять взять водяру, хорошо, говорят они, и берут у Васи еще несколько флаконов, после этого Вася еще ловко впихивает бутылку какой-то бабушке, которая чего-то безнадежно ожидает, возле нее толчется внук, лет семи, собственно внук и советует бабушке взять флакон, берите, говорит, в дороге пригодится, бабушка его ругает, но к совету прислушивается и флакон берет, так что у Васи остается совсем немного.

С соседней платформы за ними уже длительное время наблюдают трое серьезных чуваков в адидасовских костюмах, они подходят к Васе с Моряком, зажимают их в круг, и говорят - кто вы такие? Вася начинает объяснять. Чуваки слушают, потом им это, очевидно, надоедает, и они говорят, знаете, это мы так спросили, что называется - для порядка, на самом деле, нам все равно, кто вы и откуда, и сколько вас тут, мы вам вот что хотели сказать: если мы вас еще раз тут увидим - мы вас закопаем где-то между первой и второй платформами, так чтобы каждый вечер над вашими могилами тревожно гудел киевский фирменный, но пока что мы этого делать не будем (после этого перепуганный Вася немного попускается, перепуганный Моряк - нет), тут вообще мы торгуем всем алкоголем, это, если можно так выразиться, наша земля, и вы нам тут не нужны (и Вася и Моряк вдруг остро это чувствуют), и мы вот тут с вами поговорили, видим, что вы на самом деле не конкуренты, похоже вы просто дебилы (оба мысленно с этим соглашаются), поэтому на первый раз мы вас трогать не будем, но в качестве компенсации ("ой", думает Моряк. Вася перепуганно молчит) мы у вас возьмем водяру. Но не всю, вот такие мы благородные разбойники, чтоб вы знали. Они залазят в сумку и берут оттуда по флакону, а, говорят, еще одно - мы бы вас вообще не трогали, но вы водяру слишком дешево продаете, сбиваете цену, ясно, дебилы?

Вася и Моряк выбегают в подземный переход и там переводят дыхание. "Пи*арасы, - Вася берется за старое, - их бы в цех". Но Моряка идея уже не прикалывает, пошли домой, - начинает он, х*й, - говорит Вася, еще пять флаконов осталось, продадим и поедем, убьют, - говорит Моряк, да перестань, - говорит Вася, что ты боишься, сейчас быстро все сплавим, купим хавки и домой, давай, не бойся, нет, - говорит Моряк, не хочу, - боюсь. Ладно, - не выдерживает Вася Коммунист, - хрен с тобой. Вот тебе за работу, давай вали: он достает две бутылки и дает их Моряку. Моряк колеблется лишь какое-то мгновение - значит так, - думает он, - с утра у меня не было ничего. Сейчас у меня две бутылки. Очевидно, что я в плюсах, - решает он и забирает честно заработанную водяру.

Все, давай, - говорит Вася, дома увидимся. "Да, правда дебил", - думает он, смотря вслед компаньону, чья уставшая военно-морская туша исчезает во тьме перехода. На улице тоже темнеет, появляются первые звезды, и птицы прячутся от дождя в помещении вокзала. "Если сейчас поехать домой, - думает Моряк, - можно закрыться в душе и до утра все выпить". Так он и делает.

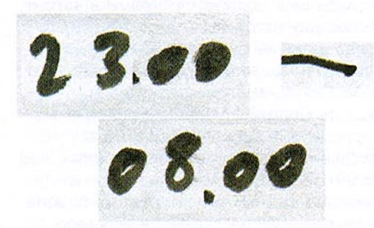
21.00

Он берет все, что у него осталось, и идет по вечернему перрону, хочешь не хочешь должен рисковать, когда тебе 19, и голова забита голыми тетками с газетных обложек, рекламой и пропагандой - чего тебе бояться на третьей платформе Южного вокзала города Харькова. В 21.00 подходит транзитный на Баку, проводники бакинцы, люди солидные, с бабками, можно попробовать. Вася подходит к первому вагону, его посылают, потом к следующему, в третий раз толстый бакинский комиссар останавливает его, "водка не паленая?" - спрашивает, "нормальная водка, нормальная", - говорит Вася, "ладно, давай, пошли в вагон", "зачем в вагон"? - Вася настораживается, "не бойся, не бойся - говорит комиссар, - я просто проверю - бодяжная у тебя водка или нет, если все хорошо - возьму, все сразу". Они заходят в купе проводника, там пахнет анашой и просто дорогим табаком, в вагоне тепло и полупусто, в Баку почти никто не едет, те, кто едут - спят, девять вечера, чего им еще делать, на перрон они выходить боятся, чтобы лишний раз не нарваться на шмон, водку потом у проводника купят, лучше не соваться на вокзал, от них всех за несколько метров несет спермой и драпом, будто всю дорогу, несколько дней и ночей, они дрочат по обкурке, граждане е*аного Азербайджана, "заходи", - говорит Васе проводник, Вася вступает в сумерки купе, и проводник резко закрывает за ним двери, "посиди тут", - говорит, закрывает двери на ключ и куда-то идет, Вася начинает паниковать, бьет ногой в стенку, стучит в закрытое окно, вертится как крыса в тесной, пропахшей азиатскими травами комнатушке, наконец садится на нумерованное одеяло, которым застлана полка и начинает плакать, сжимая под мышкой пакет с водярой. Ну, хорошо, говорит он сам себе, хорошо, ну ной, чего они тебе сделают, ну, заберут водяру, на хрена мне эта водяра, подумаешь - водяра. Трахнут. Да, трахнуть могут, особенно этот кабан в железнодорожной фуражке, который меня тут закрыл. Нет, не трахнут, как меня можно трахать, но Вася смотрит на столик, усыпанный сигаретами и презервативами, и думает что в принципе могут и трахнуть. Могут продать чеченам на комплектующие запчасти. Нужен я чеченам? Очевидно, что нужен. На органы, там почки отрежут, легкие, яйца, привяжут где-нибудь у себя в ауле за ноги и начнут клевать печень как Прометею, или препарируют как кролика, и сделают из кожи боевой чеченский барабан, мама из Черкас даже на могилу не приедет, надо валить, валить, пока бакинец не пришел; Вася сбрасывает ремень и перевязывает ручку дверей. Теперь захотят - не войдут, пытается открыть окно, оно немного поддается, Вася высовывает голову на улицу, в душистые сумерки, нажимает еще, отверстие увеличивается, Вася переводит дыхание, видит на полке несколько порножурналов и решительно ныряет в окно. Тут поезд резко дергается, скрипит своими

ревматическими суставами и двигает в сторону Баку, таща за собой, кроме всего прочего, и ни в чем не повинного Васю Коммуниста, моего приятеля, между прочим.

Всегда так: хочешь не хочешь - должен бороться, иначе из этого ничего не выйдет, или сиди дома и не рыпайся, или уж давай - пробуй взять за яйца досадные обстоятельства, а там, если все удастся - тебя обязательно ждет джек-пот, ну, там, не знаю, что в таких случаях дают победителям - дисконтная карточка, постоянные льготы, бесплатный секс, короче - борись, иначе тебе из этого говна никак не выбраться; Вася с отчаяньем смотрит, как мимо него проплывают последние вокзальные строения, исчезают спекулянтки и контрабандисты, даже ментовни нигде не видно, в этой ситуации он бы и ей был рад, весь этот набор родных и знакомых реалий исчезает где-то в голубой дали, и в это время бакинский комиссар разбирается со своими нехитрыми делами, вспоминает про заложника и пробует зайти в собственное купе. Но двери не поддаются. Эй, неверный, давай открывай, кричит он что-то типа этого. Вагон тревожно выжидает. Вася лихорадочно дергается в окне и вдруг понимает, что застрял. Проводник вообще ничего не понимает. Он по привычке говорит по-азербайджански с щедрыми вкраплениями братских славянских языков, сначала просто ругается, потом пугается - вдруг скаута хватил кондратий, потом нервно начинает призывать Васю к совести и порядку, пассажиров призывает быть свидетелями, поезд уже где-то в пригороде, и тут оконная рама, в которой завис Вася Коммунист не выдерживает и трещит, Вася успевает сгруппироваться, выворачивается в окне и прицельно, как потасканный дворовой котяра, планирует из окна, ветер врывается в пустое купе для отдыха проводников и весело швыряет под потолок игральные карты, упаковки из-под презервативов и порнографические листовки, разрушая, одним словом, сложившийся быт сотрудника азерайджанского министерства путей сообщения. И бесконечный поезд, наполненный мешками с углем и чемоданами с героином, весело помахивает хвостом и уже передними вагонами въезжает на территорию России, одним словом, чувакам не позавидуешь.

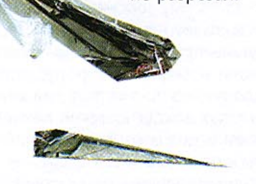

Вася даже ничего не ломает, в смысле, не в вагоне что-то, а себе - ничего не ломает. Просто скатывается с насыпи, рвет правую штанину, но даже водяру - которую он все это время судорожно прижимает к сердцу - не выпускает и не бьет. Не говоря уже о всяких там ребрах, голенях и тому подобной анатомической пое*ени. Встает, как ни в чем ни бывало, отряхивает штанину, вытирает потные ладони о свитер, чтобы водка гляди не выскользнула, и идет искать цивилизацию, ну да какая там цивилизация, если ты из вагона выпал, так - идешь, куда можешь, вдоль заводских заборов, минуя бывшую гордость оборонной промышленности, и только земля под подошвами чавкает - вязкая и приставучая, как жеваный стиморол. Но вдруг Вася выходит на трамвайную колею, ну, это уже хорошо, думает он, еще бы знать в какую мне сторону, он садится на рельсы и достает бутылку. Отпивает и думает бутылку спрятать, но решает не спешить, куда спешить, думает

он, до утра продержусь а там видно будет, и он продолжает пить и не слишком заморачиваться по поводу этой ночи и всего своего неудачного бизнеса. Все нормально в принципе, все нормально, могло быть гораздо хуже, могли вообще убить или подвесить где-нибудь в тамбуре, или в печке зажарить, тунгусы сраные, Вася смачно прикладывается к бутылке, да, думает он, хорошо что водяры много, всю даже не выпью. Хорошо, кстати, что не выпью, а то где ее сейчас тут купишь. Хотя, можно в случае чего на вокзал съездить, у гуцулов купить, думает он и так и сидит - в драных джинсах, спадающих без ремня, в темном свитере и разбитых кроссовках, на мокрых рельсах, на которых время от времени поблескивают пронзительные лунные лучи.

В час ночи Васю чуть не переехал дежурный трамвай. Водитель только в последний момент видит, что на рельсах что-то есть, собака, думает водитель, и решает давить, но все же успевает заметить, что нет - не собака, какая собака, собаки водяру из горла не глушат, успевает притормозить, выбегает из трамвая и находит на рельсах пьяного Васю. Ты что - дебил? кричит он, я же тебя, бл*дь, чуть пополам не разрезал.

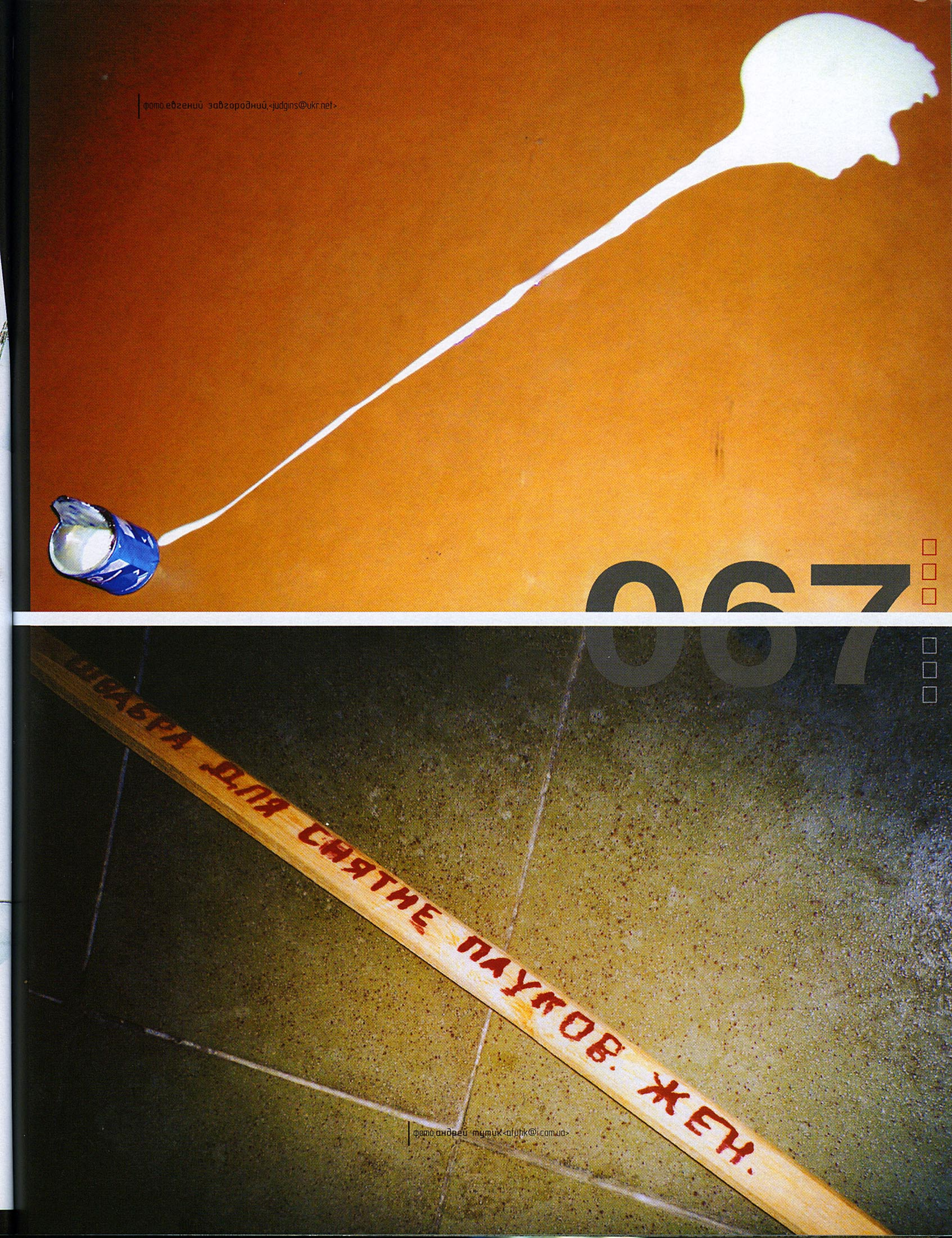

Извини, говорит Вася, я от поезда отстал, на вот водяры, водитель берет, хорошо, говорит он сам себе, от стресса немного можно, и садится возле Васи. Так они и сидят себе на колее, даже не разговаривая, сидят молчат, не мешая друг другу, - колея широкая, места всем хватит, на них начинает капать мелкий дождь, ладно, говорит наконец водитель, поехали, я тебя могу до парка подкинуть, там как-нибудь доберешься, спасибо говорит Вася, но билет купишь, у нас тут контролеры на линии, какие контролеры? удивляется Вася - ночь на дворе, ага, обижается водитель, привыкли без билетов ездить, ладно, мне пора, и они залазят в холодный трамвай и едут в парк, по дороге вправду подсаживается контролерша, подходит к Васе, тот хочет ей заплатить, лезет в карман, но находит там только толстую пачку российских рублей, выторгованных у гуцулов, и все, и больше ничего, вот, говорит он контролерше, возьмите. Что это? - спрашивает та, деньги, - говорит Вася, какие это деньги? это грязные деньги, - говорит Вася, - грязные. Возьмите их, пожалуйста. Но контролерша вдруг говорит ни фига - мне эти деньги не нужны, давай наши. Да где я их возьму? - устало отбивается Вася. Бери, где хочешь, - жестоко говорит контролерша. Я от поезда отстал, - говорит Вася, но контролерша не реагирует. Ну хотите, я вам водяры дам? Нет, - отказывается контролерша, - не хочу. Как это? - удивляется Вася. "Что тут скажешь, - думает он - Ни билета взять, ни штраф заплатить, непруха одним словом". Он выходит из трамвая, садится на рельсы и достает вторую бутылку. Мокрые блестящие рельсы равномерно тянутся от него в обе стороны бесконечности, и именно это, по большому счету, и примиряет его с действительностью.

Сергей Жадан

фото слева: геннадий чернега<belega@rambler.ru>

фото.евгений завгородний,<judgins@ukr.net>
067
швабра для снятие пауков. жен.
фото.андрей тутик<atutik@i.com.ua>

ООО"ФФОЗФ-ОСТ"
НН 314021704657
МАГАЗИН" 105 "
РЕЄСТР. No: 0465002705
00001 1
0,00 А
0,00 А
0,00 А
0,00 А
0,00 А
ФІСК.ЧЕК N 1069346
Касса N 4 Самойленко Светла
ГОТІВКОЮ : 12,53
За ставкою ПДВ А=20% 00,00 А
ГРН
ПДВ А=20,00% 0,00
Позицій: 5
ГРОШІ 00,00
РЕШТА 00,00
0061293 0058914 1 АРТИКУЛ
ДАТА 03-07-2004 ЧАС 17:01:57
ФІСКАЛЬНИЙ ЧЕК
Д010000987 10000987

ЖизНь МиМо КассЫ

(души умерших клептоманов возвращаются в супер-маркет)

игорь гусев

SIEMENS
Rowenta
BOSCH
SAMSUNG
LG
BACARDI
HARDY
COURVOISIER
Otard

игорь гусев
"жизнь мимо кассы"
(души умерших клептоманов
возвращаются в супер-маркет)

www.hoogerbrugge.com

Кто: Хан Хоогербрюгге
Где: Голландия
Когда: с 1998 г.

Что: автопортретный и интерактивный до невменяемости "флэш", густо и мрачно замешанный на личном мировосприятии герра Хоогербрюгге - от вечных (читай - библейских) истин до борьбы с табакокурением. Практически везде присутствует то, что сам автор, вероятно, считает "чувством юмора". Юмор, надо заметить, у него специфический - с гусиной кожей и отвисшей челюстью, с которой иногда (если интерактивность ролика чересчур глубока) начинает непроизвольно вытекать слюна. Техника рисунков очень подкупает - никаких каля-маля и серо-буро-малиновых заливок. Все строго черно-белое. Тушь во "флэше" (от англ. "flesh" - плоть). Эдакий Бердслей с диагнозом. Хан считает, что в своих работах передает собственные мечты, проблемы, жизненный опыт, надежды, разочарования, страхи, радости, природные импульсы... В основном, это касается серии "Modern Living". В этом разделе есть пометка про "автопортретность": "Все, что вы здесь увидели - глубоко личные вещи. Спасибо за то, что посмотрели". "Modern Living" - это первый монумент Хана и, бесспорно, серьезнейшая заявка на увековечение его имени в истории "флэш"-арта. Добавляя по серии каждые 2 недели, в августе 2001-го Хан довел их количество до сотни и на этом благоразумно остановился. Музыка, сопровождающая почти все сюжеты, напоминает "койлятину" *(от назв. англ. гр. "Coil" - прим. ред. для покл. Кайл. Мин.)* самых беспощадных времен - дроны и трансформаторные гуделки при длительном изучении сайта выведут из себя даже самых толерантных людей, которым не посчастливилось разделить с вами жизненное пространство. Следующим его проектом стала интерактивная бродилка "Hotel Lounge", где вам в облике некоего молодого и весьма нагловатого персонажа предлагают прогуляться по виртуалке. Полы в этом помещении сияют геометрическим блеском линчевского "Черного Вигвама", а встречающиеся персонажи погружены в странную и подозрительно-гаденькую бытовуху. Сюжет можно считать условно-детективным. Иногда хочется скушать цитрамону. За 6 лет работы на этом поприще Хан прошел длинный путь от полной безвестности до четырех тысяч посещений своего сайта в день.

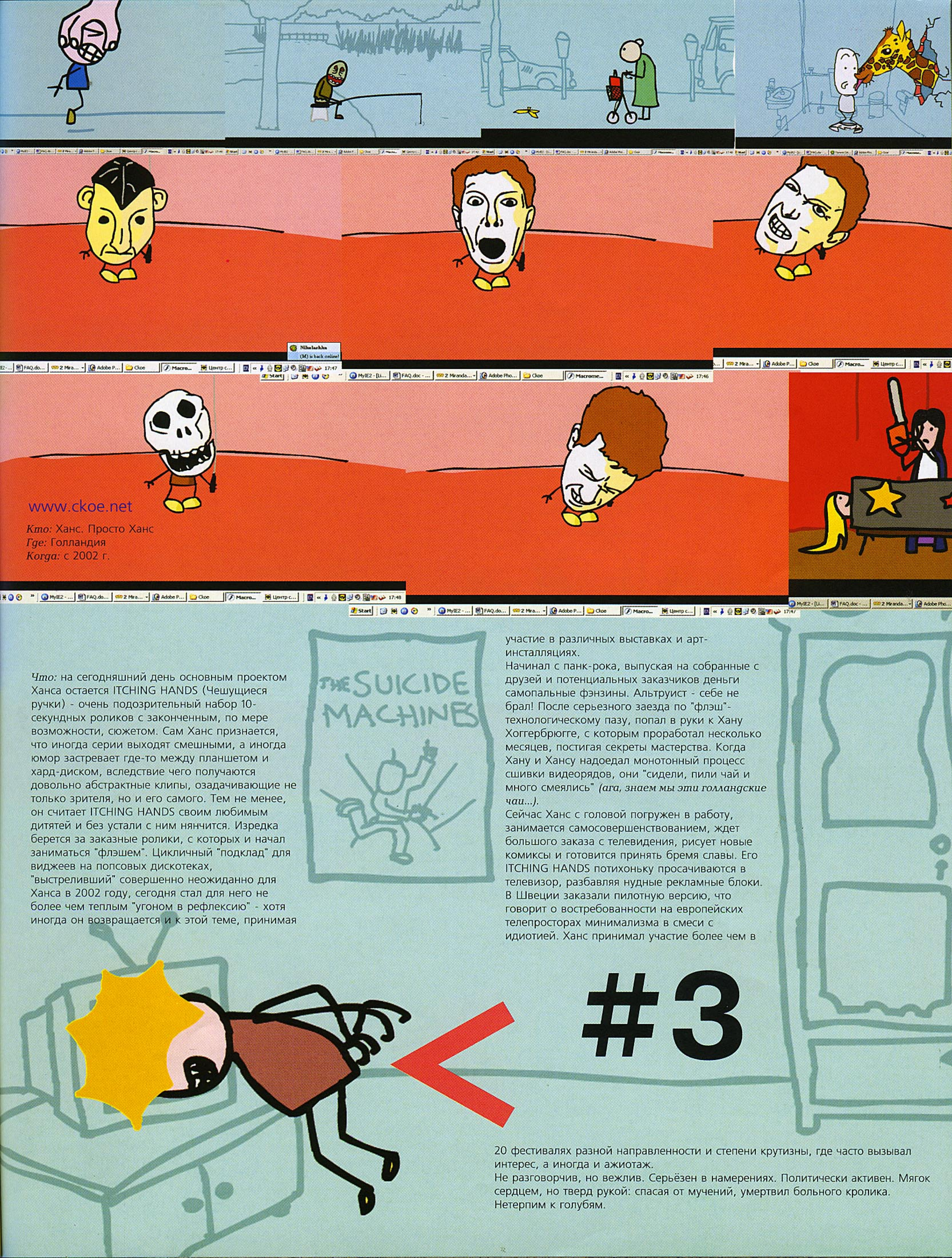
Статистика говорит, что основные массы его поклонников проживают в Японии, что позволяет считать рисунки Хоогербрюгге европейским визуальным аналогом дзэнских коанов. Что в переводе на эстрадно-русский выглядит как "множество в едином": тыкают мышью все одинаково, а вот возможностей трактовок результатов клика - тыщи. Хан изящен, лаконичен и педантичен до кончика курсора. Характер нордический. Сдержан в эмоциях и речи. Юмор мрачноватый, с уклоном в черный цвет. Шутит редко, но хлестко. Не курит (наверное).

www.rathergood.com

Кто: Джоел Вейч
Где: Великобритания
Когда: давненько уже...

Что: добрый доктор Айболит. Заставляет маленьких пушистых зверушек (чаще всего - котиков) исполнять. Исполняют вейчевские звероясли по большей части панк-речевки, хотя случаются и вкрапления лирики. А иногда и "Лайбахом" жахнуть могут... Алгоритм банален и поначалу не слишком впечатляет: Джоел берет jpeg-овый фон (обычно пасторальненький такой), расставляет перед ним не менее jpeg-овых котиков (ежиков, обезьянок etc.) и при помощи простых "флэшевых" приемов вдыхает в них некоторое количество жизни, заставляя выполнять шаблонные движения рог-музыгандов. Зверят жалко - они явно страдают от целого списка человеческих заболеваний, начиная с ДЦП и заканчивая стомато-офтальмологическими рецидивами. Но почему-то минут через пять-десять становится смешно. Мало, мало в нас сострадания...
Джоел регулярно привлекает к сотрудничеству своего единоутробного брата Алекса. Недостаток песен нужной степени извращенности и избыток комплексов "несостоявшихся музыкантов" толкает эту парочку на сочинительство вокально-инструментальных пасквилей в духе группы "Ween". Текстуальная начинка в таком случае вполне соответствует звуковой оболочке - "гамно, разброд и шатание" (© Светлана Симакова). А музыкальная составляющая клипов "Rathergood" всегда вызывает у любителей "флэша" повышенный интерес: помимо "Laibach" и дуэта "братья Вейч инкорпорейтед", в непристойных действиях в отношении беззащитных зверушек были замечены "Mclusky", "Elbow", "Electric Six", "Vines", "White Stripes", "Bad Manners", "Slayer" и Mr. Scruff...
Еще Джоел рисует чисто "флэшевый" сериал про колобков, которых из-за незнания русской аутентичной литературы, именует "блодами". Сериал очень лиричный и в какой-то степени хай-лайфистский - "блоды" только и делают, что ищут развлечений. Поиски прерываются разными проявлениями воздействий темных сил, с которыми "блоды" оригинально разбираются и продолжают свой вечный рейв. Попадаются и отдельные *(от англ. outstanding)* истории, несущие не менее патологический заряд юмора и неврастении. Здесь хитом безусловно является история о мальчике, который боялся гигантских крабов, убивших всех его друзей. Дарт Вейдер, Бритни Спирз, пиксельные люди из "Chemical Brothers" и рейвовый угар прилагаются.
Уровень юмора вкупе с изгибами сюжетной линии ставят Джоела Вейча в один ряд с такими историческими фигурами, как Рабле, Фрейд, Вова Сорокин, Саша Самокат и Терминатор. Джоел рисует для разных проектов (в т.ч., и на заказ), активно участвует в жизни британского телевидения, ведет посильную переписку с поклонниками, отвечает на вопросы философского содержания. Жизнерадостен, но глубоко копает. Поверхностно-задумчив. В трудолюбии не замечен. Безграничен в полете, но старается сдерживаться.

www.ckoe.net

Кто: Ханс. Просто Ханс
Где: Голландия
Korga: с 2002 г.

Что: на сегодняшний день основным проектом Ханса остается ITCHING HANDS (Чешущиеся ручки) - очень подозрительный набор 10-секундных роликов с законченным, по мере возможности, сюжетом. Сам Ханс признается, что иногда серии выходят смешными, а иногда юмор застревает где-то между планшетом и хард-диском, вследствие чего получаются довольно абстрактные клипы, озадачивающие не только зрителя, но и его самого. Тем не менее, он считает ITCHING HANDS своим любимым дитятей и без устали с ним нянчится. Изредка берется за заказные ролики, с которых и начал заниматься "флэшем". Цикличный "подклад" для виджеев на попсовых дискотеках, "выстреливший" совершенно неожиданно для Ханса в 2002 году, сегодня стал для него не более чем теплым "угоном в рефлексию" - хотя иногда он возвращается к этой теме, принимая участие в различных выставках и арт-инсталляциях.

Начинал с панк-рока, выпуская на собранные с друзей и потенциальных заказчиков деньги самопальные фэнзины. Альтруист - себе не брал! После серьезного заезда по "флэш"-технологическому пазу, попал в руки к Хану Хоггербрюгге, с которым проработал несколько месяцев, постигая секреты мастерства. Когда Хану и Хансу надоедал монотонный процесс сшивки видеорядов, они "сидели, пили чай и много смеялись" *(ага, знаем мы эти голландские чаи...)*.

Сейчас Ханс с головой погружен в работу, занимается самосовершенствованием, ждет большого заказа с телевидения, рисует новые комиксы и готовится принять бремя славы. Его ITCHING HANDS потихоньку просачиваются в телевизор, разбавляя нудные рекламные блоки. В Швеции заказали пилотную версию, что говорит о востребованности на европейских телепросторах минимализма в смеси с идиотией. Ханс принимал участие более чем в 20 фестивалях разной направленности и степени крутизны, где часто вызывал интерес, а иногда и ажиотаж.

Не разговорчив, но вежлив. Серьёзен в намерениях. Политически активен. Мягок сердцем, но тверд рукой: спасая от мучений, умертвил больного кролика. Нетерпим к голубям.

www.apocalypsecartoons.com
Кто: ???
Где: Штаты
Когда: ???
Что: Ничего. Просто у нас этот сайт не открывается. Алькар - чемпион.
SNORT ME
#4
SUBJECTS: RATS
NARCOTIC: COCAIN

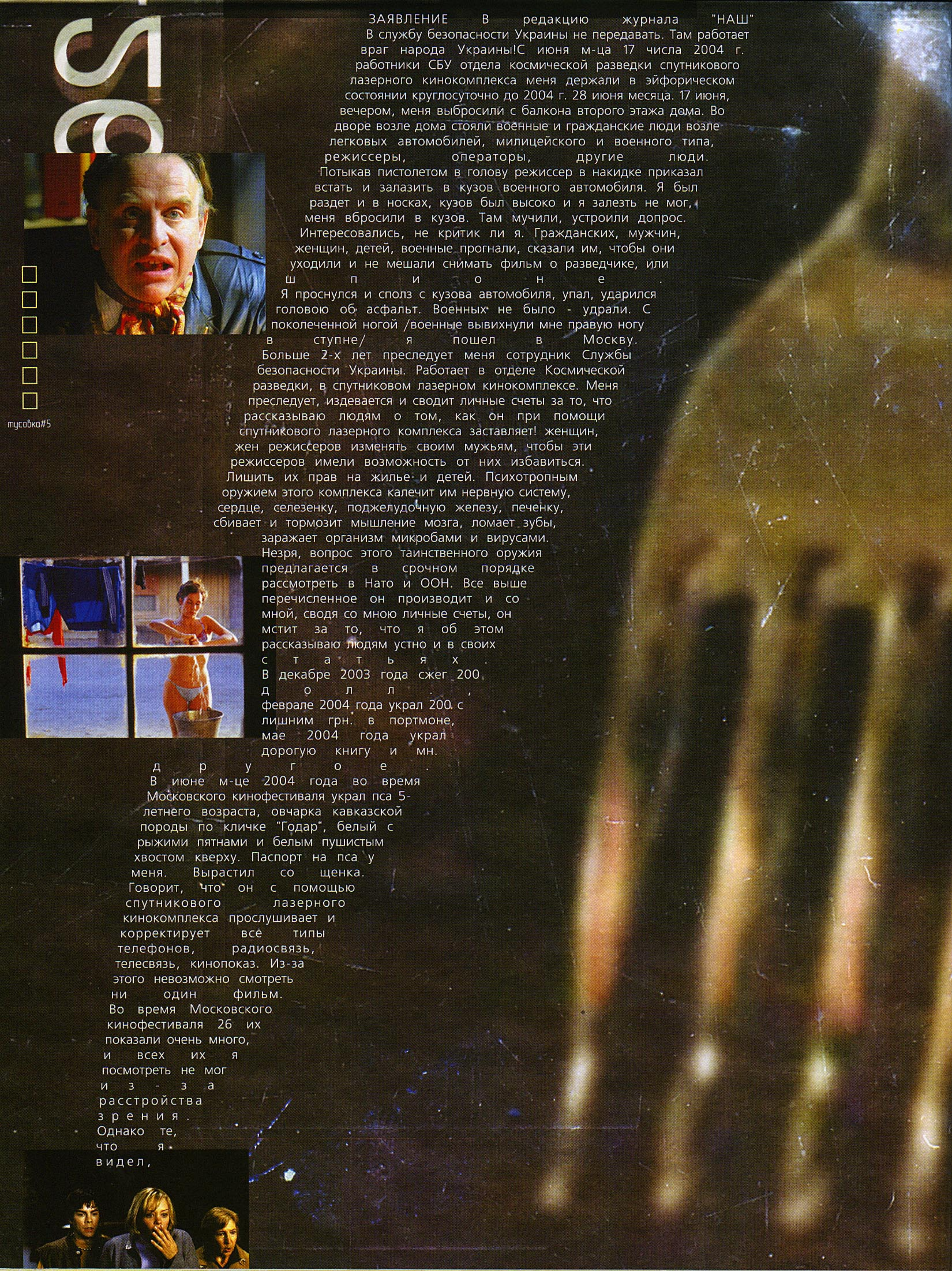

o_2 >> €

135999 (lb)

136000 (lb)

CHE Serhiy<my-sobaka@yandex.ru>

ЗАЯВЛЕНИЕ В редакцию журнала "НАШ"

В службу безопасности Украины не передавать. Там работает враг народа Украины!С июня м-ца 17 числа 2004 г. работники СБУ отдела космической разведки спутникового лазерного кинокомплекса меня держали в эйфорическом состоянии круглосуточно до 2004 г. 28 июня месяца. 17 июня, вечером, меня выбросили с балкона второго этажа дома. Во дворе возле дома стояли военные и гражданские люди возле легковых автомобилей, милицейского и военного типа, режиссеры, операторы, другие люди.

Потыкав пистолетом в голову режиссер в накидке приказал встать и залазить в кузов военного автомобиля. Я был раздет и в носках, кузов был высоко и я залезть не мог, меня вбросили в кузов. Там мучили, устроили допрос. Интересовались, не критик ли я. Гражданских, мужчин, женщин, детей, военные прогнали, сказали им, чтобы они уходили и не мешали снимать фильм о разведчике, или шпионе.

Я проснулся и сполз с кузова автомобиля, упал, ударился головою об асфальт. Военных не было - удрали. С поколеченной ногой /военные вывихнули мне правую ногу в ступне/ я пошел в Москву.

Больше 2-х лет преследует меня сотрудник Службы безопасности Украины. Работает в отделе Космической разведки, в спутниковом лазерном кинокомплексе. Меня преследует, издевается и сводит личные счеты за то, что рассказываю людям о том, как он при помощи спутникового лазерного комплекса заставляет! женщин, жен режиссеров изменять своим мужьям, чтобы эти режиссеров имели возможность от них избавиться.

Лишить их прав на жилье и детей. Психотропным оружием этого комплекса калечит им нервную систему, сердце, селезенку, поджелудочную железу, печенку, сбивает и тормозит мышление мозга, ломает зубы, заражает организм микробами и вирусами.

Незря, вопрос этого таинственного оружия предлагается в срочном порядке рассмотреть в Нато и ООН. Все выше перечисленное он производит и со мной, сводя со мною личные счеты, он мстит за то, что я об этом рассказываю людям устно и в своих статьях.

В декабре 2003 года сжег 200 долл., феврале 2004 года украл 200 с лишним грн. в портмоне, мае 2004 года украл дорогую книгу и мн. другое.

В июне м-це 2004 года во время Московского кинофестиваля украл пса 5-летнего возраста, овчарка кавказской породы по кличке "Годар", белый с рыжими пятнами и белым пушистым хвостом кверху. Паспорт на пса у меня. Вырастил со щенка.

Говорит, что он с помощью спутникового лазерного кинокомплекса прослушивает и корректирует все типы телефонов, радиосвязь, телесвязь, кинопоказ. Из-за этого невозможно смотреть ни один фильм.

Во время Московского кинофестиваля 26 их показали очень много, и всех их я посмотреть не мог из-за расстройства зрения. Однако те, что я видел,

тусовка#5

От редакции:
Вообще-то, на этом месте должна была быть статья о XXVI Московском кинофестивале, проходившем с 17 по 28 июня сего года. Вместо нее мы получили... впрочем, смотрите сами. Но учтите: мы рискнули ознакомить читателей только с небольшими фрагментами этой белиберды – в оригинале "статья" представляет собой стопку измятых страниц формата А4, исписанных убористым почерком с наклоном влево. Текст изобилует ошибками, но мы решили оставить их без исправлений.

пожалел, потому что лучше бы у меня совсем исчезли глаза. В так называемом "Конкурсе" ни один фильм не заслуживал внимания. Там были три русских фильма и много фильмов из других стран. Много из этих фильмов было про войну или про наше славное советское прошлое, когда мы сумели переломить хребет фашистскому зверю. Лучше всего был фильм про то как три военнопленных сбежали из фашистского плена и скрылись у доброго старика, которого сыграл Богдан Ступка. Старик им помогал сберечь свою жизнь, а потом отпустил их на волю, а злого Федора Бондарчука убил. Богдан Ступка очень понравился зрителям и людям, потому что он народный артист и гений украинского народа. Еще мне понравился фильм, где было много красивых девушек и музыка и все пели на французском языке, потому что один из героев фильма, американский бизнесмен, не хотел, чтобы его целовали в губы. Кроме того, мне очень понравился фильм про мастеров кулинарного искусства под названием "Кремастер". Он был снят в СБУ для обучения молодых работников профессии разведчика. В этом фильме происходит много разных событий, вдохновленных божественной мудростью. Так там разливают пиво, барахтаются в пене, а вредители экономики разбивают вдребезги много красивых автомомашин. Потом мне показали корейский фильм про капитализм, и он был непонятный. Но мне объяснили, что это фильм корейского коммунистического протеста и сделан корейскими коммунистами, братьями, и называется он "Капиталистический манифест". В нем режиссеры борются против

несправедливости и угнетения языком сатиры и издевательства. 24 июня 2004 г. на 26-м московском Фестивале, в коридоре I-го этажа, мне было сказано, что психотропное оружие испытывают на мне не Служба Безопасности Украины, а другие государства: Израиль, РФ, Бельгия, Германия, Франция и Канада, которые прислали свои фильмы на фестиваль. Однако ни один из этих фильмов смотреть невозможно! Как я уже выше и написал!

В связи с тем, что мои демократические права Человека нарушаются сотрудником СБУ, вынужден обратиться к Вам, в редакцию журнала "НАШ", потому что Вы, честно боретесь и защищаете демократию и права Человека.

За границей и у нас, представители власти говорят, что в России и в мире снимают хорошее кино, что демократические права Человека не нарушаются. Это ложь! Я свидетель тому. Издевательства сотрудника СБУ надо мной этому доказательство.

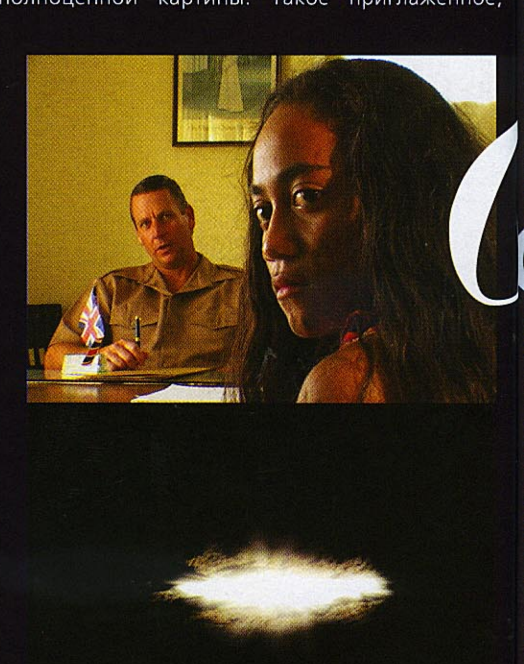
14.7.2004 г.
Дмитрий Десятерик

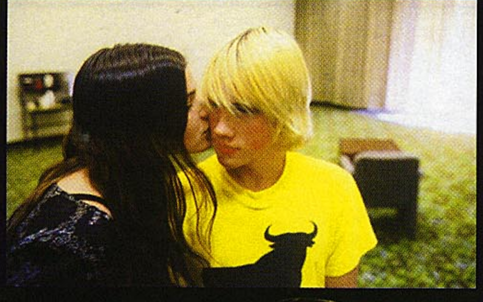

КОММЕНТАРИЙ РЕДАКЦИИ:
Откликнувшись на настойчивые просьбы этого "работника прессы", добрую неделю осаждавшего нас со своим, как он заверял, "компетентным обзором Московского кинофестиваля", мы отвели место для статьи на данную тему в очередном номере. Но публиковать такое... Чтобы хоть как-то спасти ситуацию, мы обратились за комментариями к нашему внештатному корреспонденту в Москве, ДЕСЯТЕРИКУ Дмитрию Валентиновичу, тоже посетившему это мероприятие. Вот что он сообщил нам по телефону, попросив все стилистические огрехи списать на устный характер этого репортажа:

"Фестиваль совершенно не удался как специфически кинематографическая структура, основное назначение которой - производить сенсации, задавать направление текущему экранному процессу. Очень плохо поработали отборщики, я бы даже сказал, из рук вон плохо. В обоих фестивальных конкурсах не было ни одного сколь-нибудь заметного фильма - примечательного хотя бы скандальностью или новомодными спецэффектами. Одним словом, ничего такого, ради чего и затеваются фестивали. Ваша "жертва кинокомплекса" совершенно правильно отметила, что наиболее выгодно смотрелся фильм "Свои" Дмитрия Месхиева - режиссера очень неровного, но в целом довольно профессионального. "Свои" повествуют о временах оккупации в Белоруссии, и о напряженных отношениях в среде жителей оккупированных территорий. При этом немцы практически остаются за кадром, как некая часть привычного фона. Правда о подлости и героизме у каждого тут действительно своя. Лучше всех играет, конечно, Ступка - в роли Старосты села. Очень тонкая, драматичная, зрелая роль. Логично, что фильм получил три главных "Золотых Георгия" - за лучший фильм, режиссуру и мужскую роль. Честно говоря, про других призеров и говорить неохота - вопиюще невыразительное кино. Да и "Свои" - картина, конечно, приличная, но второй раз пересматривать ее не станешь. Не могу не упомянуть также о фильме Александра Велединского "Русское", ибо он был снят по ранней харьковской трилогии Эдуарда Лимонова-Савенко. Фильм этот участвовал в параллельном конкурсе "Перспективы". На первый взгляд, он сделан довольно качественно - но это качество, скорее, поп-клипа, нежели полноценной картины. Такое приглаженное,

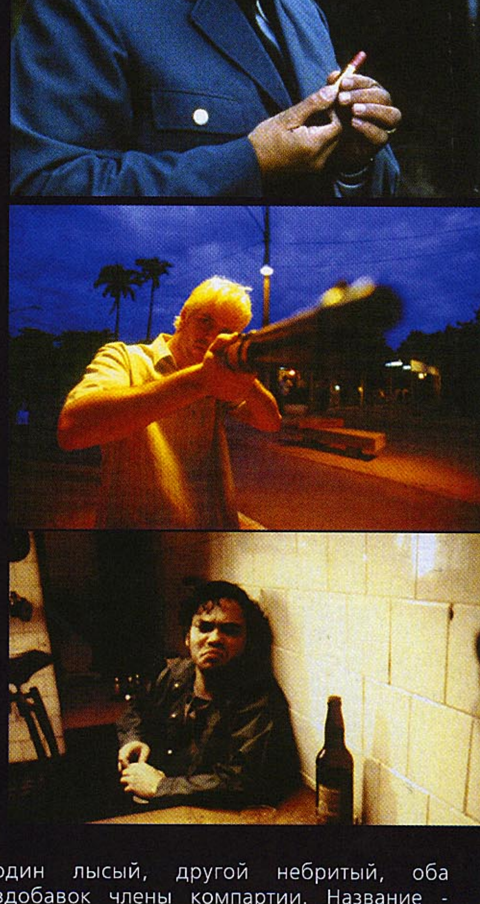

вообще считаю одним из лучших режиссеров в мире, снял по мотивам оперетты 1926 года картину невероятной красоты, где буквально каждый кадр изыскан настолько, что просто дух захватывает. Это кино одновременно и эротическое, и очень театральное, и даже орнаментальное, потому что временами напоминает модернистское живописное полотно - актеры вписаны в пространство кадра так, что поневоле вспоминаешь другого великого человека - Мурнау, вообще все великое немецкое кино 1920-х... Впрочем, об этом фильме я могу говорить и фантазировать бесконечно. Жаль, что нескоро, ой, нескоро вы его увидите. Что касается "Кремастера", вернее, "Кремастеров", то мне к уже написанному в НАШем (см. № 10/2002) добавить особо нечего. Если обобщить впечатления от этих шести часов визуальных самоистязаний, то могу с уверенностью сказать - я понимаю тех толстопузов, которые покупают копию на видеокассете за 20 тысяч долларов. Ведь "Кремастер" - это, по сути, фильм-процесс. Картины Барни как раз и хороши как картины, как то, что висит у тебя на стене важной деталью твоего быта, и ты смотришь на это мельком - неважно как, скользя взглядом по полотну или щелкая пультом - и получаешь необходимый эстетический сигнал. Одним словом, "Кремастеры" - не для того, чтобы пересматривать (кино), а для того, чтобы смотреть (живопись), и в том их маленькая истина.

А вот корейских фильмов было два. Первый действительно снят корейскими братьями-близнецами, конечно же, по фамилии Ким,

один лысый, другой небритый, оба вдобавок члены компартии. Название - "Капиталистический манифест: пролетарии всех стран, обогащайтесь!" Более меткой, талантливой и злой антикапиталистической сатиры мне уже давненько не доводилось видеть. Причем по всему видно, что снято за копейки, цифровой камерой, без особого сценария даже. Структурно эта картина напомнила мне романы Алена Роб-Грийе, когда изначально задается несколько простых эпизодов, которые потом повторяются до одуряющей бесконечности, каждый раз как бы с небольшими изменениями ракурса. Кимы берут десяток маргиналов - проститутку, ее сумасшедшую коллегу, трех мафиози-картежников, торговца порнокассетами, школьницу (тоже проститутку), некое человекообразное существо, ползающее по улицам по-пластунски - и застают их за свершением их немудреных бизнесов. Причем развлечения здесь - как бизнес, а бизнес - как навязчивый бред, как поток постоянных обманок, подделок и шутовских трюков. Все эта бытовая тягомотина каким-то чудесным образом складывается в просто-таки чудовищный, монументальный абсурд, от которого не знаешь, рыдать или смеяться. Именно таким и должно быть сейчас антибуржуазное, радикальное кино. Приятно еще и то, что "Капиталистический манифест" совершенно не похож на ту типичную "корейщину", которую по инерции все еще считают главной фестивальной пряностью. Впрочем, один образчик таких корейских радостей все же был: "Олд бой"

расцвеченное изображение встречается на телевидении сплошь и рядом. То же и актеры - их наняли, чтобы произносить лимоновские тексты, а не играть их. Впрочем, ранняя проза лидера НБП - как раз из тех текстов, которые испортить невозможно, даже если взять двух совершенно деревянных исполнителей и посадить их перед камерой, чтобы они просто читали это вслух - и то, будет смотреться прекрасно. Так что, в любом случае, всем интересующимся первой в истории экранизацией Лимонова, фильм Велединского рекомендую - для коллекции. Несколько интересных лент были показаны вне конкурса, Некоторые из них мой, как бы его помягче назвать... визави отметил совершенно верно. Например, "французский фильм с музыкой и танцами" - это, очевидно, "Только не в губы" Алена Рене, которому, между прочим, пошел уже девятый десяток годков. Великий французский авангардист, которого я

Парка Чан-Вука. Тот самый, которому дали Гран-при жюри на последних Каннах, где всем верховодил Тарантино. Не удержусь от сакраментального - боже мой, неужели у него НАСТОЛЬКО дурной вкус!? "Олд бой" - такая типично корейская размазня, в которую удачливый Чан-Вук валил, по-моему, все подряд: боевые единоборства и инцест, стрельбу и пробивание стен, детектив и лав-стори, а также реки слюней, соплей, крови и выпущенных мозгов. Если бы у него было больше времени, он бы, наверно, и каннибализм бы туда запихал. А получилось у него на выходе все равно - отъявленная негодяйская мелодрама такого мокрощелочного пошиба, что с ней даже в приличное общество не сунешься. А общество, кстати, в Москве было приличное. Живьем приехали Тарантино, Мерил Стрип, Изабель Аджани, Эмир Кустурица, Руперт Эверетт. То есть умение пустить алмазную пыль в глаза у русских никуда не делось. Хотелось бы, чтобы это сказалось на качестве самого фестиваля хотя бы в перспективе. Что еще? "Слона" Гаса Ван Сента я не видел, но его хвалят, "Дурное воспитание" и "Убить Билла-2" уже у вас в прокате. Собственно, все - таковы, вкратце, мои впечатления".

Редакции журнала остается лишь поблагодарить Дмитрия Валентиновича за очень своевременную помощь и пожелать ему дальнейшего процветания, и чтобы не попасть под шальную бомбу в далекой неспокойной столице.
Да, и еще, чуть не забыли! Лазерный комплекс находится вовсе не на спутнике, и ни в каком не в космосе. Все это полная галиматья и бред сумасшедшего. Этот лазер на самом деле находится в лесах Белоруссии. Белоруссии! Белоруссии!! Белоруссии!!!

08.

ВТОРОЙ ФРОНТ

Если судить по тем фильмам, которые попадают в прокат и на телеэкраны, СНГ-шное кино находится в глубоком культурном кризисе – кроме как о ментах, бандитах и прочих служителях закона, больше у нас ни о чем не снимают. Ах да, запамятовал: есть еще мелодрамы – в разной степени кровавые, но одинаково отвратные.
Но на самом деле есть, есть другое кино – в основных культурных центрах бывшего СССР вот уже несколько лет формируется (или давно сформировалась) субкультура, презентующая свои работы не только в международных институциях, но и в родных пенатах – на малобюджетных фестивалях. Подход к демонстрации видеоарта и независимого кино разнообразен – от концептуальных уличных просмотров до показов в центральных кинозалах. Но, как и у любой другой субкультуры, возникает проблема открытости этих мероприятий для простых зрителей.

1.

Московский фестиваль "ВидеоПусто"(www.videopusto.ru), проводимый Ксенией Перетрухиной и Ириной Саминской в конце августа - начале сентября в центре города проповедует пустырную идеологию (отсюда и название), все показы проводятся на улице, а видео проецируется на свободные рекламные щиты или на стены домов. Основная задача фестиваля - презентация произведений современного искусства. При отборе арт-директор фестиваля руководствуется своим вкусом, муниципальными запретами, ограничивающими демонстрацию половых органов, и длительностью роликов. "Обычно я прошу, чтобы видео были короче 10 минут, лучше до 3, а если фильм идет 1 минуту, то это просто потрясающе, ведь наш основной зритель - это случайный прохожий, и он вряд ли сможет внедриться в контекст получасового видео", - говорит Ксения.
Фестиваль существует всего 2 года, но за это время он успел существенно трансформироваться. Изначально существовала система, предполагающая деление на три части (фестиваль длится 3 дня): в первый день демонстрировался видеоарт, второй день был отдан перформансам, а третий - короткому метру и мультипликации. Впоследствии от этой системы отказались. По мнению арт-директора, в восприятии зрителей видеоарт все-таки проигрывает кино, а организаторам хочется сделать акцент именно на нем, что исключает обширную демонстрацию фильмов. Тем не менее, короткий метр все-таки будет представлен на фестивале, но таким образом, чтобы зритель воспринимал его через призму видеоарта, что будет диктовать дополнительные условия при подборе картин для фестиваля.
В принципе, уличные показы не новы, и они давно существуют в Европе и Америке, но для России это пока что необычное явление. Удобоваримость современного искусства для проходящих мимо обывателей весьма относительна. И вряд ли возможно по достоинству оценить работы художников при непосредственной близости обязательной для таких мероприятий "пивной точки". Разрозненность фестивальной аудитории тоже вызывает опасение, но, в любом случае, радует периодичность данного мероприятия и его возвышенные цели и идеалы. Возможно, фестиваль более аполитичен, чем, скажем, Канск, но это продиктовано его спецификой; также он предоставляет режиссерам новые возможности для демонстрации их роликов, а простым зрителям - способ приобщиться к этой скрытой от проката и официоза сфере творческой деятельности: вход на все просмотры и перформансы совершенно бесплатный.
У организаторов "Видеопусто" масса планов. Среди них проект "Видео на воде": под одним из мостов через Москва-реку установят плавающий экран, а на сам мост - проекционное оборудование. Таким образом, зрители смогут смотреть ролики с нестандартных позиций, что позволит по-другому оценить работы, представленные на фестивале. Также планируется договариваться с художниками и снимать видео для конкретных городских площадок, где их в течение нескольких недель можно будет показывать по ночам в режиме нон-стоп. Все это организаторы хотят осуществить в ближайшие годы.
В последнее время интерес к подобным проектам все более возрастает, а участие в них иностранных институций и музеев помогает приобщить новых спонсоров. Растут бюджеты, выпускаются каталоги. Фестиваль начинает обретать законченную форму. Организаторы не исключают возможности того, что будут проводиться и выездные сессии. Но все это только в перспективе. Пока что доминантными являются идеология и стремление к экспериментам, что делает "ВидеоПусто" одним из самых ярких явлений в российском независимом кинопроизводстве.

2.

Фестиваль Сергея Сальникова "Sтык" (www.styk.nm.ru) придерживается более жестких позиций. Практически все фильмы конкурсной программы носят ярко выраженный политический характер: в прошлом году здесь показывали сразу три ленты про Лимонова, а годом ранее главный приз получил "Случай с пацаном" о белорусской оппозиции. "НАШ" постоянный автор Алексей Цветков, член прошлогоднего жюри "Стыка", объясняет политизированность фестиваля следующим образом: "Это потому что стык-кино делают люди, у которых нет аллергии на политику (речь, конечно, идет не о выборах, голосах и прочем животноводстве), нет автоматической иронии в отношении любой социальной проблемы-практики, будь то прямое действие или даже терроризм. Невротическая реакция типа "художник в политике разбираться не должен, а должен фигу им всем показывать" свойственна несчастным, большая половина жизни коих прошла при позднем деградировавшем совке, а стык-генерация моложе, и для неё антисистемный активизм - такое же самовыражение, как личная страничка в Сети или легкие наркотики на вечеринке".
Сергей Сальников считает "Sтык" флагманом сверхновой российской киноволны, которая проявилась лишь благодаря фестивалю, являющемуся единственным срезом того, что происходит в творческом андеграунде. В принципе, так оно и есть, ведь немногие мероприятия подобного характера могут похвастаться искренним интересом со стороны анархистов и оппозиции, а также столь обширной программой, занимающей четыре фестивальных дня.
У жюри сложилось мнение, что прошлогодняя программа была неинтересной, но, тем не менее, никто не решится ставить крест на сверхлюбительском кино, ведь большинство признанных художников, работающих в этом

направлении, уже завершают новые полнометражные кинопроекты. Фестиваль появился в 1996 году, но конкурс впервые был проведен лишь в 2001-м. "Sтык" прописан в московском кинотеатре "Дом Ханжонкова", но часто устраивает выездные сессии в региональных центрах (однажды добрался даже до Харькова).
Периодичности в проведении кинофорума нет. Все зависит от количества работ, денег и возможностей, но кинотеатр на Триумфальной площади остается неизменной отправной точкой для старта новых проектов.
Сергей Сальников очень критично относится к сложившейся в стране кинообстановке, но его детище нацелено не столько на то, чтобы произвести революцию в российском прокате, оно стремится дать возможность свободным художникам формировать собственную субкультуру и демонстрировать свои достижения публике.

3.

Латвийский фестиваль поэтического видео "word in motion" (www.wordinmotion.orbita.lv) выделяется своей литературной направленностью. Все работы, выставляемые на нем, являются синтезом видео- и звукоряда и литературной основы. "Word in motion" был впервые проведен в Риге в 2001 году, второй фестиваль состоялся в 2003-м. За это время жанровые границы значительно расширились, и теперь в конкурс принимается не только поэтическое видео (созданное в процессе совместной работы литераторов и кино-/видео- художников), но и экранизации поэтических текстов (видеопоэмы), документальные видеозаписи литературных выступлений и перформансов, фильмы о поэзии (поэтах) и фотопоэтические коллажи с использованием текста как визуального элемента. Как и на многих других фестивалях, в рамках "Word in motion" проходят множественные перформансы и литературные чтения. Организаторы выпускают ежегодный каталог, в котором помимо краткого содержания роликов конкурсной программы содержатся критические статьи, посвященные анализу взаимодействия литературы и авангардного видео. Также ролики-победители выкладываются на сайте текст-группы "Орбита" (www.orbita.lv).

Фестиваль интересен скорее как явление. Это некая попытка трансформировать общественное мнение и дать возможность посмотреть на постмодернистскую литературу с новой стороны. Большинство государственных учреждений, будь то "профессиональное" писательское сообщество или Литинститут им. Горького, придерживаются определенных канонов, во многом не соответствующих духу времени. Их догматичность и скептицизм зачастую травмируют мироощущение художников, а возможность придать своим текстам новый, в чем-то даже экспериментальный вид, кардинально меняет сложившиеся тенденции и приобщает к литературной деятельности революционно настроенных людей.

4.

Наверное, наиболее знаковым и концептуальным фестивалем является Международный Канский Видео Фестиваль (www.cannes-festival.ru). Он проводится в сибирской глубинке - городе Канск со 100-тысячным населением. Место было выбрано не случайно: с одной стороны - аналогия с названием всемирно известного фестиваля (главному победителю сибирского кинофорума вручается "Золотой пальмовый секатор"), с другой - реакция на тенденцию столичных институций пропагандировать актуальную культуру в провинции.
Результаты первого "Канска" порадовали московских организаторов, и они решили продолжать свое благородное дело, привлекая в качестве гостей и участников фестиваля известных представителей "актуального" искусства (так в жюри фестиваля в разные годы работали один из основателей движения "параллельное кино", режиссер и сценарист Глеб Алейников, литературный критик и писатель Вячеслав Курицын, поэт Лев Рубинштейн, музыкальный критик и руководитель московского арт-клуба "Дом" Николай Дмитриев, художник Влад Мамышев-Монро).
Но отдаленность от бессменных фестивальных маршрутов условна - ролики из официальной программы впоследствии демонстрируются в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Берлине, Мадриде и Лондоне. Программа также издается на видео и DVD. Так что романтизированная концепция на деле оказывается грамотным PR-ом. Но это не меняет сущности: альтернативное авангардное видео все-таки доходит до канского кинотеатра "Восход", и жители города получают возможность приобщиться к разрушению мифа об "элитарности и непонятности современного искусства для простых зрителей", что в какой-то мере меняет обстановку в стране. Конечно, действие Канского кинофестиваля локально, но первые шаги на пути изменения сложившейся ситуации сделаны, и, возможно, что в скором времени подобные кинофорумы будут проходить повсеместно, а направленность фестивалей перестанет носить лишь просветительский характер, но станет основываться на определенных жанровых особенностях, диктующих политику фестиваля или на менталитете жителей того или иного региона.
В прошлом году на конкурс было подано 146 заявок от видео-художников из 17 стран мира и 8 городов России. Жюри уделяло больше внимания смежным жанрам (между видеофильмом и видеоартом), новым экспериментальным формам, всей стилистически свежей и тотально авторской визуализации.

5.

Фестиваль Александра Баширова "Чистые грезы" (www.debosh.hhg.ru), проходящий в Санкт-Петербурге, совмещает характерную для независимого российского кинофорума просветительскую деятельность с демонстрацией мейнстримового кино. Надо отдать должное Александру, который смог организовать хоть и малобюджетный, но действенный фестиваль, в программе которого уживаются около-"глянцевый" "Гололед" Михаила Брашинского с откровенно андеграундной "Головой" Светланы Басковой. Фестиваль продолжает традиции ленинградского художественного "подполья" 70-80-х: в его оргкомитет входит Михаил "Фан" Васильев, один из участников классического состава группы "Аквариум" периода 70-х, а офис "Чистых грез" находится по адресу Пушкинская, 10 - в здании, где с конца 80-х располагался знаменитый богемный сквот. Характерно, что в прошлом году на время проведения "Чистых грез" фестиваль переместился в Ленинградский Дворец Молодежи (там находился и административный центр, и культурный, т.е. показы фильмов также осуществлялись в ЛДМ). Таким образом, фестиваль перерос свой "подпольный" статус, на него обратили внимание городские власти. Фестиваль ведет обширную культурную деятельность, примыкая к различным мероприятиям, проходящим в разных уголках Европы. "Чистые грезы" созданы на базе студии "Дебошир фильм", выпускники которой демонстрируют недюжинную продуктивность, завоевывая различные призы на международных форумах, как это сделала продюсер Реета Аалто, получившая совместно с режиссером Сельмой Вилхунен главный приз национального конкурса 33 Кинофестиваля в г. Тампере (Финляндия) за фильм "Мои слоники".

6.

Фестиваль "[pro]смотр" (www.prosmotr.spb.ru) также базируется в Санкт-Петербурге. Его организовал институт" Про арте" совместно с Эрмитажем и Государственным Русским Музеем. По сути, это очередной смотр достижений мирового видеоискусства, которые довольно часто проходят в столичных институциях, но, как правило, подобные мероприятия нацелены отражать картину, происходящую в определенной стране (как, например, фестиваль американского видеоарта "У предела" или британская "Электроземля").
По мнению представителей "Про арте", данный форум имеет фундаментальное значение не только для России, но и для всего мира, ведь именно на "[pro]смотре" впервые демонстрация видеоискусства проходила по соседству с произведениями из коллекций музеев. Тщательным образом проходил отбор помещений для инсталляций, кураторы фестиваля учитывали все особенности художников. В итоге в трех разных зданиях Русского Музея - в Инженерном замке, Мраморном и Строгановском дворцах, и в Эрмитаже в течение трех месяцев демонстрировались лучшие работы известнейших художников.
Билл Вайола, Ширин Нешат, Марк Воллинджер, Ури Катценштайн и многие другие представители кинематографий США, Нидерландов, Великобритании и Израиля представили свои работы на фестиваль. Параллельно с показами проходили лекционные занятия и мастер-классы в институте "Про арте", что также является отличительной особенностью "[pro]смотра".

7.

Одним из наиболее интересных фестивалей является Международный Фестиваль Женского Кино в Минске (МФЖК), которому в 2001 году исполнилось 10 лет, но из-за возникших трудностей организатор фестиваля - студия "Татьяна" - не смогла провести юбилейный смотр работ женщин-режиссеров. В качестве альтернативы в кинотеатрах Минска прошло несколько ретроспектив фильмов участниц фестиваля, имевших крайне незначительный резонанс. С момента возникновения МФКЖ в 91 году, когда на фестивале были представлены только фильмы российского и белорусского производства, многое изменилось, и в последние годы география значительно расширилась - на четвертом и пятом по счету фестивале принимало участие уже около 20 стран из СНГ, Европы, Америки и стран Средней Азии. МФКЖ был создан и существует в первую очередь для презентации белорусскому зрителю т.н. "женского кино" (существует оно или нет - другой вопрос).

Это лишь некоторые из "альтернативных" кинофестивалей, функционирующих на территории СНГ, где такие тяжеловесы, как киевская "Молодость", сочинский "Дебют-Кинотавр" и московская "Святая Анна" являются для молодых кинематографистов единственно возможным способом пробиться к широкой зрительской аудитории. Авторское кино находится в андеграунде и лишь силами инициативных художников пробирается на улицы городов и в небольшие кинозалы. Но даже сам факт существования всех этих смотров, показывающих реальные успехи нашего кинематографа, вселяет определенную надежду.

Алексей Лайфуров

фото иванoff руслан, r.ivanov@interpipe.dp.ua

090

Первый раз мы увидели его еще прошлым летом, во время очередного Bad Taste'овского утренника в московских "Пирогах". Весь день мы ползали под дождем у кремлевских стен, вдумчиво собирая пузырчатые грибы-шампиньоны (думали одарить говорящими кремлевскими грибами Джима Авиньона-Neoangin, на грядущий концерт которого первоначально и повелись). Когда на сцене появился мрачный, готический и нервный брюнет, жестикуляцией неуловимо похожий на спившегося Джарвиса Кокера, и томно объявил: "Меня зовут Гюнтер Резничек, я - группа Nova Huta из Гамбурга, и сейчас вы падете ниц пред этой ангельской музыкой сфер!", мы поняли: Авиньон останется без грибов. Чудо-Резничек ткнул пальцем в малахитовый музыкальный ящичек, разлившийся дешевым и трогательным электро- попом, облизал микрофон и закричал: "Эта музыка называется datchadelic! Вы знаете, что такое "datcha"?", потом вдруг его глаза погрустнели и он принялся вещать грусть беспросветную про своего чехословацкого дядюшку, а потом начался сумасшедший дом. Резничек оказался смурным декадентом, ужасно нарциссичным, добрым, презрительным и ранимым - он ползал по сцене, отстраненно танцевал сладко-змеиные танцы, глумился над немецким техно-попом конца 80-х ("You're my heeeart! You're my soooul!") и поначалу вызывал разве что экстатические стоны публики: "Ах! Группа Coil обменяла Бэланса на Джарвиса Кокера! Kraftwerk решили устроить дискотеку на сталелитейной фабрике! Давайте устроим свальный грех с группой НОМ! Белые лебеди пьют красный портвейн из моей головы!". Резничек томно извивался и с абсолютно серьезным лицом, полным невыразимой тоски, красиво и чуть-чуть фальшиво пел о том, что его любовь зеленого цвета. Вдруг он мерзко улыбнулся и под студеное, как прорубь, диско, начал цедить сквозь зубы язвительную песню о пограничниках: "Границы на западе, границы на востоке, границы между я-и-ты, грррраницы!", хирургическими жестами погружая пальцы в клавиатуру. "Вы не поймете, о чем эта песня. Вы никогда меня не поймете. Вы не сможете даже танцевать под это, потому что вы недостаточно быстры", - грустно сказал он, разделся до пояса и выпил стакан водки. В этот момент он был похож на Оскара Уайльда. Потом, конечно, тоже было клево - Авиньон распевал свои флегматично-позитивные детские песенки, в финале они вдвоем с Резничеком представили программу, состоящую из техно-готических каверов группы Cure. "Милые девушки, дайте мне красную помаду, а то моя ВЫЦВЕЛА" - командует Резничек. (Джим в этот момент случайно выливает на клавиатурку бокал пива пенного и грустно вздыхает). Роберта Смита рвут в красочные клочья. Грибы куда-то исчезли - наверное, уползли на кухню и жрут официантку. Разумеется, после всего этого Резничек, терновником исполосовавший наши нежные сердца, превратился в предмет живейшего интереса.

Правда, информации об этом удивительном человеке, который превращает индастриел-культуру в школьный дэнс-огонек (и наоборот, что важнее всего!), мы так нигде и не нашли. Поэтому когда нынешней весной Bad Taste снова привезли в Москву группу Nova Huta (на этот раз как разогрев обещанного карнавал-шоу "Джим Авиньон уделывает Псоя Короленко прямо на сцене, тем более что они записали вместе целый альбом, а вживую так и не виделись"), пришлось рвануть. Гюнтер, как всегда, был великолепен - закатив глаза и нацепив на пояс гигантский плавательный круг страстно-алого цвета, пел на трех языках о своем странном голосе ("Here Comes My Seltsam Voice") ио маленьком роботе, который будет водить автомобиль суперзвезды (этот момент был открыто стянут у "Битлз", которым все равно собственные песни уже ни к чему). Зритель был вял, как бабушкин гладиолус. "Я понимаю, я тут разогрев, да, - разоткровенничался Резничек, - Вы ждете этого... Псоя-оя-оя". И начал танцевать сам с собой - чувственный, гламурный и безразличный. А потом и вовсе исчез. Нарезая круги по клубу в поисках Резничека, мы наткнулись на великого русского поэта Дмитрия Александровича Пригова и застыли в благоговейной панике. В трех шагах от Пригова был Резничек: одинешенек сидел за столом и грустно жевал шницель.

- Интервью?! - обрадовался он. - Ой, конечно! Только давайте после того, как мы с Джимом отыграем программу каверов Cure. А то у меня сейчас депрессия.

На сцене веселый и новаторский лысый Псой Короленко уделывал Джима Авиньона, который яростно противился синхронному переводу Псоевских текстов. "Чем меньше я знаю, тем лучше для меня" - бубнил он в микрофон, когда жизнерадостный, похожий на ужаленного резиновой пчелой Винни-Пуха, Псой старательно грузил его задорными заборными филологемами. В принципе, можно и в депрессию - отчего нет?

После обещанного карнавальца часть публики убежала в ночь, оставшиеся пировали на костях Роберта Смита: дуэт "Резничек-Авиньон" все же гораздо искреннее, чем Neoanin-Псоевские "Гонки" (кстати, сам диск весьма неплох: это только на сцене несовпадение эстетического формата случилось). После этого Резничек напрочь выпал из депрессии и предстал нам улыбчивым, искренним и ужасно открытым. Он даже стесняется своей открытости - именно поэтому на сцене он так разнузданн и чувственно откровенен. "Вживую" он - флегматичный, обходительный и немножечко неуверенный в себе. Восторженное: "Мы хотим, чтобы вы играли у нас на похоронах!" топчется на языке, но не решились.

Прошлое шоу вы играли с барабанщиком Крисом "The Animal" и было очень по-панковски. А почему сейчас вы без него?

Вынужден сказать, что в принципе это и не наш барабанщик, а совсем отдельный. Он наш только во время концертов в России. Последние полгода он находился в крайне длительном турне и вернулся оттуда буквально пару дней назад совсем полумертвый. Он действительно не может никуда ехать. Он был в Африке, Азии и Австралии и Китае, в Америках обоих, Северной и Южной, и поэтому он сказал мне, что больше он никогда никуда не поедет.

А с кем он там выступал?

Мммм. Парень по имени Maximilian Hecker, знаете такого? *(яркий пластиковый поп, нарциссичный тип, которого сравнивают с Air и шотландским барокко-психом Момусом - прим. авт.).* Он играет очень тихую интеллигентную музыку, половина которой вообще звучит без барабанов. Вот там наш Крис на барабанах и играет. Музыку, в корне отличающуюся от того, что он любит.

Во время вашего первого визита в Москву вы на сцене представили себя ужасно красивой историей о том, откуда пошло название Nova Huta, и вообще там была длинная красноречивая телега, которую мы отчасти забыли. Может быть, расскажете ее нам еще раз?

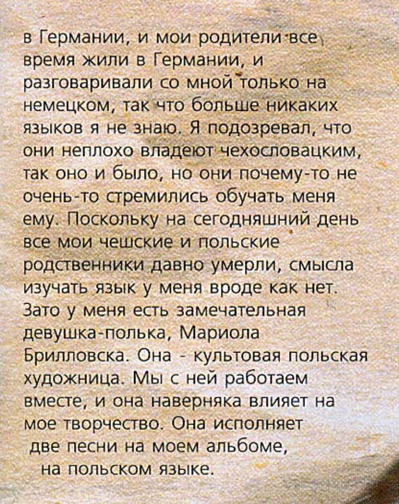
Еще раз ее рассказать? Я бы это сделал, но эта история мне так надоела последнее время, что я поместил ее в специальный внутренний музей группы. Вот самое главное - Nova Huta это огромная сталелитейная фабрика где-то в послевоенной Польше; вернее, вначале это была фабрика, которая так расширилась, что на ее основе построили целый город с таким же именем. "Нова Хута" обозначает, кажется, "новый город". И был у меня дядюшка Врантислав, родом из Чехословакии. Который работал там и одновременно был официальным и главным музыкантом оркестра этой фабрики, и я так проникся настроением и духом идеи фабричной музыки, что организовал эту группу, Nova Huta. В реальности это моя музыка, но я получаюсь как бы духовным последователем этого дядюшки. Он уже умер. Умер, да. Фактически название подчеркивает мои восточнославянские корни.

А вы по национальности получаетесь немец или...

Да, я немец, но почти все мои родственники родом из Чехословакии. Мой дедушка там жил до самой смерти.

Вы сегодня пели на польском - вы знаете все эти славянские языки?

Вообще-то нет, я не очень хорош в польском языке, да и в чешском тоже так себе, потому что я ведь родился

в Германии, и мои родители все время жили в Германии, и разговаривали со мной только на немецком, так что больше никаких языков я не знаю. Я подозревал, что они неплохо владеют чехословацким, так оно и было, но они почему-то не очень-то стремились обучать меня ему. Поскольку на сегодняшний день все мои чешские и польские родственники давно умерли, смысла изучать язык у меня вроде как нет. Зато у меня есть замечательная девушка-полька, Мариола Бриллловска. Она - культовая польская художница. Мы с ней работаем вместе, и она наверняка влияет на мое творчество. Она исполняет две песни на моем альбоме, на польском языке.

Mariola Brillowska родилась в 1961 году в Сопоте, польском Лас-Вегасе. С 1982 года живет и работает в Гамбурге. Известная "поэтка, малярка и режиссерка рисунковых фильмов". Очень красивая и талантливая: Мариола уже с десяти лет начала рисовать жуткие мультфильмы для взрослых, в основном, о сексе и немножко о фашистах. В общем, культовая личность творческой Польши.

А вы по образованию кто -- музыкант или кто–нибудь еще? И вообще интересно, какое у вас музыкальное и профессиональное образование.

А, это нет, никакого профессионализма. Но когда я был совсем юный, я изучал игру на

Nova Huta & Gunter Reznicek

Дачаделический опыт

фото:назир хасавов,<art@partyart.net>
металлические козявочки г.резничека собирала редакция на!!!его

классической гитаре, но то были школьные годы прекрасные. Потом я изучал историю классического искусства. Когда уже стал студентом. Но во время учебы в университете я постепенно сфокусировался на современных аудиовизуальных искусствах, и тогда же я начал заниматься очень серьезной экспериментальной электронной музыкой. Я записывал естественные и технические звуки окружающей среды, всякие шумы и грохот, микшировал их и делал на основе этого музыку. Потом я начал делать совместные шоу-перформансы с Мариолой Брилловской, моей польской girlfriend. Она фактически занимается всем сразу - создает безумные анимационные ролики, читает свои стихи, рисует картины как на бумаге так и на людях -- в общем, она делала такое буйное шоу и читала свои тексты, а я создавал музыкальный бэкграунд для ее выступлений. Все это называлось Las Vegas Show. Я писал мелодии к ее стихам и превращал их в простенькие диско-песни. Из этого и родилась группа Nova Huta и ее концепция. Я развил эту концепцию и довольно серьезно занялся этим, так что сейчас наверное это самый известный из моих проектов. Но у меня в то же время и другое проекты есть, менее массовые, и возможно гораздо более экспериментальные.

Брилловска встретила Резничека на Фестивале Песни в Сопоте. Тогда Брилловска была авангардной поэтэссой, а Резничек - бедным музыкантом. Музыкальное сердце Брилловски сразу же отреагировало на энергию того, что происходило на сцене. Надо сказать, что дела у Резничека были тогда совсем плохи - он мрачно играл на обычной акустической гитаре, так как его взгляды на музыку как на метафизическое искусство провалились. Его музыкальный партнер (имя неизвестно, к сожалению) даже собирался по этой причине уехать туда, где есть такие музыканты как Felix Cubin - а не только ТАКИЕ, как этот несчастный Резничек. Дата этой встречи также не сохранилась. В 1981 году они все - Брилловска, Резничек, Кубин - встречаются за столиком для спиритических сеансов. Нашим героям является дух Юрия Гагарина, который дает им ответы на все животрепещущие вопросы. Кубину дух советского космонавта посоветовал открыть студию звукозаписи "Гагарин рекордс". Брилловске и Резничеку Гагарин-дух приказал ехать в Польшу и какое-то время жить там в счастье и радости: так они и сделали.

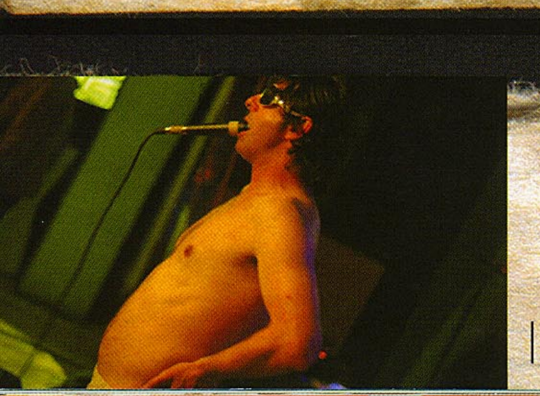
Расскажите о ваших других проектах...
Самый важный - Groenland Orchester , совместный проект, который я с 98-го года делаю со своим другом Йоргеном Холлом (Jyrgen Hall). В основном это - музыка, сделанная при помощи компьютера. Мы вводим в него цифры и буквы, и еще звуки - и компьютер при помощи композиционных программ что-то с этим делает. Это только основа. Потом получается такой эффект, будто много разного народу играют всякую жуть, вот поэтому мы и называем это оркестром.

Данный проект был призван не столько объединить усилия двух талантливых музыкантов и укрупнить их музыкальные фигуры, сколько выдать максимально возможное количество продукта их сотрудничества. Объединяясь под таинственным знаком седой Гренландии, ни один ни другой и думать не думали избавляться от своих прежних "Я-проектов": Резничек продолжал эксплуатировать бесконечный электронный будильник под вывеской Nova Huta, заведенный им с 1992 года, а Холл продолжал подрывную музыкальную деятельность под именем Гюнтера Адлера, пускаясь в не менее захватывающие авантюры с Феликсом Кубином.. "Оркестр" выпустил две пластинки - "Trigger Happiness" (1999) и "Nurobic" (2001). Резничек в Groenland Orchester занимался программированием, играл на гитаре и сочинял пугающие мультипликационные истории о жизни крохотных геометрических фигур, призванные быть видеорядом к музыке проекта и способные в будущем заменить собой стандартный набор идиотских "визуализаций" от WinAmp и Windows Media Player. Холл же генерировал из окружающей среды любопытные звуки и, окрыленный, приносил их Резничеку на дискетах: терзай их, Гюнтер, кромсай! Основная идея оркестра - отрицание поп-музыки как легкого развлечения, открывая новые гренландии ее существования. Критики полюбили Groenland Orchester: желали им приобрести больше оперативной памяти к своим компьютерам, пугали их марсианской мышью, но Резничек и Холл мышь игнорировали и посему оставались дьявольски довольны результатом своего сотрудничества. Проект существует и поныне.

Танцевальной музыкой, вроде Nova Huta, это вряд ли можно назвать?
Почему нельзя? Это очень даже танцевальная музыка. Только без слов. И без песен поэтому. И без перформансного шоу. В общем-то, это для прослушивания музыка. Нова Хута - более развлекательное шоу. Именно поэтому я с ним так много путешествую по всему миру.

Какой из проектов больше вам соответствует? Где вы более настоящий?
Я думаю, что я в любой ситуации настоящий. Мне нравится коммуникация с людьми и эксперименты в области коммуникации на сцене. Нравится развлекать. Работать над звуками, структурами и мелодиями. Наблюдать за развитием проекта - вначале это было просто извлечение странных звуков на сцене, потом само по себе из этого рождается шоу, и сейчас оно становится все более зрелищным. Тем не менее, я смею надеяться, что люди, которые танцуют под эти звуки, сознают, что это очень старательно сделанная музыка. Мне приятно, что я научился составлять это вместе: развлекательное шоу и довольно нетрадиционную музыку.

Ваша музыка ужасно... трогательная, что ли. Вы как будто специально стараетесь вызывать всякие сентиментальные чувства. Какая из реакций аудитории для вас более желанна – вы хотите, чтобы они смеялись, или чтобы они... ммм...

справа: обложка альбома Groenland Orchester'a, Феликс Кубин, обложка евонного альбома, рисованная Мариолой Брилловской, сама Мариола Брилловска, кадр из ейного веселого мультфильма

слева фото назир хасавов,<art@partyart.net>

плакали...
Вот именно, я хочу, чтобы они и смеялись и плакали одновременно. Я не могу решить, что мне вообще нужно от жизни. Если люди плачут, я хочу, чтобы они танцевали. А если они танцуют, я хочу, чтобы они стояли и плакали. Не знаю я. Я хочу все сразу.

Как случилось, что вы начали выступать с Джимом? Вы были друзьями до этого? Давно ли вы знакомы?

Около четырех лет назад. Один мой друг притащил мне его диск, я слушал его и думал: о, это великолепная музыка, мне надо пригласить этого парня куда-нибудь поиграть, наверняка это малоизвестный бедный художник, у которого нет ни контрактов, ни связей и вообще никто его не знает. Надо помочь талантливому парню, решил я. Я пригласил его в Гамбург, а он пригласил меня в Берлин. В Гамбурге мы сыграли вместе несколько шоу - в принципе, оно было так же здорово, как и сейчас. И только потом я узнал, что группа Neoangin - это вообще-то знаменитый художник Джим Авиньон. Я приехал в Берлин, чтобы поиграть с ним там, а в Берлине он, оказывается, культовая личность. Не знаю, как так вышло, но с тех пор мы практически всегда играем и ездим в турне вместе.

Чья была идея спеть песенки Cure?

Да общая, мне кажется. Мы были в турне по Германии. Это было весьма занудное путешествие - мы ехали в поезде ужасно долго и все время шел дождь, все серое и скучное. В общем, мы достали маленькие электроорганчики, которые таскаем с собой, и начали играть друг для друга музыку, которую мы любили в детстве. И оказалось так, что мы оба очень сильно любили группу Cure. И появилась эта идея - ведь большинство великих групп 80-х постоянно подвергаются каверам и поэтому как бы снова оказываются на слуху и в хит-парадах, а что происходит с Cure - им это не особо нужно, они ведь до сих пор великая группа и без вспомогательных средств. Зато сейчас они совсем не похожи на то, какими они были в начале 80-х, и мы решили это использовать. Мы решили - раз они до сих пор великая группа, будем делать каверы на их ранние песни, которые все уже почти забыли. Мы думали больше полугода, а записали все за две недели. Мы не делали никакого промоушена, мы просто напечатали тысячу копий и все мгновенно оказались распроданы. За месяц. И попали в многие хит-парады, в том числе и в английские ди-джейские, и в немецкие - в частности, "Killing An Error" (это вместо "Killing An Arab", которая в свете недавних политических событий звучит как-то нехорошо) стала очень популярной. Что было действительно странно. Даже вот какой-то нью-йоркский журнал пишет про этот альбом - а мы для раскрутки его ничего не сделали! Не знаю, странно это.

Да не странно. Вещь действительно замечательная - каким-то образом эстетика ранних Cure идеально ложится на ваше звучание. У вас на обложке написана цитата из Смита: "Если я услышу, что кто-то спел наши песни лучше, чем мы, я застрелюсь", так вот - он бы действительно застрелился, гм. Хотя вообще я тоже большой поклонник Cure. Ой, а вы были на их концертах?

Да, конечно! Пять или шесть раз! Но последний раз был где-то году в дайте припомнить *(очень значительным тоном типа "а вот когда мы брали Сталинград")* тысяча... девятьсот девяносто втором... или третьем... К сожалению, я перестал интересоваться их творчеством периода 90-х - по их альбомам этого времени мне показалось, что они становятся более неинтересными, постоянно повторяя одно и то же. Возможно, мне стоит послушать их последние альбомы еще раз. Так или иначе, я все еще с интересом ожидаю ответа Роберта Смита на наш диск. Мне кажется, ему понравится - он человек с хорошим вкусом.

Какая музыка нравилась вам в детстве? С чего вы начинали?

В детстве? Ой, с самого начала я слушал одинокую и печальную органную музыку. Потом, уже постарше, я начал интересоваться музыкой ранних 70-х вроде Roxy Music, Brian Eno, David Bowie и прочее, а позже увлекся музыкой "новой волны" - Tuxedomoon, Wire, и естественно Cure. Потом - странная музыка, The Residents, к примеру, мне очень сильно нравятся. Думаю, это все на меня повлияло.

Ага, а еще кажется, что на вас немного повлиял индастриел...

Да, несомненно, но моя музыкальная карьера началась даже не с индастриела, а с чего-то такого... вроде как... вот группу Nurse With Wound вы слышали?

(восторженные придыхания, которые можно истолковать в духе: "Еще бы! Ого! Мы прослушали все их альбомы и совсем тронулись! Тра-ла-ла!")

Вот, в начале это было нечто в духе этой группы. Еще меня очень интересует движение musique concrete и творчество современных классиков - Штокгаузена, Стравинского.

Musique concrete - фактически, первая в истории электронная музыка, придуманная в 1948-м году парижским радиодядькой по имени Пьер Шаффер. Он заявил, что музыка отныне делится на абстрактную (сыгранную на инструментах и придуманную в голове) и конкретную: которая состоит из записанных на пленку реальных звуков, существующих в природе - а дальше уже дело склейки-нарезки, фонографов-микрофонов-эффектов и дьявольского микширования нежно-магнитных пленочных кусочков. Берроуз еще в 50-е авторитетно называл это звуковой революцией, Джон Кейдж пробовал добавлять в это ритмообразующие структуры, а позже мозаичную технику глумления над пленкой переняли Beatles и Pink Floyd. Конкретная музыка отличается от компьютерной и синтезаторной - можно использовать только внешние звуки, а сам композиционный процесс - это суровые игры с пленкой, на которую они записаны.

Когда смотришь на ваши выступления, хочется спросить, не были ли у вас в предшественниках группа Pulp? Просто когда вы на сцене, вы ужасно напоминаете мне Джарвиса Кокера...

Ой, мне это говорит буквально каждый! "Ооо, вы выглядите в точности как этот тип на сцене! Вы так же двигаетесь, ахх!". Но я не мог это ни доказать ни опровергнуть, потому что я никогда не видел эту группу "живьем". Только немного по телевизору - и то специально посмотрел, чтобы разузнать, что за они. Наверное, чтобы как-то высказаться по этому поводу, мне надо послушать много альбомов этой группы и посмотреть все видео их ранних концертов. Не знаю, может я и похож. Не

слева фото:назир хасавов,<art@partyart.net>

знаю, какая разница.

Как ваша семья относится к вашей музыкальной карьере?

Оооо, моя мама всегда кричит мне *(причитающим фальцетом)*: "Ой, сынку-сынку! Ой, когда ж ты наконец заработаешь достаточно денег и перестанешь этим мракобесием-то заниматься! Ты же этим вообще никаких денег не заработаешь! Ох, почему ты серьезным делом-то не занялся? Когда же ты наконец вырастешь! Дизайнером-то, дизайнером мог стать! Почему, почему ты такой глупый!". В принципе, она правду говорит, потому что я начинал вполне пристойно: работал дизайнером обложек для дисков в компании Sony Music и неплохо зарабатывал, но потом организовал эту дурацкую группу и поставил крест на своем будущем! *(Ужасно гордо)* Я хотел чего-то большего, чего-то лучшего, чем рисовать обложки! Ну и вот: я занимался музыкой и становился беднее, беднее и беднее. А теперь...

Становитесь богаче, богаче и богаче?

Да нет. Вряд ли. Скорей я думаю, что я чего-то добился. Моя карьера теперь более-менее ровная - нет взлетов, но нет и падений. А насчет денег - самое главное, что я теперь могу путешествовать по всему миру и это для меня почти самое главное. Мне ужасно нравится играть свою музыку для разных людей, как-то раскачивать их, знакомиться с ними, находясь на сцене. В процессе работы получаю больше впечатлений, чем основная масса людей, поэтому я доволен.

А как вы зарабатываете на жизнь?

Скорей всего, я зарабатываю достаточно на концертах. Точных сумм говорить не буду, по-всякому бывает. Вот к примеру - когда мы в прошлый раз сюда приезжали, мы ездили на Украину, втроем - с Джимом и "Зверем", сами понимаете - билеты, визы, еда-отель-путешествия-сувениры - и мы ни за что не платили, но и не получили в итоге ничего. Поэтому стоит надеяться, что в дальнейшем концерты будут приносить больше денег. Мне это очень нужно. Потому что с продажи дисков я почти ничего не получаю. А деньги мне нужны. Чтобы записывать музыку, вот.

Вы живете в гармонии с самим собой?

Нет, никогда. Я вообще не живу в гармонии ни с чем. Включая и себя самого. Возможно, бывают дни, когда я более-менее доволен собой, но я не помню. Когда я ухожу со сцены после концерта, я вроде должен быть счастлив, но иногда я ужасно мрачен: "О, это было кошмарно, что мне теперь делать, как мне теперь жить?! Я больше никогда не смогу выйти на сцену!".

Где можно найти ваши диски, кроме как в Интернете?

Сейчас с этим будет легче - у Nova Huta вышел альбом "Here Comes My Seltsam Voice", который будет распространяться и в России. Скоро заработает мой официальный сайт www.novahuta.de, там тоже будет информация об этом.

Ой, совсем забыли спросить - почему "дачаделика"?

Ну "дача", вы же знаете что такое дача! А вот некоторые люди где-нибудь в Америке не знают, что такое дача, и мне приходится объяснять им - это "weekend house, where you have to do everything by yourself normally". Типа - что-то вроде загородного коттеджа, где вы отдыхаете на выходных, но где все надо делать руками. Дрова колоть, воду носить, камин топить и картошку чистить. Как в моей музыке.

То есть это музыка, сделанная "вручную" плюс психоделика?

Не психоделика это! Я просто окончание взял, чтобы лингвистически термин адекватно воспринимался. А вообще это "дачаделика", и все тут, никакого психодела. Nova Huta не использует лупы, частоты или сэмплы, там все делается вручную, каждый звук, это уникальная музыка каждый раз. И в этом для меня смысл слова "дача" - чтобы что-то получить, ты должен сначала это что-то сделать сам. Понятно, что все равно это обрабатывать надо на компьютере, но изначальная форма - мелодии и основа всего этого делается руками. Пальцами. И я не использую музыкальный полуфабрикат - беру только то, что у меня есть.

Тут за Резничеком прибежали жестикулирующие дурновкусовцы с Авиньоном во главе и весело потащили его пить. Тут мы и поняли, что Резничек - фигура трагическая. Этим и привлекательная. Его вечно кто-то куда-то тащит (он вроде талисмана, наверное)- то в африканское турне, то пить, то поездом на Украину. В общем-то, оно даже не плохо - потому как трагедия многих неизвестных артистов в том, что их никто никуда не тащит, вот они и сидят в подвальчиках, passive & depressive. Резничеку несказанно повезло, что вокруг него прекрасные люди, а людям повезло еще больше - они никогда не признаются в том, как этот удивительный человек их вдохновляет.

Татьяна Замировская,
Максим Иващенко

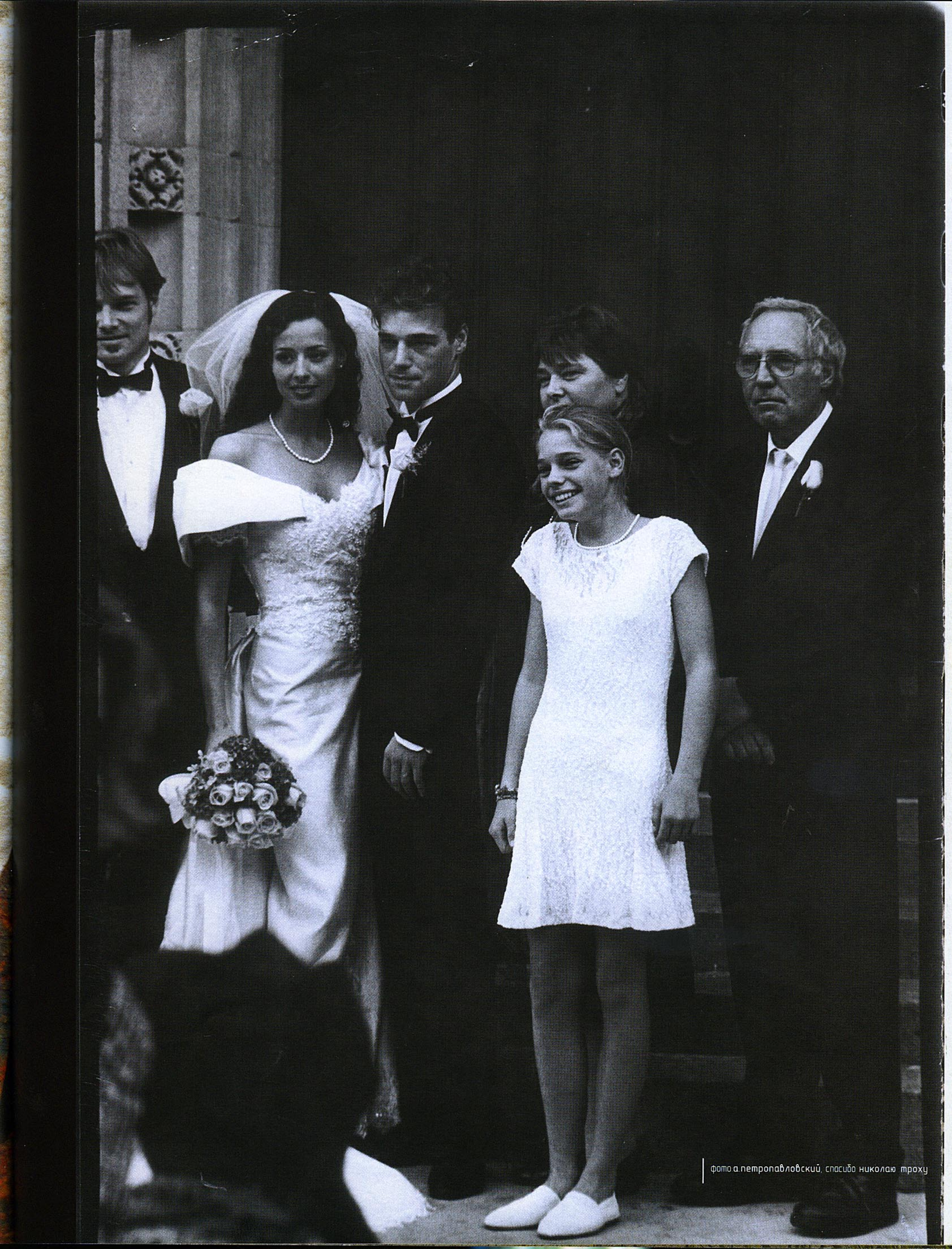

фото а.петропавловский, спасибо николаю троху

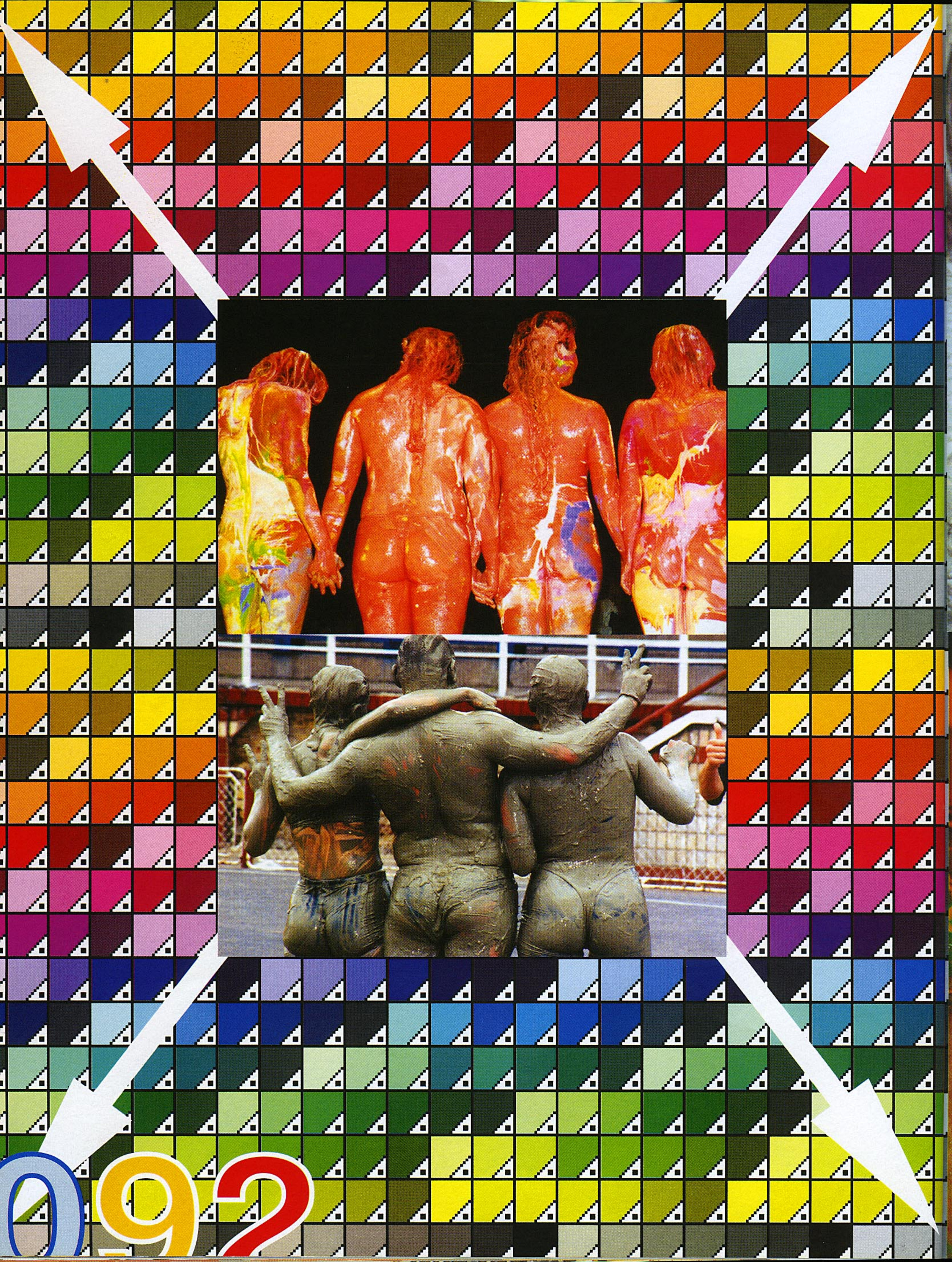

фото:саша сердцеед,<kodak67@mail.ru>
крымские грязевые бои,<www.kgb3000.narod.ru>

09

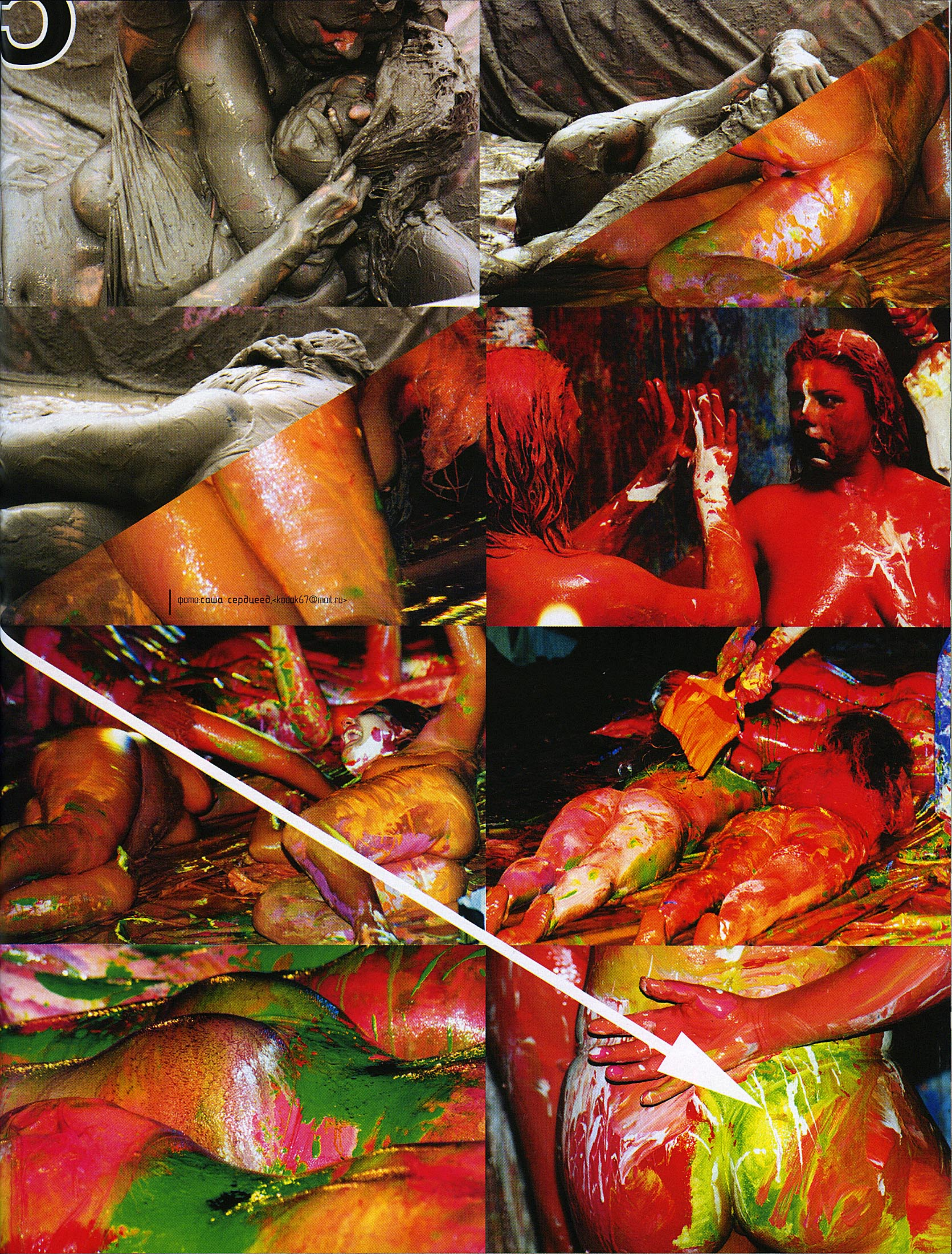
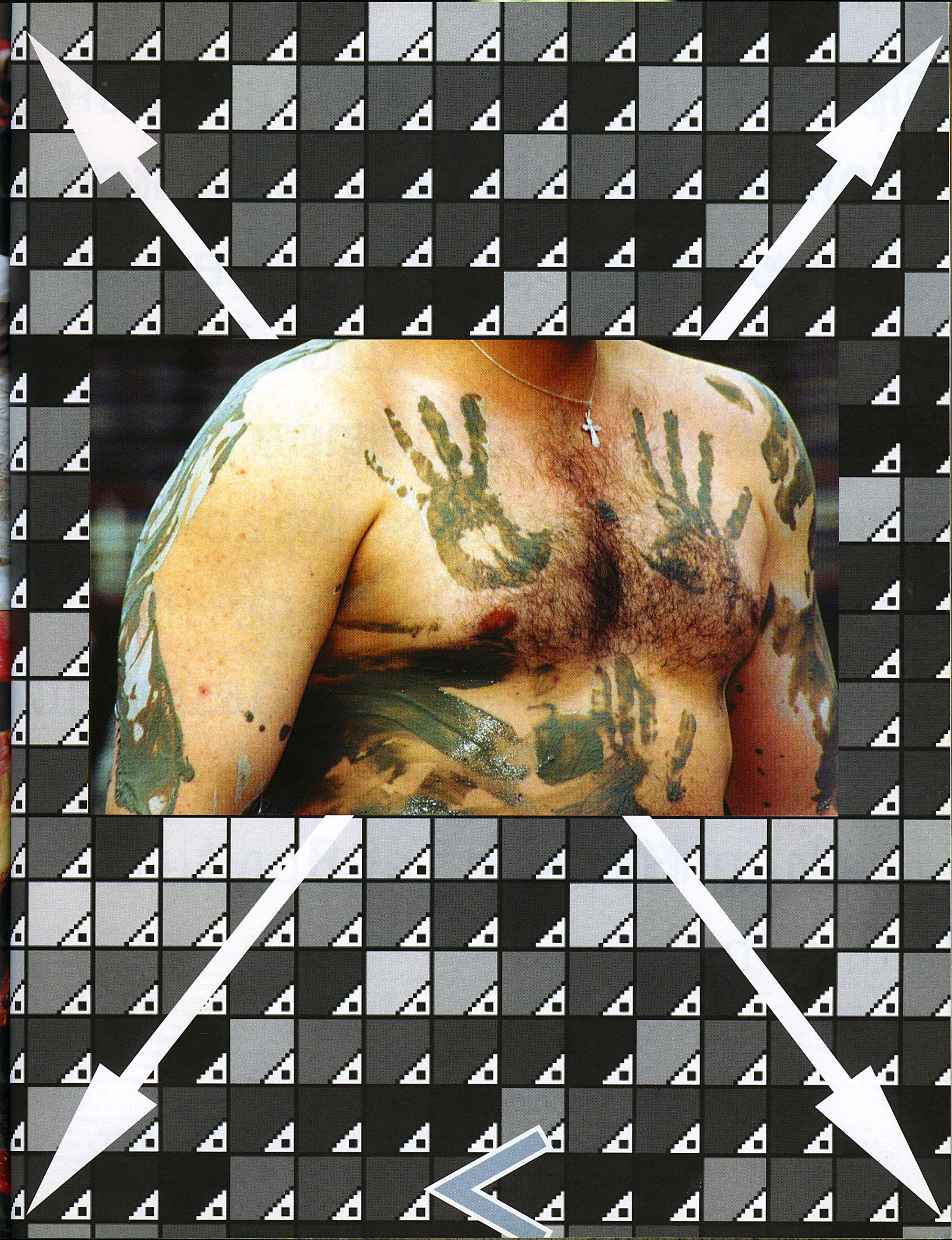

фото:саша сердцеед,<kodak67@mail.ru>

фото саша сердцеед,<kodak67@mail.ru>
боди-арт геннадий гутгарц,<gutgarts@ukr.net>
на этот раз поливал ещё и красным вином

Примечание: В процессе со
5(пять) вариантов оформлен
в процессе работы не был
точками зрения дизайнера и
чего в 6 часов утра было п
материала без какого-то н
отведённого объёма
неутверждёнными вариант
редакции журнала по адре
Карла Маркса, 98, 4-й э
куполом).

Смородиновый бес

(из цикла "Угрыёнзы")

дания номера было создано
я данного материала. Однако
остигнут компромисс между
рт-директора, в результате
инято решение о публикации
было оформления в рамках
5(пять) страниц. С
ми можно ознакомиться в
: Днепропетровск, проспект
аж, угловая комната (под

I

Этой осенью в папу снова вселился смородиновый бес. Весёлый, пушистый, бес позволял играть с собой, дёргать за острые ушки и длинный, как у мартышки, мохнатый хвостик. Рогов у беса не было, он был молодой: не успели отрасти.
Папа в тот день как раз собирался к кому-то в гости и выглядел безупречно: белый костюм, белая рубашка, белые, с чёрными полосками по бокам, очищенные гризотапом туфли. Вселения в себя беса он не заметил, а мы ясно увидели, как трясущаяся от возбуждения мохнатая фигурка выскочила из телевизора и слилась с папой. Долго ли, коротко ли, папа нетерпеливо пощёлкал хвостом и ускакал на своих двоих в гости. Мы остались одни. За окном садилось солнце, лаяли собаки, и какие-то светлячки звали друг друга на своём бессловесном языке. Скоро стало совсем темно, и мы сидели, притаившись, под столом, не включая света. Тогда я спросил, кто из нас самый смелый, и Вадик ответил: "Я". Если ты самый смелый, то иди к серванту за конфетами, и Вадик ушёл. Прошёл час, второй, ситуация становилась всё более драматичной. За окном даже один раз пропел петух. С высоты нашего шестнадцатого этажа видно всё, как на ладони. Было не до шуток. Тогда за Вадиком, а значит за конфетами, мы послали Алексея Витальевича Можейко. Алексей Витальевич Можейко тоже не вернулся. Нас становилось всё меньше. Первые звёзды зажглись на небосводе. Выйдя на балкон, мы увидели, как их много. Может быть, наши товарищи попали в беду или сидят и лопают втихаря эти конфеты? Но мы так не думали. Посчитавшись про царь-царевич-король-королевич, мы выбрали ещё одного: на этот раз очередь идти за конфетами досталась Егорке. Егорка - мальчик шустрый, с большими карими, как у лошади, глазами, за словом в карман не лезет: сказал - сделал. Он пошёл и не вернулся. Где Вадик, где Алексей Витальевич Можейко, где Егорка? Мы не знали. Наверное, в соседней комнате. Потому что сервант с конфетами стоит там. На беду

решили мы поесть этих конфет! Не следовало нам этого делать!
В воздухе запахло грозой и нашим страхом. И тогда, не выбирая, мы отправили вслед за товарищами того, кто первым захотел конфет, - Костика. Костик - ябеда, самый трусливый парень из всего класса. Он думал, что мы не видели, как он пошёл не в соседнюю комнату, где сервант и пропавшие ребята, а прошмыгнул в дверь и был таков. Каков всегда - трусливой ябедой. Сейчас пойдёт жаловаться своей маме, что мы зажилили от него конфеты. Ну и пусть.
Время шло. На наш старинный город опустилась тёплая летняя ночь. Закрылись магазины и пункты приёма стеклотары. Стало не по себе. Каждый из нас подумал: а что, если следующим буду я? Вопрос повис в воздухе без ответа. Всё меньше и меньше нам хотелось конфет и всё больше, чтобы нам вернули наших друзей по несчастью, с которыми явно что-то случилось. Нам было не до сна. Сна не было ни в одном глазу. Но лето - не зима, пришла беда - открывай ворота. Следующей выпало идти Лариске. Девчонка - что с неё возьмёшь? В голове одни куклы и бантики. Ушла - и не вернулась. Кто их знает, куда они все деваются. Как в воду канают.
За окном прибавилось звёзд. Взошла полная луна. Повылазили на свет белый лешие, тролли и прочая нечисть. Но нам-то что: мы смелые.

Мы взяли и послали за конфетами Пашку-Фисташку, а он взял и не вернулся. Что же происходит там, около серванта? Быть может, лешие и тролли сгруппировались там в особом углу и помыкают нашими товарищами? Пытают их или ещё что-нибудь? В смятении мы не знали, что и думать. Чёрное-чёрное небо разверзлось над нашими душами. Что-то случилось, но никто, кроме меня, не догадывался что.
И тогда я послал на разведку Игорька - не было ближе и милей друга у меня в тот момент. Игорёк долго не хотел уходить, и его пришлось выпихивать из-под стола ногами. Проливая слёзы, он двинулся в свой скорбный путь. Игорёк, конечно, тоже не вернулся. Почему-то никто не возвращался из того таинственного места, расположенного в той комнате. Даже девчонки!
Тревога вошла в наши сердца. Победа казалась такой далёкой. Я пересчитал бойцов и увидел, что многих из наших уже не хватает. Оставались самые смелые и бесстрашные, соль земли и моя гордость. Ничего не оставалось, как послать кого-то из них. Следующим из-под стола мы выпхали Женьку. Он знал, на что шёл. Проводить товарища собрались все, и все как один были готовы занять его место. Жека простился с нами, как подобает настоящему мужчине, собрал в узелок свой нехитрый скарб и вышел. Больше живым мы его не видели. Вскоре пришла очередь Русика, Жмота и Григория. Я вдруг увидел, что остался один-одинёшенек. И тогда я перешёл к плану Бэ.

II

Лично я верю своему сыну, пусть даже он и врёт. Я не такая, как родители в сказке про мальчика, который всё время кричал "волки! волки!" Когда мой Костик прибежал и сказал, что что-то случилось, я сразу, не раздумывая, пошла туда. Вы знаете, эта квартира у нас считается неблагополучной. Со всеми, кто там живёт, всегда что-то происходит. Я не верю во всех этих барабашек, но что-то в той квартире есть нехорошее. Там когда-то как-то странно умерла молодая женщина, и с тех пор с жильцами всегда что-то случается. То одно, то другое. Вот Борис Евсеевич лет десять назад жил там и выбросился из окна. Летом, днём, при детях. Потом арабы снимали квартиру и исчезли, не заплатив за телефон, вместе с вещами. Ещё кто-то снимал квартиру - и утопился в ванной.
В общем, я Костика не пускала играть в ту квартиру, но вы же знаете детей. Другие родители как-то легкомысленно относятся, а я думаю: бережёного бог бережёт. Когда Костик прибежал, рубашка порвана, весь в крови, я сразу поняла: играли в той квартире. Ну что их вечно тянет в такие места, во дворе песочницу поставили, песка завезли, качели делают. Сколько раз Костик обещал мне не ходить в ту квартиру, но вы же знаете детей. Сегодня пообещал - завтра забыл.
Я его заперла дома, прихожу туда, дверь открыта, не настежь, а так. Захожу в квартиру, включаю свет. Никого. И кровь на полу. Много крови. Прямо лужи крови. На стенках кровь, на мебели, а под сервантом целое море. Я как выскочила.

III

Христобивасум неи, ориджапал сум. Поколихум нистранпур ном. Гос онеи зам, зам стродуктор. Ай! Оркадиум зеи на патарах. Об. Стриндер стовокур. Мальчик маленький. Беленький. Бизоклу нем. А стронко. Урбаладим незанум. Ориджапал урбаладим низану. Восько сер. Не стреляйте пока стронгу химадум. Орло. Бистадар нигаёнзу самадакур. Урлы, урлы мои. Гризотап нискоёнсу бес смородингазелум. Остохарко. Восбитокарум угрыёнзы тур. Восбитокарум никры да прифеточка. Асхатум! Асхатум нея! Агры, агры ёнзы, вом. Бравитахум нестоёнзы не заданакур. Абидна. Несгрегошим без строхатки. Без строхатки несгрегоши. Фтолобек дизанур прача. Стасы его? Стасы! Стасы! Стасы. А гризонопур? Стасы! И гризонопур стасы? Стасы. Оф эпидемсия надло, как надло, так и стыдло. Нигрыёнзы мне. Бравитака. Стохоранбур ея, зея стохопибур. Мальчик надненький, копкенький - угрыёнзы! Воспраметахум! Асбетиды безосбестиды. Никонорум хрумко. Хрумко и хрумко, поедам железяхум вот. Где? Вот железяхум! А угрыёнзы? Нея. Нея. Нея негошум. Мальчик гришык и самадакур. Нея ступ-ступ, ступ-ступ - аколидахум. Брезкантис. Стрегонко, строгонко нея. И тогда он перешёл к плану Бэ.

V
Я - бог, я всё видел, но вам ничего не скажу, потому что да будет воля моя и всё такое. Стохоранбур!

IV

Вы соображаете, что говорите: чтобы я убил детей и своего ребёнка! Как это - меня никто не видел? Я вам ещё раз объясняю, что был на юбилее у Виталия Витальевича Можейко. Если меня там никто не видел, то это ещё ничего не доказывает: когда я пришёл, все были уже пьяными, когда уходил - тем более. Проверьте: пять белых гвоздик, стоят букетом в целлофане в синем эмалированном ведре - это я их принёс. И перестаньте мне угрыёнзы. Лучше ищите детей! Среди них, между прочим, и мой ребёнок. Да, я ещё раз вам говорю: я пришёл к Виталию Витальевичу Можейко... Нет, времени не помню. Приглашали всех к четырём, но я опоздал. Нет, ещё не стемнело. Да откуда же я знаю, у меня нет и никогда не было часов. При чём тут хвост. Да, это мой хвост. Рудимент. А мы что - в средневековье живём? Да хоть сто священников. Ведите-ведите. Ну и что: вот ты перекрестился и что - я исчез? Потрогай-потрогай, чувствуешь? Ага, на ПВА. Да дёргай - не бойся. То-то же. Да заткните же этой дуре рот - она меня с ума сводит. А это вы ещё докажите. Где? Здесь и прописан. Так что теперь? За книги Ла Вея у нас уже сажают? Мало ли что стоит на полках: вон Ориген, вон Мильтон - к нему претензий нет? - вон Амфитеатров. "Молот ведьм"? А как же. Между пятым и шестым томами Некрасова. А теперь или убирайтесь сами, или забирайте меня. Что? Ну ладно, тогда я перехожу к плану Бэ.

VI
Собственно, я не находил веской причины его забирать. Хвост - не повод для ареста. Я регулярно посещаю экспозиции музея восковых фигур и видел сиамских близнецов, двуликих Янусов, свинорылых женщин, рогатых детей. Да и двадцать первый век всё же не шестнадцатый. Хотя, честно, если бы в УК внесли статью о ведьмах и чертях, я бы не удивился. Что ему инкриминировать? Пропажу детей - так побегают и сами найдутся. Не в первый раз в нашем районе дети сбегают. Некоторые не возвращаются и годы спустя, а тут несколько часов прошло. Кровь? Взяли на экспертизу. Может, это и не кровь. Когда будет заключение, тогда и посмотрим. Нехорошая квартира? А где у нас хорошие? В каждой или бачок протекает, или черти водятся, или наркоманы соломку варят. Свидетельства Костика? Так он двух слов произнести не в состоянии: его мать ремнём лупцует, он заика. Что ещё?

VII
Я - автор, меня зовут Краснящих Андрей Петрович. Я упражняюсь в дискурсионной практике, особенно в тавтологическом письме и психотическом нарративе, и меня совершенно не интересует, будут ли речевые акты моих героев успешными или нет. Стохоранбур!

VIII
Вислоёнца братие! Предпоследние времена настали, последние грядут! Покаяния вам во благости и да определит каждый своё место в бою при Маггедо. Возьми, брат, бесноватого за левую руку, а ты, брат, за правую. Ты, женщина, держи ту ногу, что ближе к тебе, а я, укрепи меня Господь, придержу другую. Крест на глаза, вот так. Сейчас открою Писание, и приступим. Хвост, хвост к кровати привяжите. Крепче. Туп ты, брат, хоть и лейтенант. Кто тебя учил хвосты диаволовы на бантик завязывать? Морским узлом вяжи. Да нет в хвосте хрящей, не переломится, а переломится, так небольшой грех перед Господом. Дай-ка я сам. А ты скотч найди, пасть ему заклей: смердит невыносимо. Разуй-ка его сестрица. Ага, копыта в грязи. Возьми водицы - обмой. Всё ж к вседержателю душа отправляется: не гоже пред властителем в таком виде предстать. Пистолет заряжен, брат? Ну и хорошо. Дай-ка его сюда. Ты думай не о том, как за табельное оружие перед начальником будешь отвечать, а как на Страшном Суде пред Богом ответишь. Ладно, сам так сам, хотя моей рукой вернее было б. Как закончу молитву, скажу "аминь!", стреляй вот сюда. Да не промахнись, ещё не хватало бесов добивать. Крепко держите? Приступим!

IX
Я - Костик, ябеда и трус. А ещё я немного того, потому что мама выбила мне ремнём последние мозги. Я, как и Бог и как Краснящих Андрей Петрович, всё видел, но ничего не скажу, просто я ничего не сумею сказать. Но я уже догадался, в чём состоит план Бэ. Стохоранбур!

X
Если вы уберёте пистолет и перестанете трястись, я вам обязательно всё объясню. И вы бы, батюшка, поаккуратнее с кадилом. Этот человек весь вечер провёл у меня, с восьми до двенадцати где-то. И мой сын тоже пропал, но я не выдвигаю нелепых обвинений. У меня был юбилей, собрались люди. Батюшка, опомнитесь, бог с вами, какая чёрная месса. Эти слова вообще не из моего лексикона. Водку пили, песни пели. А хвост у него с самого рождения. Родился он таким, понимаете? Не станете же вы стрелять в людей, у которых шесть пальцев или что-то ещё такое? Сколько его помню - а мы ещё в школе вместе учились, - хвост всегда был при нём. А крестили его, между прочим, ещё в трёхлетнем возрасте. Вот вы когда крестились, батюшка? То-то же. Граждан-милиционеров я и не спрашиваю. Так что давайте перестаньте заниматься экзорцизмом и развязывайте его. Дайте-ка я скотч сниму. И как вам, батюшка, не стыдло, угры ёнзы, понимаешь. Всё, я пошёл.

XI
Меня зовут Стохоранбур. Я смородиновый бес. Весь вечер я провёл в теле андрейкиного папы и в силу этого, что произошло с детьми, видеть не мог. Но я знаю, в чём состоял план Бэ.

XII
Я бы вам посоветовал ещё раз всё хорошо обдумать, всё взвесить. А я проконсультируюсь с ветеринаром: всё-таки купирование хвоста не совсем наш профиль. А вы пока пройдите полный медосмотр, обязательно сходите к ортопеду: возможно хвост участвует в движениях при ходьбе, регулирует равновесие тела, координирует размер шага. Пройдите проктолога, чтобы убедиться, что ампутация хвоста не нанесёт урон его ведомству. Дерматолога обязательно, психиатра.

XIII
Вы простите меня, я сейчас вам сделаю неожиданное предложение. Но сначала, если вас не затруднит, ответьте, пожалуйста, на вопрос, был ли ваш мальчик крещён. Очень хорошо. А те дети, что пропали вместе с ним? Ах, ну да, конечно. Я полагаю, милиция не разрешила вам убирать кровь? Вот и славненько. А теперь, собственно, моё предложение: продайте мне, пожалуйста, немного детской крови, цену назовите сами.

XV
Возьмёшь молока литр, трёхидвапроцентного, того, что по гривне пятьдесят, яиц три десятка не мелких, если бой будет - бери бой, вот пакет, посмотришь, почём огурцы, на обратном пути зайдёшь к тёте Клаве - консьержке из второго подъезда, передашь ей, что я сегодня не смогу, завтра зайду к ней, да смотри не болтайся по второму подъезду, там дядька живёт, что детей ест.

XIV
Слышь, мужик, ты б не ходил здесь. Ещё не все забыли, что ты сделал. Ты знаешь, мне лично по барабану, убивал ты их или нет, но мужики уже скинулись, на той неделе человека наймут тебя пристрелить. Я по-соседски тебе говорю: уехал бы ты куда. Родственники в деревне есть? Вот и поезжай к ним. Телефончик мобильный оставишь: если дети найдутся, я позвоню. Ну и что? Я тоже под подпиской хожу и езжу, куда захочу. Это ерунда. Они у всех берут подписку, процедура такая.

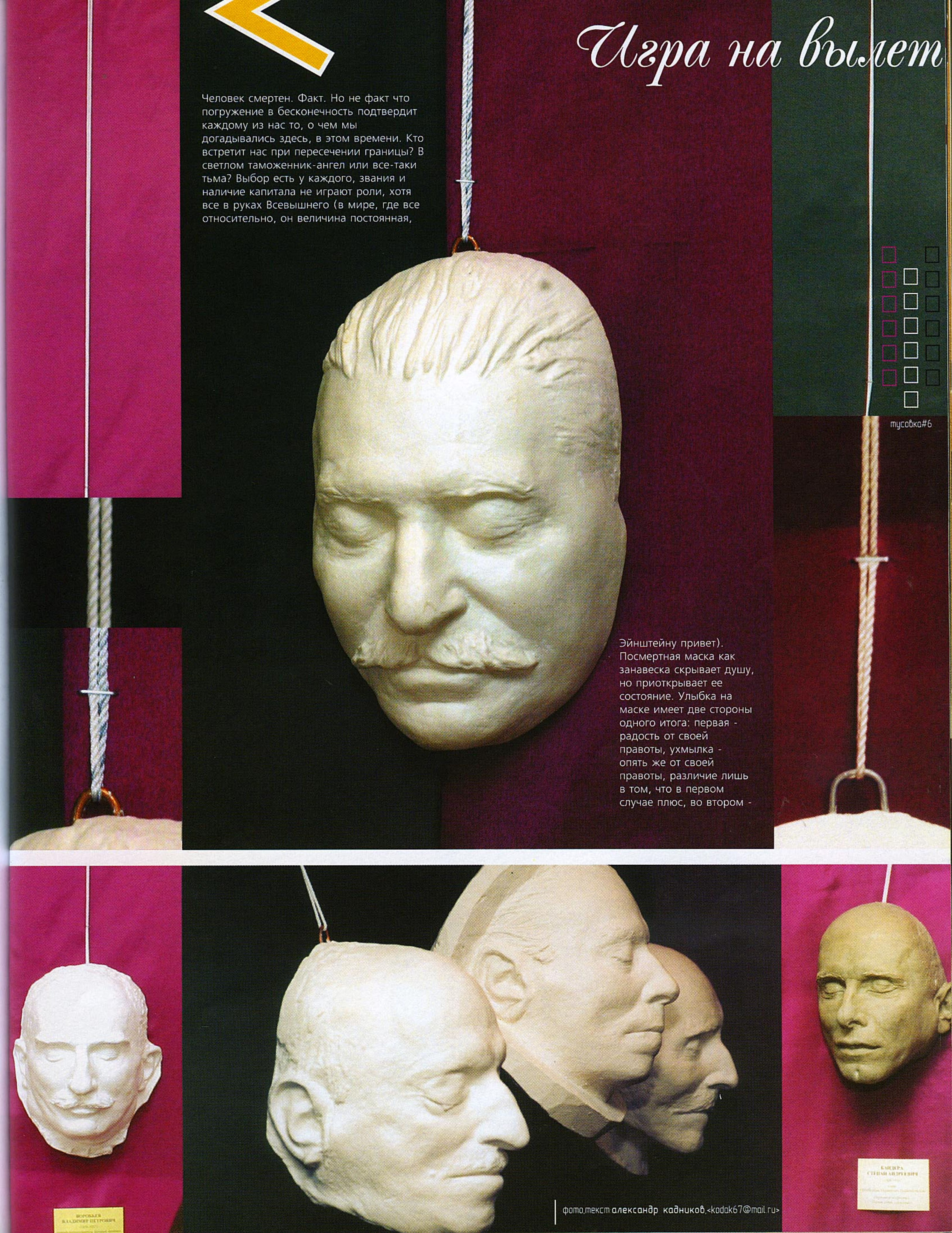
XVI
Нет, нет и ещё раз нет. Копыта вам никто ампутировать не будет. Вы подумали, как будете ходить без них? На чём? На культях? В отношении хвоста мы ещё пошли вам навстречу, но что касается копыт - никто на себя не возьмёт такой ответственности. Сорок лет прожили с копытами и ещё столько же проживёте. И ещё: не ходите по знахаркам и экстрасенсам - все деньги у них оставите и без толку.

XVII
Знаешь, старик, ты только никому об этом не рассказывай. Мне рассказал - и всё. Мне и самому иногда кажется, что это мы их убили. А вообще, в метафизическом, так сказать, смысле мы не виноваты. Точнее виноваты, конечно, но в последнюю, что ли очередь. По нисходящей: сначала виноват, разумеется, бог за то, что сделал тебя таким, потом смородиновый бес, потом все мы - помнишь: "хрумко и хрумко, нея негошум"? - а только потом - ты. Тебя же тогда и в квартире не было. Да и вообще, перестань копаться в прошлом: все уже забыли об этом. Живи как живёшь. Да, жалко детей. И мне жалко. Но что поделаешь. Помнишь, что ты рассказывал о плане Бэ? Ведь всё получилось именно так, правда?

андрей краснящих

фото:валерий соловей,<soloveychik@mail.ru>

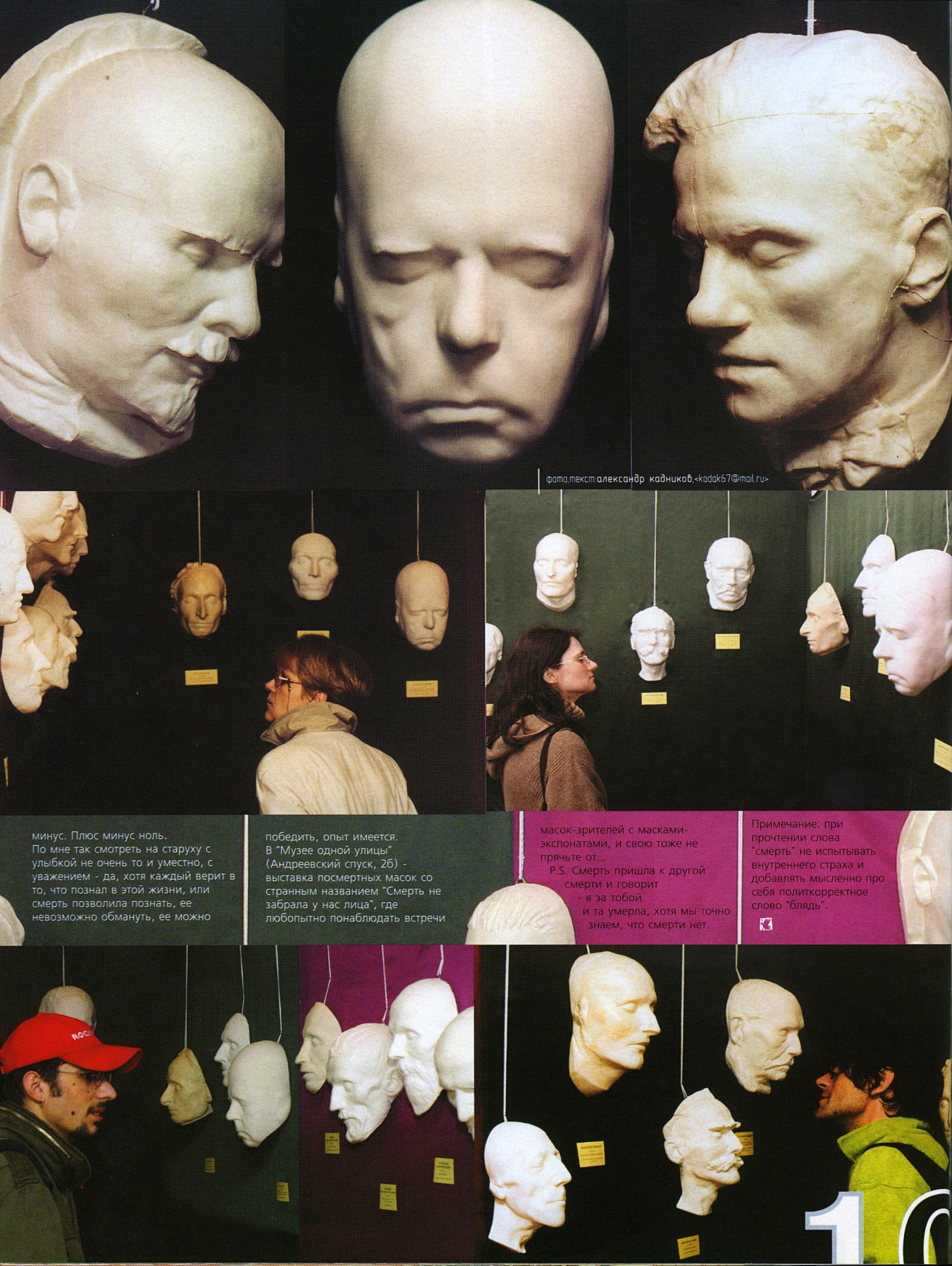

Игра на вылет

Человек смертен. Факт. Но не факт что погружение в бесконечность подтвердит каждому из нас то, о чем мы догадывались здесь, в этом времени. Кто встретит нас при пересечении границы? В светлом таможенник-ангел или все-таки тьма? Выбор есть у каждого, звания и наличие капитала не играют роли, хотя все в руках Всевышнего (в мире, где все относительно, он величина постоянная, Эйнштейну привет). Посмертная маска как занавеска скрывает душу, но приоткрывает ее состояние. Улыбка на маске имеет две стороны одного итога: первая - радость от своей правоты, ухмылка - опять же от своей правоты, различие лишь в том, что в первом случае плюс, во втором -

фото,текст александр кадников,<kodak67@mail.ru>

фото, текст александр кадников, <kadak67@mail.ru>

минус. Плюс минус ноль.
По мне так смотреть на старуху с улыбкой не очень то и уместно, с уважением - да, хотя каждый верит в то, что познал в этой жизни, или смерть позволила познать, ее невозможно обмануть, ее можно победить, опыт имеется.
В "Музее одной улицы" (Андреевский спуск, 2б) - выставка посмертных масок со странным названием "Смерть не забрала у нас лица", где любопытно понаблюдать встречи масок-зрителей с масками-экспонатами, и свою тоже не прячьте от...

P.S. Смерть пришла к другой смерти и говорит
- я за тобой
и та умерла, хотя мы точно знаем, что смерти нет.

Примечание: при прочтении слова "смерть" не испытывать внутреннего страха и добавлять мысленно про себя политкорректное слово "блядь".

фото внизу: александр кадников, <kodak67@mail.ru>
фото вверху: дмитрий чигринец
спасибо паше белику и люде мхитарьян

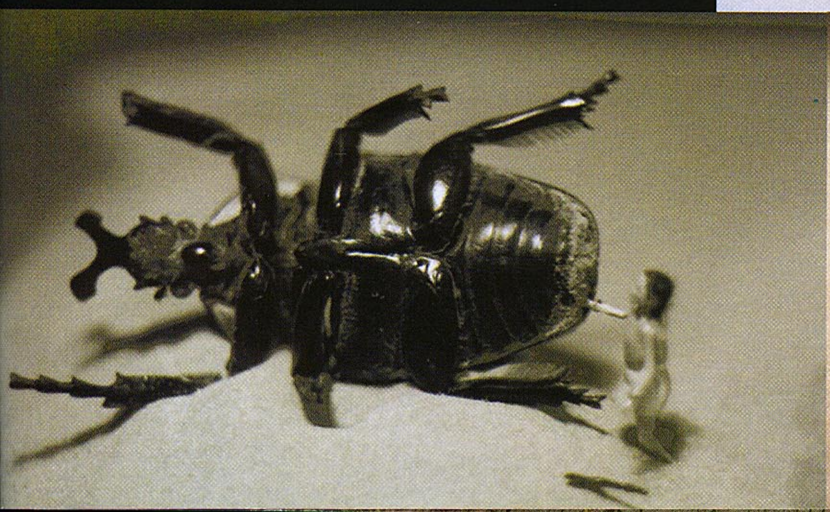
анхесен антоновна кессельман
(жоржык),фрагменты проектов фотографа
генриха гофмана-младшего
(житие анхесен-ба-атон
и ба-атона в клеймах),
в палеонтологическом
музее и всяких других местах
8067 4400294,<horoshilov@fm.com.ua>

09

анна киселёва

анна киселёва

В меру смешной, вполне симпатичный и совершенно ни к чему не обязывающий - ни зрителей, ни режиссера - молодежный фильм о начинающей рок-группе из Сиднея, выворачивающий наизнанку все стереотипы жанра. Обычно в подобном кино талантливые, но никому не известные музыканты таки добиваются к финальным титрам заслуженной славы. Здесь же и музыканты - бездари, и популярности им не видать, как... (сравнение подставьте сами). Т.е. настоящим rock'n'roll'ом в фильме не пахнет по определению, остаются только sex & drugs, приколы на тему которых и становятся главным двигателем вялотекущего сюжета. Основная мысль свежа как... (дайте волю своей фантазии): многие из нас переболели в свое время всякими юношескими хворями (рок, анархизм, наркотики, рэйвы... - выберите из этого списка или допишите что-то свое) - и ничего, большинство выжило. Может, о фильме и вообще не стоило бы говорить, если бы не один удивительный факт: его режиссером выступил Алекс Пройас, автор крепкого коммерческого хита "Ворон" и близкого к гениальности фантастического нуара "Темный город" (1998) - лент мрачных донельзя. То есть интрига вырисовывается следующая: сидел Пройас у себя в Австралии, всякой рок-херней маялся - свою музычку поигрывал да другим клипы снимал. Потом одумался, врубился, что не его это, и начал стильными мрачнячками зрителей прогружать. Причем раз от раза у него это все лучше получалось - синефильский "Тѐмный город" даже на Каннский фестиваль попал. Но как-то накатила на Пройаса ностальгия, и решил он молодость свою антиподскую вспомнить. А вместе с ней и рок-н-ролл этот гребаный на экран выполз. Вот и получается, что прошлое прошлым, но никто не застрахован от рецидивов.

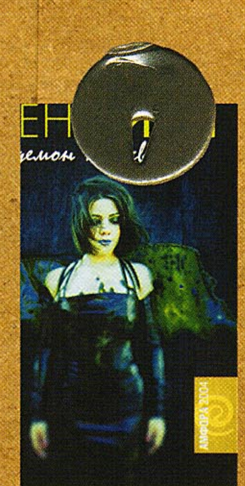

Ничего оригинального сказать не получится: просто "большое спасибо!" Кому? Естественно, В.Корну

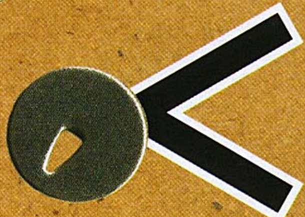
Неудачники
Garage Days
Реж.: Алекс Пройас
В ролях: Кик Гарри, Пиа Миранда, Майя Стэнж

Сборник автобиографических рассказов и эссе, написанных главным Веселым Проказником 60-х четверть века спустя. Честная и мудрая книга "повзрослевшего" писателя, в которой он подвергает тщательной ревизии радужно-кислотные идеалы собственной юности, утверждаясь при этом в самоценности каждого мгновения перед лицом всепобеждающей энтропии.

Рекомендовано: олдовым хиппи (и им сочувствующим), размышляющим за свою жисть и способным переварить дубовейший перевод этого издания.

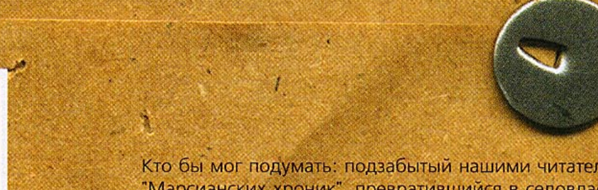
Кен Кизи
Демон Максвелла
СПб.: Амфора

Рэй Брэдбери
В мгновенье ока
М.: Эксмо, Домино

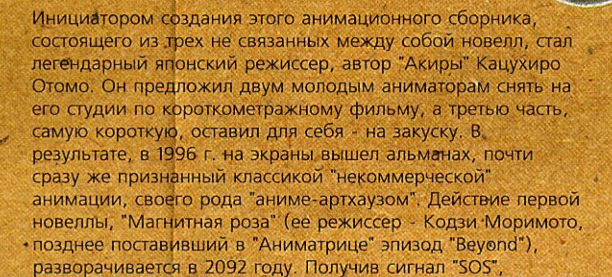
Кто бы мог подумать: подзабытый нашими читателями автор "Марсианских хроник", превратившийся в седовласого патриарха, полон сил и энергии и пишет книгу за книгой. Правда, в новой прозе мэтра (этот сборник рассказов относится к середине 90-х) нет и намека на научную фантастику - здесь во главу угла поставлена магия повседневной жизни. Возможно, у кого-то отдельные рассказы вызовут искреннее восхищение. Но только не у нас - поезд давно ушел, и от такой литературы за версту тянет нафталином...

Рекомендовано: адептам "философской" фантастики (Лем, Стругацкие и пр.) и поклонникам американской новеллы XIX века (Эдгар По, Вашингтон Ирвинг и др.).

Воспоминания о будущем
Memories
Реж.: Кодзи Моримото, Тенсаи Окамура, Кацухиро Отомо

Инициатором создания этого анимационного сборника, состоящего из трех не связанных между собой новелл, стал легендарный японский режиссер, автор "Акиры" Кацухиро Отомо. Он предложил двум молодым аниматорам снять на его студии по короткометражному фильму, а третью часть, самую короткую, оставил для себя - на закуску. В результате, в 1996 г. на экраны вышел альманах, почти сразу же признанный классикой "некоммерческой" анимации, своего рода "аниме-артхаузом". Действие первой новеллы, "Магнитная роза" (ее режиссер - Кодзи Моримото, позднее поставивший в "Аниматрице" эпизод "Beyond"), разворачивается в 2092 году. Получив сигнал "SOS", космические мусорщики высаживаются на необычный астероид в форме гигантской розы, не подозревая, что попали в ловушку давно умершей оперной дивы с Земли. Во втором фрагменте, "Вонючая бомба", Тенсаи Окамура моделирует очередную, сатирическую версию "Гибели Японии". Третий фильм, "Город большой пушки" - оруэлловская антиутопия о феодально-тоталитарном городе-государстве, вся жизнь которого подчинена одному ритуалу - выстрелу из гигантского орудия. Три автора, три графических стиля, один результат - амбициозный проект, местами завораживающе красивый, местами утонченный, иногда не во всем понятный и уж точно не предназначенный для любителей усредненной развлекательной поп-продукции.

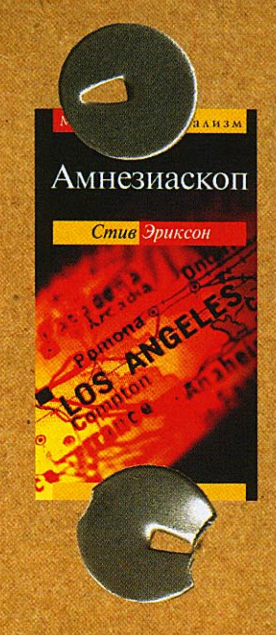

Идол
L'Idole
Реж.: Саманта Лэнг
В ролях: Лили Собески,
Джеймс Хонг, Жан-Поль Руссийон

Появление в старом парижском доме квартирантки Сары, молодой актрисы из Австралии, вызывает резкий протест его жильцов - она все делает не так, как здесь принято: слишком громко занимается сексом, никогда не закрывает дверь своей квартиры и вообще какая-то очень богемная. Но один из жильцов, старый китаец Зао, уже было собравшийся навсегда переселиться в дом престарелых, внезапно понимает, что встретил в Саре родственную душу. Он спасает девушку от самоубийства, начинает готовить для нее еду, становится другом и исповедником. Симпатия Зао к Саре возмущает соседей, и мирного разрешения конфликта между "такими, как все" и "другими" ждать не приходится... Формула этого фильма немного удивляет: молодая австралийка-режиссер + американские исполнители главных ролей = 100%-но европейское кино, настолько "европейское", что в самой Европе такого уже лет десять не снимают. Красиво и культурно, психологично и эротично. С медленным развитием сюжета и неожиданным вывертом в финале. Если такое кино вам нравится - смотрите на здоровье, если вы к нему безразличны - не тратьте время. Хотя один неожиданный момент в фильме присутствует: нечасто с экрана нас убеждают в том, что дети - на редкость подлые и мстительные существа. Другим словом, суки.

Стив Эриксон
Амнезиаскоп
М.: Эксмо

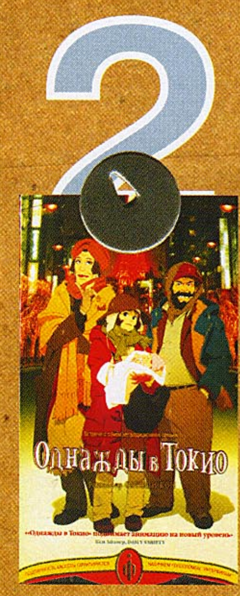
Апокалиптическая фантасмагория, чем-то неуловимо пересекающаяся с "Нет" Горалик-Кузнецова. Чем-чем? - и здесь, и там порнофильмы снимают. Но у Эриксона все не в будущем происходит, а в какой-то абсолютно параллельной реальности, ткань которой сплетается из воспоминаний, фантазий и снов автора. Чудовищно интересная и очень странная книга, которую хрен на какую полочку пристроишь.
Рекомендовано: для многомудрых читателей Томаса Пинчона, Лоренса Даррелла и Кэти Акер. Знаете эти имена? Ну так и возьмите с полки пирожок.

Вторая книжка британского юмориста и колумниста, произведшего локальный фурор своим первым романом "Лучше для мужчины нет" (ну помните, вы же сами хохотали над ним как сумасшедшие пару лет назад?) На этот раз О'Фаррелл решил исследовать феномен постыдной страсти простого человека стать "знаменитым" и "популярным". Диагноз болезни поставлен точно, но шутки срабатывают нечасто: непонятно, кто облажался - автор или русскоязычный ретранслятор.
Рекомендовано: любителям разнообразных ток-шоу и прочей телевизионной жвачки с участием "звезд" и других астрономических объектов.

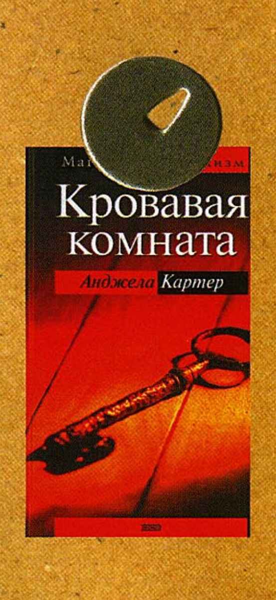

Джон О'Фаррелл
Это твоя жизнь
М.: Фантом Пресс

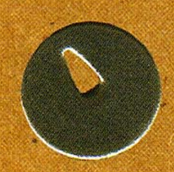

Однажды в Токио
Tokyo Godfathers
Реж.: Сатоши Кон

Анджела Картер
Кровавая комната
М.: Эксмо

Амбициозный проект британской феминистки и возмутительницы спокойствия - представить, как могли бы звучать сказки Шарля Перро в декадентской атмосфере fin de sciecle, пропитанной изощренной эротикой и оснащенной готическим антуражем. Типичный образец постмодернистских игрищ начала 80-х: изящно, пикантно, адекватно цитируемым оригиналам, но - как-то не в кассу... Ее же "Адские машины желания доктора Хоффмана" или "Любовь" впечатляли куда больше.
Рекомендовано: литературным гурманам, смакующим блюда уайльдовско-набоковской филологической кухни.

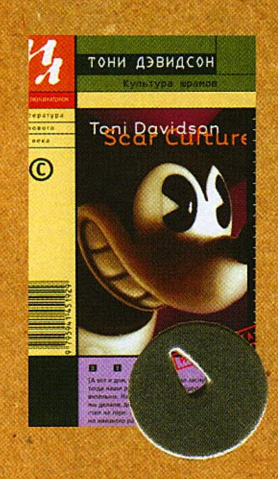

т/ф. 32-18-01
Благодарим за информационную поддержку видеостудию «Эдем».

Очень неожиданный анимэшный фильм, поставленный режиссером Сатоши Коном ("Perfect Blue" - см. НАШ, №9/2002). Никакой фантастики, никаких роботов, никаких покемонов. Герои - трое токийских бомжей: алкоголик-бродяга Джин, девочка-подросток Миюки и трансвестит Хана (риторический вопрос: много ли вы видели фильмов о бомжах-трансвеститах?) Однажды в Сочельник эта троица находит на помойке новорожденную девочку. Неожиданно в опустившихся бродягах, уже давно думающих лишь о собственном выживании, просыпаются забытые человеческие чувства, и они решают отыскать родителей ребенка, представляя себя его ангелами-хранителями... Фиг его знает: может в самой Японии фильмов, рассказывающих о современной жизни - пруд пруди, и это только на наши экраны они не попадают? Как бы то ни было, на фоне прочей Japanimation "Крестные отцы из Токио" смотрятся весьма свежо - думается, это оценят даже те, кого покоробит душещипательная мелодраматичность отдельных сцен этой ленты.

Тони Дэвидсон
Культура шрамов
М.: Иностранка

Писательский дебют скандального английского издателя, прежде созывавшего под свое крыло преимущественно геев, лесбиянок и наркоманов. Герои этой книги - два молодых психопата и их лечащий врач, с юности играющий со своей сестрой в странные психологические игры. Патология на патологии сидит и ею же погоняет. Мрачно, гадко и грязно. Возможно, в конце ожидался нехилый катарсис, но дожить до него не хватило сил.
Рекомендовано: дипломированным психотерапевтам, ищущим, что бы почитать, возлежа на собственной кушетке.

Хеллсинг: война с нечистью
Hellsing
Режиссер: Ясунори Урата

Динамичный и увлекательный сериал "только для взрослых", состоящий из 13 серий (наши прокатчики решили разделить его на две части, назвав первую "Немертвый", а вторую - "Адское пламя"), рассказывает о тайной британской организации, борющейся с вампирами и прочими кровососущими и плоть-грызущими тварями. Организация эта существует уже более ста лет и унаследовала имя своего основателя - легендарного Ван Хелсинга, героя Брэма Стокера и Стивена Соммерса (Внимание! Ни в коем случае не путайте сериал с почти одноименным фильмом последнего - мультфильм гораздо круче!) Теперь "фирмой" заправляет правнучка профессора, Интегра, а одним из ее главных помощников стал перешедший на службу к людям

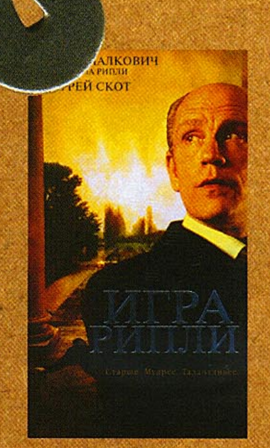
могущественный вампир Алукард (а ну-ка, умненькие вы наши, прочтите его имя задом наперед). Вместе им предстоит противостоять таинственной эпидемии "искусственного вампиризма", которую наслали на английскую столицу загадочные враги, покровители которых заседают в самом Ватикане... "Хеллсинг" - один из лучших примеров телевизионных анимешек последних лет (фильм вполне свежий, он был снят в 2002 году). Великолепно поставленные сцены "конкретного рубилова", едкий черный юмор, яркие, объемные герои и подчеркнутая "английскость" - все максимально не похоже на усредненную японскую телебодягу. Судя по открытому финалу, не за горами продолжение сериала. Ждем, ждем...

Виктор Ерофеев
Хороший Сталин
М.: ZебраЕ

Г-н Ерофеев рискнул вспомнить, что он неплохой писатель, и написал роман об истории взаимоотношений со своим отцом, "красным дипломатом" и большой партийной "шишкой". Получилась местами показушная, но, по большей части, искренняя книга о двух "правдах", каждая из которых имеет право на существование; книга, из которой можно узнать много любопытных подробностей о быте и нравах околокремлевск[illegible] и московского художественного анде[illegible]
Рекомендовано: тем, [illegible] ары о веселых брежневских времена[illegible] вился последний фильм Тима Бартона.

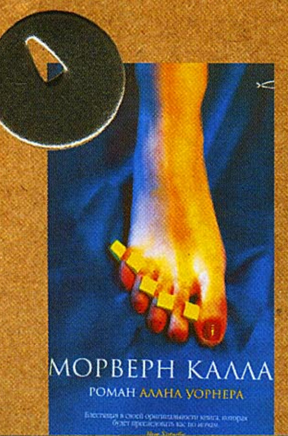
Лента Лилианы Кавани, автора культового "Ночного портье", во многом сформировавшего эстетику 70-х, и десятка других не менее интересных фильмов (в их числе - "Шкура", "Берлинский роман", "Франциск"), поставлена по третьей книге из знаменитого цикла романов Патриции Хайсмит о мистере Рипли. Поклонницы пухлогубого Мэтта Дэймона, сыгравшего заглавную роль в относительно недавней ленте Энтони Мингелла, будут, скорее всего, разочарованы - в новой ленте Рипли на двадцать лет старше, и играет его теперь лысый и лобастый Джон Малкович - тоже, конечно, парень хоть куда, но явно на любителя. Зато те, кто знаком с "Американским другом" - экранизацией того же романа, выполненной четверть века назад Вимом Вендерсом, должны быть довольны - если в том фильме от книжки остались только рожки да ножки, то лента Кавани ближе духу и букве романа скандальной американки об открытости человеческой души Злу, о готовности любого из нас совершить преступление - главное, чтоб представилась подходящая возможность. Только лишь верность своей теме - исследованию темных и нелицеприятных сторон людской натуры - объединяет новую ленту итальянского режиссера с ее предыдущими работами. В остальном же, чувствуется, что Кавани постарела - этой бледной и анемичной ленте не хватает мощи и дерзости ее лучших фильмов. Малкович - конечно, актер гениальный, но и он не в состоянии вытянуть на себе этот фильм. Так что, хоть Мингелла и попсарь оскароносный, но его "Рипли" все ж поинтересней будет.

Игра Рипли
Ripley's Game
Реж.: Лилиана Кавани
В ролях: Джон Малкович, Дугрей Скотт, Рей Винстон

Алан Уорнер
Морверн Каллар
СПб.: Ред Фиш, Амфора

Первый роман британского писателя, принесший ему лавры глашатая нового поколения и сравнения с Ирвином Уэлшем и прочей элитой англо-саксонской мусорно-психологической прозы. Книга о девушке из портового города на севере Шотландии, чья жизнь круто меняется, когда ее бойфренд перерезает себе глотку кухонным ножом, сплав социологического очерка и экзистенциалистского романа, постепенно приобретающий форму классического роуд-муви.
Рекомендовано: завсегдатаям техно-вечеринок и скромным девушкам-гедонисткам, ищущим пример для подражания.

Макс Шевцов,
летними короткими ночами

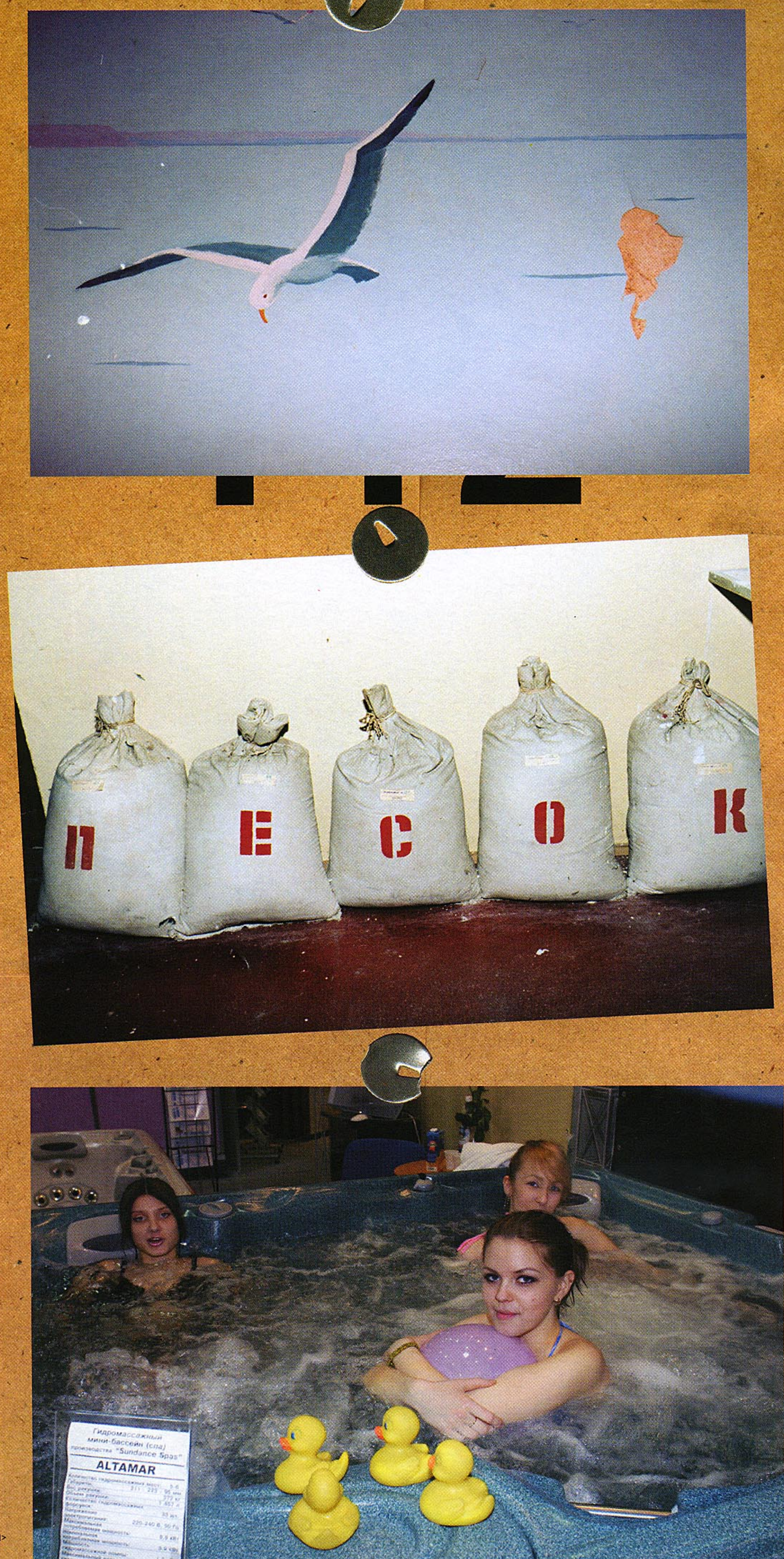

фото:саша досааф,<kodak67@mail.ru>

ПЯТЬ СЕКУНД
БЕЗУМИЯ

COSMOPOLITAN

СЕНТЯБРЬ 2004

Спрашивайте в киосках!

С СЕНТЯБРЯ

ЖУРНАЛ НА!!! С **НОВОЙ** ОБЛОЖКОЙ
И ЛОГОТИПОМ!

Вы этого достойны.

ray caesar ("the widows tea party" (Чаепитие вдов)

ДВА ГОДА МЫ РАСТИЛИ КОРОВУ...

...ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ИЗ НЕЕ ГАМБУРГЕР.

Ее звали Гретхен. Она приехала в Россию из Голландии. Она надеялась на лучшее будущее. Как и Эйнштейн, она была иммигрантом. Гретхен — одна из миллионов. **У гамбургера теперь есть свое имя.**

